

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина».

На правах рукописи

Таривердиева Сабина Эльмар кызы

**МАРК АГРИППА:
ОТ СОРАТНИКА ОКТАВИАНА К СОПРАВИТЕЛЮ АВГУСТА**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Зайков Андрей Викторович

Екатеринбург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Возвышение Марка Агриппы (44–37 гг. до н. э.).....	35
1.1. Марк Агриппа и Гай Октавий: общая юность.....	36
1.2. Начало политической карьеры Марка Агриппы (44–42 гг. до н. э.).....	44
1.3. Деятельность в военной сфере (41–40 гг. до н. э.).....	58
1.4. Наместник и избранный консул (40–38 гг. до н. э.).....	66
Глава 2. Создание идеологических основ соправления.....	75
2.1. Отказы Агриппы от триумфов.....	77
2.2. Идеологические мотивы на монетах Агриппы.....	102
А. Избранный консул: галльская чеканка 38 г.	102
В. Соправитель: чеканка 20–13 гг.....	136
2.3. Строительная деятельность Агриппы.....	154
Глава 3. Становление соправления (29–18 гг. до н. э.).....	187
3.1. Становление нового порядка (29–27 гг. до н. э.).....	188
3.2. Марк Агриппа в статусе <i>privatus</i> (26–24 гг. до н. э.).....	196
3.3. Кризис (23 г. до н. э.).....	204
3.4. Марк Агриппа как преемник и зять Августа (21–18 гг. до н. э.).....	224
Заключение.....	233
Список сокращений.....	237
Список литературы.....	241
Источники.....	241
Исследования.....	250

Введение.

Актуальность темы исследования заключается прежде всего в том, что понимание пути зарождения института соправления — позволит, с одной стороны, намного лучше понять историю создания принципата в целом, и, с другой стороны, пролить свет на некоторые «тёмные» эпизоды в биографии Агриппы этих лет, которые до сих пор не имеют удовлетворительного объяснения (самый яркий пример – события 23 г. до н. э.).

Принципат, созданный императором Августом, никогда не был обделен вниманием исследователей¹. Их работы будут охарактеризованы ниже, но сразу следует отметить, что чаще всего историки сосредотачиваются на самом принцепсе – на его роли, полномочиях, статусе, отражении его положения в идеологии и т. д. Однако представляется, что, изучая соправителя Августа, можно получить новые данные о государственном устройстве, созданном при первом императоре.

В недавно опубликованных важных работах Ф. Юрле и Ж.-Л. Феррари² немало места уделено соправлению при Августе и Тиберии, но данные авторы, как и их предшественники, рассматривают этот институт либо в статике, либо же динамика прослеживается только с 18 г. до н. э. Подробно освещается положение соправителей в тот или иной период, отмечаются важные вехи и преобразования – особенно 23 г. до н. э., но при этом не анализируется динамика становления соправления в самом начале, не рассматриваются тенденции и первые пробные шаги в период до 18 г. до н.

¹ См. напр. обширнейшую (и всё ещё не исчерпывающую) библиографию в новой работе: Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 907–968.

² Hurler F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. Rome, 1997. 692 p.; Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers Glotz. 2001. T. 12. P. 101–154.

э., и особенно мало внимания уделяется первому соправителю Августа — Агриппе. С опорой на результаты этих исследований, в диссертации рассматривается зарождение соправления в динамике, самые первые этапы его становления, а предпринимается попытка проследить за удачами и ошибками принцепса в ходе возникновения этой системы. Когда она начала формироваться?³ Менялся ли его изначальный план на протяжении жизни? Ответ на эти вопросы может внести вклад в дискуссию о пути создания принципата и пополнить наши сведения о Марке Агриппе. Также более внимательное изучение динамики развития соправления позволяет уточнить соотношение республиканских и монархических элементов в государстве Августа — а именно этот вопрос сегодня является одним из самых обсуждаемых и дискуссионных.

Хронологические рамки исследования охватывают, главным образом, период с 44 г. до н. э. по 18 г. до н. э. Именно в эти годы Агриппа прошел свой путь от одного из друзей Октавиана к соправителю императора Августа. Последние шесть лет его жизни, с 18 г. до н. э. по 12 г. до н. э. здесь не рассматриваются, поскольку в рамках диссертационного исследования имеет значение изменение его положения с течением времени, а сейчас большинство исследователей признаёт, что с 18 г. до н. э. Агриппа становится формальным и фактическим соправителем Августа и получает те же самые полномочия, которые служили опорой власти принцепса — трибунскую власть и империй. В период с 18 г. до н. э. по 12 г. до н. э. положение Агриппы в государстве не менялось. Существует, правда, иная

³ Ж.-М. Роддаз, например, пишет, что почти все историки согласны: никакого изначального плана не было, а принципат Августа был создан опытным путём, как результат множества пробных шагов, и история полномочий Агриппы как нельзя лучше это подтверждает. См. подробнее: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 374. И если относительно опытного пути с французским исследователем согласиться можно, то тезис об отсутствии у Августа изначального плана, на мой взгляд, более спорен.

точка зрения, согласно которой в 13 г. до н. э. империй Агриппы стал высшим (*maius*)⁴. Выдвигающий её Дж. Крук опирается на слова Диона Кассия (LIV. 28. 1) о том, что в 13 г. до н. э. Август усилил положение Агриппы, продлив его трибунскую власть ещё на 5 лет и дав ему власть бóльшую, чем та, которой обычно обладали магистраты за пределами Италии. Однако Ж.-Л. Феррари и Ф. Юрле выдвинули аргументы против такой интерпретации этого пассажа и убедительно доказали, что в 13 г. до н. э. все полномочия Агриппы — действительно более широкие, чем у других наместников — были лишь продлены, но не расширены⁵.

Кроме того, в ходе изучения тех или иных вопросов порой требуется обращение к более ранним или более поздним периодам.

Территориальные рамки охватывают Римское государство со всеми провинциями, входившими в его состав в рассматриваемый период. Гражданские войны, в которых принимал участие Агриппа, разворачивались в Испании, Италии, на Сицилии и на Балканах, причём в ходе этих войн постоянно повышался его статус и расширялась компетенция (см. гл. 1 и 2 настоящей работы); в этот же период он управлял Галлией, а затем участвовал в Иллирийской кампании Октавиана. После окончания гражданских войн Агриппа управлял восточными провинциями и вел войны в Испании и Галлии, не говоря уже о том, что достаточно много времени он провёл в Италии и Риме.

Объектом исследования являются политические процессы в римском обществе в период гражданских войн после смерти Цезаря и начала правления Августа. **Предметом исследования** является эволюция

⁴ Crook J. Political History, 30 B.C.to A.D. 14 // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. 2-nd ed. Cambr., 2008. P. 97.

⁵ Ferrary J.-L. Op. cit. P. 139–140; Hurlet F. Les collègues... P. 74.

положения Марка Агриппы от друга Октавиана до соправителя императора Августа.

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы, проанализировав положение Марка Агриппы до 18 г. до н. э., проследить, почему и каким образом из одного из соратников Октавиана он превратился в его формального соправителя, а также выявить тенденции, определившие развитие института соправления при его зарождении и на первых стадиях существования. Для достижения сформулированной цели требуется решить следующие **задачи**:

1. Выявить истоки знакомства Октавиана и Агриппы;
2. Рассмотреть выдвижение Марка Агриппы на роль главного соратника Октавиана;
3. Выявить вклад Агриппы в развитие идеологии, транслировавшейся Октавианом-Августом, и его место в этой идеологии.
4. Рассмотреть эволюцию положения Агриппы в государстве после окончания гражданских войн, в период с 29 до 18 гг. до н. э.

Методологию и методы диссертационного исследования в первую очередь составляет системный подход. Также они включают в себя общенаучные (в частности, анализ, синтез, дедукцию, индукцию, аналогию, абстрагирование, критический метод) и специально-исторические методы. Из последних широко используется историко-генетический метод, который позволяет последовательно изучить зарождение и становление соправления Августа и Агриппы. Сравнительно-исторический метод необходим для того, чтобы понять смысл и значение тех или иных мероприятий Августа в указанное время.

Настоящее исследование основывается на принципах историзма, объективности, в ограниченном объеме используется принцип альтернативности, в особенности, при рассмотрении событий 23 г. до н. э. (см. подробнее в гл. 3 настоящей работы). Более подробно методология

также рассматривается в тексте при обращении к конкретным типам источников.

Также представляется необходимым сразу оговорить значение термина, который достаточно часто используется в тексте – «соправление». Ф. Юрле, оговаривая этот термин, пишет следующее: «Единственное выражение, которое используется в документах для обозначения главных помощников принцепаса – это *collega* (συνάρχων) , которое появляется в *Res Gestae* и «императорских фастах» из Брешии и под которым не может пониматься только республиканская терминология; «соправитель» выступает в этих обстоятельствах, как коллега принцепса, отличительная черта которого состоит в том, что он разделяет с принцепсом одно или несколько полномочий»⁶. Следует отметить, что в этом определении «соправления» не утверждается, что соправитель равный коллега принцепса. Действительно, в полноценного соправителя Августа Агриппа превратился лишь в 18 г., когда формально получил трибунскую власть и проконсульский империй, но даже тогда он не стал равен императору. Однако анализ двухгодичного совместного консульства Агриппы и Августа в 28–27 гг. до н. э., положения Агриппы в государстве в 26–24 г. до н. э., преобразований 23 г. до н. э. позволяет увидеть некие тенденции к соправлению, развивавшиеся уже в то время, хотя, конечно, никакого сформировавшегося института соправления тогда не было.

Когда в настоящей работе Агриппа обозначается словом «соправитель», под этим имеется в виду не просто его положение как помощника Августа (таких помощников было немало, к примеру, Статилий Тавр), а уникальное место Агриппы рядом с Августом — место второго человека в государстве.

Источники диссертации включают в себя произведения античных авторов, археологические памятники и находки (преимущественно в городе

⁶ Hurlet F. Les collègues... P. 6–7.

Риме и Италии, реже – в других регионах), нумизматические и эпиграфические свидетельства, датируемые эпохой Августа.

Сведения о Марке Агриппе мелкой россыпью разбросаны по различным литературным источникам, но нет ни одного связного и полного его жизнеописания. Известно, что Марк Агриппа написал автобиографию (Serv. Geor. II. 162; Plin. HN. VII. 148), но до наших дней она не сохранилась, и никакой дополнительной информации в источниках о ней тоже нет.

Из литературных источников можно выделить сочинения современников Августа и Агриппы: Николая Дамасского и Веллея Патеркула. Николай Дамасский был хорошо знаком с Августом и Агриппой, которого сопровождал в путешествии по Востоку. Сочинение Николая Дамасского «О жизни Цезаря Августа и его воспитании»⁷ часто подвергается критике за апологетичность, однако здесь содержится масса сведений о юности Октавиана, которых нет больше ни в одном источнике, и представляется более разумным подход, сформулированный М. Тоэром: «в тех случаях, когда Николай Дамасский сообщает разумную информацию, не противоречащую другим источникам, ее следует принимать»⁸.

Поскольку центральной фигурой повествования Николая Дамасского является Октавиан, Агриппа напрямую упоминается только в рассказе о том, как Октавиан спас его брата из плена, обратившись к Цезарю, и в общем перечне друзей Октавиана. Но Николай Дамасский постоянно упоминает о «друзьях», которые сопровождали Октавиана в самые первые месяцы после убийства Цезаря и вполне резонно предположить, что в их число он включал

⁷ Nikolaos von Damaskos. Bios Kaisaros // Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. F. Jacoby. T. 2. Zeitgeschichte. A. Universalgeschichte und Hellenika. Leiden, 1986. № 90, F 125–130. S. 391–420; Nicolaus of Damascus. The Life of Augustus and the Autobiography / Ed. with intr., transl., and comm. by M. Toher. Cambr., 2017. 488 p.; Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании // Пер. Е. Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 4. С. 218–237.

⁸ Toher M. Octavian's arrival in Rome, 44 BC // CQ. 2004. № 1. P. 177.

и самого близкого (FGrHist 127 F 16) друга Октавиана – Агриппу. Кроме того, некоторые сообщения Николая Дамасского можно отнести к Агриппе на основании их сопоставления с другими источниками — например, сообщение о том, что некоторые друзья советовали Октавиану повести македонские легионы на Рим и отомстить за смерть Цезаря (FGrHist 117 F 41, ср. Vell. II. 59. 5).

К сожалению, это сочинение Николая Дамасского осталось незаконченным, дошло до нас лишь фрагментарно и включает только ранние годы жизни Октавиана — до начала Мутинской войны. Поэтому, разумеется, о соправлении в нём ничего не говорится. Зато именно это произведение позволяет внимательнее рассмотреть самое начало пути Октавиана и Агриппы, первые их шаги на политической арене.

Больше информации об Агриппе можно найти у Веллея Патеркула. Выше уже упоминалось, что именно благодаря его «Римской истории»⁹ мы можем идентифицировать Агриппу как одного из не названных Николаем Дамаском друзей Октавиана, которые в 44 г. до н. э. дали ему совет обратиться к македонскому войску (II. 59. 5). Именно у Веллея зафиксирован первый шаг Агриппы на политической арене – обвинение Гая Кассия, одного из убийц Цезаря, по закону Педия (II. 69. 5). Но это не единственные упоминания Агриппы у Веллея. Этого автора весьма занимает личность Агриппы и его положение в государстве; Агриппа у Веллея — это персонаж, обладающий ярко выраженным характером. Веллей рассматривает Агриппу не просто как личного друга Августа, но как его помощника, правую руку. Веллей — по всей видимости, учитывая итоговый статус Агриппы как

⁹ Velleii Paterculi Historiarum ad M. Vincium consulem libri duo / Rec. W. S. Watt. Lipsiae, 1988. 103 p.; Velleius Paterculus. Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti / With an Engl. transl. by F. W. Shipley. L.; Cambr., 1924. 432 p.; Веллей Патеркул. Римская история // Малые римские историки: Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампейлий / Пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. М., 1996. С. 9–96.

соправителя Августа — стремится как-то интерпретировать отношение самого Агриппы к власти. Любопытно, что больше ни один античный источник не пытается посмотреть на Агриппу с этой точки зрения. Вероятно, данная особенность объясняется тем, что Веллей проводит параллель между сотрудничеством Августа и Агриппы, с одной стороны, и Тиберия и Сеяна — с другой (II. 127. 1); «Римская история» была написана в годы могущества последнего и содержит пространный панегирик в его адрес (II. 127–128)¹⁰.

В «Естественной истории» Плиния Старшего¹¹, написанной в правление Веспасиана, сведения об Агриппе обрывочны и довольно скудны (за исключением ссылок на географические комментарии и/или карту Агриппы, которыми он широко пользовался), хотя и представляют определенный интерес. Особенно любопытен перечень несчастий, пережитых Агриппой на протяжении всей жизни, не свободный от преувеличений и включающий «тяжкое рабство у тестя» (VII. 45–46); аналогичный перечень несчастий Августа содержит упоминание о «позорном удалении Агриппы» (то есть о его отъезде в Митилену в 23 г. до н. э., VII. 147–150). Однако надёжных сведений, связанных с местом Агриппы в системе правления, созданной Августом, у Плиния не содержится. Это же можно сказать и о Таците, «Анналы»¹² которого начинаются с правления

¹⁰ Syme R. Tacitus. Oxf., 1958. P. 402–403; Woodman A.J. Velleius Paterculus: the Tiberian Narrative (2. 94–131). Cambridge, 1977. P. 250.

¹¹ Plini Secundi C. Naturalis historiae libri XXXVII: in 5 vol. / Ed. K. Mayhoff. Lipsiae, 1870–1878; Плиний Старший. Естественная история. Книга 7 / Пер. с лат. А. Н. Маркина] // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. 2010. № 1. С. 94–102; 2011. №3. С. 153–157; 2012. № 3. С. 155–166; 2013. № 3. С. 163–178; 2014. № 1. С. 146–153; Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат. Г. А. Тароняна. М., 1994. 941 с.

¹² Tacitus, Cornelius. Libri qui supersunt. T. 1. Pt. 1. Ab excessu divi Augusti libri I–VI / Ed. E. Koestermann. Lipsiae. 1971. 451 p.; T. 1. Pt. 2. Ab excessu divi Augusti libri XI–XVI / Ed. K. Wellesley. Lipsiae, 1986. 201 p.; Тацит, Корнелий. Сочинения: в 2 т. Том I. Анналы. Малые

Тиберия: Агриппу он лишь изредка приводит как пример в той или иной ситуации — например, излагая разговор Нерона и Сенеки по поводу отставки последнего (XIV. 53. 55), —однако сама по себе фигура зятя и соправителя Августа его не интересует.

Иосиф Флавий сообщает много сведений о наместничестве Агриппы на Востоке в XV и XVI книгах «Иудейских древностей»¹³, и отзывается о нём очень комплиментарно. Бóльшей частью Агриппа здесь упоминается в связи с историей Иудеи и иудейской диаспоры в греческих городах, и особенно много внимания Иосиф Флавий уделяет его взаимоотношениям с царём Иродом. Но в этом рассказе содержатся крайне любопытные сведения о том месте, которое занимал Агриппа рядом с Августом, например: «Сообразно с объемами этих помещений царь (Ирод – С. Т.) дал им и названия, наименовав, например, одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы» (AJ. XV. 9. 3), «Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве преемника Цезаря послан Агриппа» (AJ. XV. 10. 2) и др. (перевод Г. Генкеля с правкой). Кроме того, Иосиф Флавий цитирует несколько постановлений и писем Агриппы об иудеях и, что еще интереснее, письмо проконсула Юла Антония, где тот ссылается на совместное решение Августа и Агриппы относительно иудеев. Отсюда видно, что Агриппа у Иосифа Флавия выступает именно как соправитель Августа, как его преемник, как его товарищ во власти. Это разительно отличает Иосифа Флавия от Светония и Аппиана.

произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича под ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеевко. М., 1993. 443 с.

¹³ Josephus. Jewish Antiquities, books XII—XIV / With an Engl. transl. by R. Marcus. L.; Cambr., 1957. 788 p.; Флавий Иосиф. Иудейские древности: в 2 т. Т. 2. Книги 13–20. О древности иудейского народа (Против Апиона) / Пер. Г. Г. Генкеля. М., 2002. 612 с.

Некоторые сведения о военной и политической деятельности и личной жизни Агриппы содержатся у Светония¹⁴, но, поскольку соответствующая биография посвящена Августу, Агриппа в этом повествовании всегда находится на втором плане, в тени, его личность явно не интересует автора. Одна из особенностей жизнеописаний Светония, которую отметил в посвящённой ему монографии Ж. Гаску, состоит в том, что Светоний подробнее, чем, например, Плутарх, останавливается на личности своего героя, на любых мелочах, так или иначе связанных с ним, но зачастую небрежно обходится с историческим фоном, на котором действуют его персонажи¹⁵. Вероятно, именно из-за этой особенности Светония большинство его упоминаний об Агриппе непосредственно связано не столько со становлением принципата или какими-то его государственными мероприятиями, сколько лично с Августом.

У Аппиана Александрийского Агриппа и Октавиан преимущественно упоминаются в книгах III—V «Гражданских войн», а также в книге, посвящённой Иллирийской войне¹⁶. Как и труд Николая Дамасского,

¹⁴ Suetonius. [Works]: in 2 vols. / With an English translation by J. C. Rolfe. Cambr.; L., 1979. 499, 556 p.; Светоний Транквилл, Гай. Жизнеописание двенадцати цезарей / Пер. с лат. Д.П. Кончаловского. М.; Л., 1933. 637 с.; Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М., 1993. 364 с.

¹⁵ Gascou J. Suétone historien. Rome, 1984. P. 348, 414–417; Wallace-Hadrill A. Suetonius: the Scholar and His Caesars. L., 1983. P. 17.

¹⁶ Appiani Historia Romana. In 2 vol. Vol. 1: Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / Ed. P. Viereck, A.G. Roos; addenda et corrigenda adjecit E. Gabba. Lipsiae, 1962. 545 p.; Vol. 2: Bella civilia / Cur. P. Viereck, A.G. Roos. Lipsiae, 1905. 645 p.; Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. М. : Наука, 1998. 726 с.

произведение Аппиана тоже часто подвергается критике¹⁷, порой вполне заслуженной, поскольку у греческого историка нередко встречаются ошибки, путаница, неточности — особенно в том, что касается военных действий или хронологии событий. Но несмотря на это, труд Аппиана даёт массу ценных сведений, как уникальных, так и подтверждаемых другими источниками. Представляется верным мнение, высказанное и убедительно аргументированное К. Уэлч о том, что рассказ Аппиана о двух годах, последовавших за убийством Цезаря, опирается на современные событиям или очень близкие к ним по времени источники, причём разной идеологической направленности¹⁸. Поскольку завершается повествование Аппиана войной с Секстом Помпеем, то оно, как и рассказ Николая Дамасского, ничего не позволяют нам узнать о соправлении, зато дают много информации о начале пути Агриппы и о том, как из простого друга Октавиана он стал ближайшим и самым разносторонним его помощником. В частности, именно Аппиан показывает первые самостоятельные шаги Агриппы на военной арене, первые победы человека, который впоследствии стал главным полководцем Августа и умер, не проиграв ни одного сражения¹⁹. Однако конкретные сведения Аппиана о военных операциях

¹⁷ См. ссылки на соответствующие работы и комментарии к ним: Welch K. Appian and the Roman History: a Reappraisal // Appian's Roman History: Empire and Civil War. Ed. Welch K. Wales, 2015. P. 3, n. 16.

¹⁸ Welch K. Programme and Narrative in Civil Wars 2. 118–4.138 // Appian's Roman History: Empire and Civil War. Ed. Welch K. Wales, 2015. P. 277–305. Также см. интересный и подробный анализ произведения Аппиана: Bucher G.S. The Origins, Program, and Composition of Appian's Roman History // TAPhA. 2000. Vol. 130. P. 411–458. Также о важности того, что Аппиан (и Дион Кассий) использовали разные источники, знали разные традиции, см.: Gowing A. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992. P. 42–43.

¹⁹ Дебют Агриппы на политической арене, в качестве обвинителя Кассия — убийцы Цезаря, показывает Веллей Патеркул (см. выше), и об этом же упоминает Плутарх в

Агриппы следует воспринимать с осторожностью ввиду слабого знакомства александрийского историка с военным делом²⁰.

В «Римской истории» Диона Кассия²¹ даётся единственный связный и подробный рассказ о падении Римской республики и становлении принципата²². Вполне естественно, что это сочинение постоянно находится в центре внимания исследователей, которые одну за другой выявляют присущие Диону Кассию особенности повествования, находят и исправляют его ошибки²³. Можно привести яркий пример, как раз тесно связанный с Агриппой.

В ЛII книге греческий историк рассказывает о совещании, которое якобы имело место между Октавианом, Агриппой и Меценатом о будущем государства. Меценат в этом диалоге выступает за монархию, Агриппа – за восстановление республики. Историография по этой проблеме чрезвычайно

жизнеописании Брута (Brut. 27), причем, что любопытно, этот дебют предшествовал его военному командованию, но исследователи часто говорят именно о военных успехах Агриппы в первые годы после смерти Цезаря, игнорируя становление того самого политика, который впоследствии стал соправителем Августа (см. об этом подробнее в §2 гл. 1 настоящей работы).

²⁰ Подробнее см. §3 гл. 1.

²¹ Dio's Roman history: in 9 vols. / Ed. H.B. Foster with an English trans. by E. Cary. L.; N.Y., 1914–1917; Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LI—LXIII / Пер под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2014. 680 с.

²² Махлаюк А. В. Комментарии // Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LI—LXIII. СПб, 2014. С. 6–7; Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. vii.

²³ См. напр. основную (но, разумеется, не полную) библиографию по сочинению Диона Кассия: Махлаюк А. В. Указ. соч. С. 11–12. Также анализ его методологии см. в работах: Махлаюк А. В., Марков К. В. Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // ВДИ. 2008. №2. С. 38–56; Millar F. Op. cit. P. viii, 82–118; Reinhold M. From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 BC). Atlanta, 1988. P. 9–11, 217–240.

обширна²⁴, но в итоге исследователи пришли к выводу, что обе речи выдуманы и написаны самим Дионом Кассием и не имеют к друзьям Августа никакого отношения²⁵. Любопытно, кстати, отметить, что в историографии долгое время сохранялось мнение, что Агриппа поддерживал свою репутацию «борца за старую республику (*res publica*)»²⁶. Учитывая выводы исследователей о LII книге Диона Кассия, это мнение представляется весьма сомнительным, но в настоящей работе не представляется возможным уделить этому сюжету должное внимание.

Подробные сведения об Агриппе у Диона Кассия начинаются в XLVIII книге; он относительно подробно рассказывает о претуре Агриппы и о его участии в Сицилийской войне. И именно в связи с Сицилийской войной, у Диона Кассия имеется уникальное свидетельство о совете, который Агриппа дал своим соратникам – брать на себя самые сложные задачи, а почести оставлять правителю. Вокруг него в свое время развернулась дискуссия о том, не является ли этот совет выдумкой самого Диона Кассия и, если нет, то, что он может рассказать об отношении Агриппы к Августу и создаваемой им системе правления. Подробно этот фрагмент анализируется в §1 гл. 2 настоящей работы, здесь коротко следует отметить лишь то, что если рассмотреть этот эпизод в контексте последовательных отказов Агриппы от триумфов, то можно яснее увидеть зарождение одного из «столпов» принципата – концентрации триумфальных почестей в руках исключительно членов императорской семьи, и проследить роль Агриппы в создании этой, пусть и не основной, но довольно важной опоры принципата.

²⁴ См. Марков К. В. Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия: дис. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2007. С. 111–125.

²⁵ См. прим. 24.

²⁶ Напр.: Badian E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit* Johannes Straub zum 70. Geburtstag gewidmet / Ed. G. Wirth. B.; N.Y., 1982. P. 34.

Разумеется, Дион Кассий не обходит вниманием и постройки Агриппы, и его победы уже после гражданских войн, но для цели настоящей работы представляются более любопытными другие фрагменты. Дион Кассий, пожалуй, даже больше, чем Иосиф Флавий уделяет внимание положению Агриппы в государстве рядом с Августом, именно у него содержится больше всего «кусочков мозаики», которые помогают составить более или менее полный портрет Агриппы как соправителя Августа. Возможно, это объясняется сразу несколькими причинами. Лишь повествование Диона Кассия достаточно связно рассказывает об этой эпохе, этот автор, писавший в эпоху Северов больше сосредотачивался на подобных «монархических» элементах, чем другие источники, кроме того, возможно, именно у этого историка Агриппа вызывал больший интерес и даже восхищение, чем у всех остальных²⁷.

Наконец, коротко стоит отметить феномен, о котором уже очень подробно писал Ж.-М. Роддаз²⁸ – Агриппа очень редко упоминается в современной ему поэзии – у Горация, Вергилия и др. О причинах этого явления высказывалось много предположений, считалось даже, что это объясняется конфликтом Мecenата и Агриппы, но Ж.-М. Роддаз справедливо возражает, что никаких других сведений о таком конфликте нет и что в имеющихся поэтических упоминаниях Агриппа изображается весьма комплиментарно²⁹.

²⁷ См. интегральную и чрезвычайно положительную оценку Агриппы в пассаже, посвященном его смерти: Dio Cass. LIV. 29.

²⁸ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 224–229.

²⁹ Ibid. P. 224–225. Напр. см. такие упоминания: Verg. Aen. VIII. 682–685; Hor. Ep. I. 12. 25–29, Sat. II. 3. 185–186 и несколько более спорное: Od. I. 6. I, т.к. там Гораций очень хорошо отзывался об Агриппе, но по сути отказывается писать о его подвигах, оправдываясь недостатком собственного таланта.

Следует упомянуть и фрагмент папируса с греческим переводом погребальной речи Августа, которую тот произнес на похоронах Агриппы в 12 г. до н. э. в Риме. При цитировании и анализе этого текста в диссертации учитывается как первое издание Койнена³⁰, так и последующие статьи, содержащие корректировки и дополнения. Сохранившийся фрагмент речи очень небольшой, и его принятое на данный момент чтение можно найти в работе Ф. Юрле³¹. Даже в таком небольшом фрагменте информации содержится много, и для целей настоящего исследования наибольший интерес представляет туманное упоминание Августа об империи Агриппы, вызвавшее у исследователей оживленные споры, которые подробнее рассмотрены в гл. 3 настоящей диссертации. Здесь хотелось бы отметить лишь то, что при анализе этого источника, как верно заметил Э. Бэдиан, следует учитывать особенности жанра погребальных речей Древнего Рима, которые требовали восхвалять умершего и даже преувеличивать его заслуги или почести, но никак не преуменьшать их³².

Агриппа упоминается и в других нарративных источниках. Например, в «Географии» Страбона³³, у Евтропия³⁴, в Плутарховых жизнеописаниях Брута и Марка Антония³⁵, в комментариях Сервия к «Энеиде»³⁶, в

³⁰ Koenen L. Die «Laudatio funebris» des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon. inv. nr. 4701) // ZPE. 1970. Bd. 5. S. 217–283.

³¹ Hurlet F. Les collègues... P. 42.

³² Badian E. Notes on the Laudatio of Agrippa // CJ. 1980–1981. Vol. 76. P. 105–106.

³³ Strabonis Geographica: in 3 vols. / Rec. A. Meineke. Lipsiae, 1903–1904; Страбон. География в 17 книгах / Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М., 1964. 943 с.

³⁴ Eutropii Breviarium ab Urbe condita / Rec. C. Santini. Lipsiae, 1979. 87 p.; Евтропий. Краткая история от основания Города / Пер. с лат. А.И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997. С. 7–73.

³⁵ Plutarchi Vitae parallelae: in 4 vol. / Rec. Cl. Lindskog, K. Ziegler. Lipsiae, 1968–1980; Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994.

«Астрономике» Манилия³⁷, но эти упоминания обрывочны и специфичны настолько, что останавливаться на них отдельно в этом разделе нет необходимости, соответствующие фрагменты подробно рассматриваются и анализируются в соответствующих параграфах/главах настоящей диссертации.

Теперь обратимся к иным типам источников. Начнём с надписей. В рамках темы настоящей диссертации корпус надписей, касающихся Марка Агриппы, используется не слишком широко, поскольку они немного могут рассказать о его превращении в соправителя принцепса, и в большинстве своём относятся ко времени после 18 г. до н. э., но всё же отдельные моменты стоят упоминания. В латинских надписях Агриппа часто упоминается вместе с Августом как патрон того или иного города, меньший процент составляют надписи, повествующие об их совместной деятельности, к примеру, надпись о том, как они провели люстр, и имеются также надписи, касающиеся только его одного. В греческих надписях картина куда более любопытная и самое примечательное в ней то, что иногда Агриппу там называют «Богом Спасителем»³⁸. Одну особенность таких надписей отметил Ж.-М. Роддаз, который указывает, что почти никогда Агриппа в них не упоминается в одиночестве, а всегда с кем-то из членов семьи – либо с Августом, либо с младшим поколением (Гаем и Луцием Цезарями)³⁹. К сожалению, как уже верно отметил Ф. Юрле, «восточные» надписи не поддаются точной датировке, однако можно согласиться с тем, что с большей

³⁶ Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica Commentarii / Ed. G. Thilo. Lipsiae, 1887. 360 p.

³⁷ Manilii M. Astronomicon: in 5 vol. / Ed. A. E. Housman. L., 1903–1931; Манилий Марк. Астрономика / Пер. Е.М. Штаерман. М., 1993. 140 с.

³⁸ См. об этом подробнее: Habicht C. «Marcus Agrippa Theos Soter» // *Hyperboreus*. 2005. Vol.11, fasc.2. P. 242–246.

³⁹ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 448.

вероятностью они относятся ко второму восточному наместничеству Агриппы – с 17 по 13 гг. до н. э.⁴⁰

Тем не менее, пренебрегать надписями не следует: так, например, игнорирование эпиграфических свидетельств привело Р. Сайма к некорректному выводу не только о статусе Марка Агриппы, но и о его нраве и характере. Исследуя причины первого отказа Агриппы от триумфа в 38 г. до н. э., Р. Сайм пишет следующее⁴¹: «Агриппа, скромный и преданный полководец, одержавший в этом году победы в Галлии, отказался от триумфа, который подчеркнул бы поражения его командира, но также выделился из числа менее значительных людей, тем, что всегда отказывался ставить после своего имени тривиальный отличительный знак «*impr.*». Что достаточно хорошо для Ларония или простого аристократа вроде Аппия Клавдия Пульхра, недостаточно хорошо для Марка Агриппы». При этом Р. Сайм не учёл четыре надписи, в которых Агриппа имеет титул императора (CIL. IX. 262; 2200; AE 1920, 43; ILS. 8897).

Ещё один пример, когда именно надпись помогает нам верно определить статус Марка Агриппы: Венузийские фасты, составленные в правление Августа (CIL. IX. 422 = ILS. 6123), под 28 г. до н. э. содержат запись: *Imp(erator) Caesar VI M(arcus) Agrippa II / idem censoria potest(ate) lustrum fecer(unt)*. Больше ни в одном источнике прямо не указано, какими полномочиями обладали Август и Агриппа при совместном проведении люстра, из надписи же ясно, что принцепс обеспечил специальные цензорские полномочия не только для себя, но и для Агриппы, а это, в свою очередь позволяет сделать некоторые выводы о задачах и положении Агриппы в это время (см. подробнее в гл. 3 настоящей работы). К этой же группе источников можно отнести и сравнительно недавнюю находку в Галлии: ядра для пращи, на которых нацарапано имя Марка Агриппы и

⁴⁰ Hurlet F. *Les collègues...* P. 52–55.

⁴¹ Syme R. *Imperator Caesar: A Study in Nomenclature* // *Historia*. 1958. Bd. 7. P. 181.

титулование «император»⁴². Обратимся к следующему важному и сложному материальному источнику — к монетам. По сравнению с чеканкой, посвящённой Августу, монет, хоть как-то связанных с Марком Агриппой, немного. Несмотря на это, они являются достаточно ценным и информативным источником об эволюции статуса этого человека. Но прежде чем перейти к конкретным примерам использования нумизматических данных в настоящем исследовании, скажу несколько слов о специфике монетных свидетельств. С одной стороны, являясь современными событиями артефактами, монеты представляют значительную ценность для изучения той или иной эпохи. Но, с другой стороны, этот материал достаточно специфичен и требует очень осторожного обращения, в ином случае возможны многочисленные ошибки. В частности, прежде чем приступать к интерпретации тех или иных монетных изображений и, тем более, до того, как встраивать их в некую государственную политику или идеологию, требуется ответить на несколько вопросов: как именно датируется тот или иной выпуск? Где он был отчеканен? Каковы его примерные объёмы? Кто отвечал за выбор изображений и легенд на аверсе и реверсе? В каких номиналах чеканилась та или иная монета? Для кого она предназначалась? Ответы на эти вопросы дают специалисты-нумизматы, опираясь, в частности, на свидетельства кладов, на состав металла в конкретных монетах, степень их распространенности, изношенность и так далее. Также при изучении монет необходимо помнить, что в изучаемую эпоху они служили в первую очередь платёжным средством. Порой исследователи упускают это из виду и выстраивают шаткие концепции о чеканке Августа, сопоставляя размеры портретов на его монетах и монетах более поздних императоров, — и забывая о том, что в правление Августа никто из римлян не мог бы

⁴² См. полный их перечень с фотографиями, прорисовками, расшифровками и комментариями: Verdin F., Chataigneau M. Marcus Agrippa et l'Aquitaine // *Aquitania*. 2013. 29. P. 82–90.

выполнить такое сравнение, даже появившись у кого-то из них столь необычное желание⁴³.

В качестве примера использования нумизматических источников для решения задач, поставленных в настоящей работе, можно привести бронзовую чеканку Нима, на аверсе которой изображены профили Августа и Агриппы спиной друг к другу (RIC I (Augustus) 154). Изначально, в 28–27 гг. до н. э., нимские монеты представляли собой обычную провинциальную чеканку небольшого масштаба. Но, как верно заметил ещё М. Грант⁴⁴, с 16–15 гг. до н. э. объёмы нимской чеканки резко возрастают, необычайно расширяется их географическое распространение, меняются метрологические характеристики монет и химический состав сплава. В Немаузе открывается императорский монетный двор, и нимская бронзовая чеканка с портретами Августа и Агриппы, внешне оставаясь провинциальной, приобретает масштаб императорской: теперь она удовлетворяет потребности всех галльских провинций, Рейнской области и, что важнее всего, рейнских легионов, причём выпуск этих монет не ограничивается 16–15 гг. до н. э., а продолжается в течение нескольких десятилетий. Таким образом, именно нимская чеканка выступает недостающим звеном в цепи, протянувшейся от провинциальной галльской чеканки 38 г. до н. э., где Агриппа выступал только подписантом, до императорской чеканки римского монетного двора в 13 г. до н. э. с портретом Агриппы и посвящённой ему легендой.

Наконец, кратко остановимся на последнем типе источников – архитектурных памятниках. К сожалению, из-за пожаров в Риме во времена Нерона, Тита и Домициана, от многочисленных построек Агриппы в городе осталось не так уж много. Тем не менее, строительная деятельность Агриппы хорошо отражена в литературных источниках, а археологические раскопки

⁴³ См. подробнее критику Г. Штерна в гл. 2 настоящей работы.

⁴⁴ Grant M. *From Imperium to Auctoritas*. Cambridge, 1969. P. 70–79, 114–115

позволяют уточнять такие детали, которые древние авторы не упоминают. В частности, именно раскопки позволили выяснить, что изначальная ориентация Пантеона Агриппы была такой же, как у восстановленного Адрианом и сохранившегося доныне Пантеона, — то есть, уже в эпоху Августа Пантеон Агриппы находился на одной линии с Мавзолеем Августа и оба строения служили своеобразным обрамлением Марсова поля — участка, который Август и Агриппа превратили в подобие городского парка⁴⁵. Анализ строительной деятельности Агриппы позволяет не только оценить уровень его *auctoritas* (неформального влияния, авторитета), но и соотнести её с аналогичной деятельностью Августа, чтобы определить место Агриппы в этой сфере, имевшей важное значение для идеологии принципата Августа.

Таким образом, в литературных источниках наблюдается следующая картина: все античные авторы пишут о личной дружбе Октавиана и Агриппы, но лишь два (или три, если считать Веллея) историка пишут не о нем как о соправителе, партнере Августа во власти. Однако в речи Августа на похоронах Агриппы, а также в материальных источниках наблюдается совершенно иная картина, там на первый план выходит именно роль Агриппы в государстве, его официальный статус и полномочия, в этом типе источников он в первую очередь изображается как соправитель Августа, как его партнёр во власти, личные же их отношения уходят в тень. Такое расхождение вызвано особенностями источников: если нарративные свидетельства нередко выражают личную позицию, личные интересы и предпочтения автора, то большинство надписей, монеты и памятники отражают официальную идеологию эпохи Августа.

Степень разработанности темы исследования. Поскольку Агриппа был ближайшим соратником Августа, его личным другом и его

⁴⁵ Grüner A. Das Pantheon des Agrippa: Architektonische Form und urbaner Kontext // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9–12, 2006 / Hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 2009. S. 41–67.

соправителем, ни одна биография принцепса не обходится без многочисленных упоминаний о Марке Агриппе. Но существуют и отдельные биографии, посвящённые ему самому и именно на них следует остановиться несколько подробнее. Об Агриппе писали уже в XVIII и XIX вв., но я сосредоточусь на специальной литературе XX и XXI в., поскольку именно эти работы сейчас лежат в основе изучения жизненного пути Марка Агриппы, а также потому, что высказанные в более ранние периоды идеи и гипотезы более полно развиваются именно в работах XX и XXI вв.

В 1933 г. свет увидели сразу две биографии Агриппы, одна на английском языке за авторством М. Рейнхолда⁴⁶, вторая – на немецком, за авторством Р. Даниэля⁴⁷. Значительно более известной и авторитетной стала монография, написанная М. Рейнхолдом. Она построена строго по хронологическому принципу и во многом являет собой достаточно ясный и связный пересказ источников. При неоспоримой ценности многих соображений М. Рейнхолда и его весьма точных наблюдений, книга содержит немало спорных тезисов, нуждающихся в обосновании, а также личных суждений автора. В особенности сильно это проявляется в заключительной части книги, где М. Рейнхолд, описывая отношения Августа и Агриппы, представляет дело так, что Агриппа, в душе категорически отвергающий монархический режим Августа, служил своеобразным «сдерживающим фактором» для единоличного властителя и изо всех сил старался сделать для римского народа что-то полезное. При этом красной нитью через всю книгу М. Рейнхолда проходит мысль о том, что Август не ценил своего друга в той степени, как тот заслуживал. Этот вывод представляется весьма сомнительным, особенно если вспомнить, что в итоге

⁴⁶ Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Geneva, 1933. 207 p.

⁴⁷ Daniel R. M. Vipsanius Agrippa: Eine Monografie: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Breslau, 1933. 123 S.

Август разделил с Агриппой свой дом, свою семью и свою власть. Иначе говоря — разделил всё то, что имел сам.

Биография Агриппы за авторством Р. Даниэля практически забыта — и, пожалуй, незаслуженно. Немецкий исследователь также излагает материал по хронологическому принципу, нередко пересказывает источники, но в его работе содержится намного больше аналитики, нацеленной на то, чтобы понять, какое место в principate отводилось Агриппе, и какова была его роль. Не исключено, что такой акцент в работе Р. Даниэля вызван тем, что он был учеником Э. Корнемана, автора теории о «двойном principate» (см. ниже).

В этом же году вышла монография Ф. Шипли, посвящённая лишь одному узкому аспекту: строительной деятельности Агриппы в Риме⁴⁸. Здесь автор не придерживается хронологического принципа, но группирует постройки Агриппы по районам Рима. Несмотря на то, что во многом это исследование устарело, т.к. в нём не учтены новые археологические данные, оно всё же даёт объемное и полное представление о масштабе строительной деятельности Агриппы в Риме.

Четырьмя годами позже вышла книга Ф. Райта⁴⁹. Представляется справедливой оценка этой книги, которую дал Р. Ханслик: «популярная, бесполезная»⁵⁰. Ф. Райт не ставит перед собой и не решает научные проблемы, вместо этого высказывая не обоснованные источниками и лично окрашенные суждения о людях или проблемах, которые ему интересны⁵¹.

⁴⁸ Shipley F. Agrippa's Building Activities in Rome. Eugene, 2008 (repr. 1933). 97 p.

⁴⁹ Wright F.A. Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. 268 p.

⁵⁰ «populär, wertlos»: Hanslik R. Vipsanius (2) // RE. 1961. R. 2. HbD. 17. Sp. 1226.

⁵¹ По той же причине не рассматривается подробно работа Х. Сигнона: Signon H. Agrippa. Freund und Mitregent des Kaisers Augustus. Frankfurt am Main, 1978. 247 S. Несмотря на название, Х. Сигнона куда больше занимает основание Кёльна, чем сам Агриппа. В той

В 1961 г. Марк Агриппа удостоился отдельной статьи в энциклопедии Паули-Виссова, которую написал Р. Ханслик⁵². Несмотря на определенную специфику жанра и краткость, эта биография Агриппы представляет определенный интерес. Р. Ханслик, конечно, тоже излагает события в хронологическом порядке, однако не ограничивается изложением фактов и приводит анализ некоторых важных вопросов. В частности, в этой статье Р. Ханслик первым предложил объяснить отъезд Агриппы в 23 г. до н. э. т.н. «теорией двойной упряжи»; сегодня она не принята в историографии, но всё же стала первым шагом к изучению этой проблемы с новой стороны и отказом от ранее доминировавшей в историографии точки зрения о том, что причиной отъезда Агриппы в этом году стал его конфликт с Августом и/или с его племянником Марцеллом (см. подробнее об этом в гл. 3 настоящей диссертации).

Огромным шагом вперёд в изучении Агриппы стала французская монография за авторством Ж.-М. Роддаза⁵³. Очень подробная, 800-страничная биография дала ответы на многие вопросы, оставленные без ответа предыдущими исследователями. В отличие от своих предшественников, французский историк подробно освещает и анализирует не только спорные моменты в биографии Агриппы, но практически каждый его шаг, в том числе и периоды, скудно освещённые источниками. Большие разделы, посвященные монетам, связанным с Агриппой, его надписям, его статусу и характеру его империя, выводят монографию Ж.-М. Роддаза на качественно иной, по сравнению с предыдущими работами, уровень. Следует отметить, что во многом французский исследователь следует за М. Рейнхолдом, но намного подробнее раскрывает и рассматривает каждый шаг

части, которая касается биографии Агриппы, книга Х. Сигнона популярна и не даёт никакой новой информации.

⁵² Hanslik R. Op. cit. Sp. 1226–1275.

⁵³ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... 734 p.

Агриппы, очень много внимания уделяя рассмотрению, анализу и комментированию не столь уж многочисленных сообщений литературных источников о Марке Агриппе. Помимо этого, работа Ж.-М. Роддаза включает целый раздел, посвященный личности Агриппы, где французский исследователь, обобщая результаты своего труда, пытается воссоздать нрав, окружение, друзей, увлечения, познания и состояние героя своей книги.

Наконец, хронологически последней биографией Агриппы на сегодняшний день стала книга Л. Пауэлла⁵⁴. Эта книга является научно-популярной и, конечно, не может стоять в одном ряду с исследованием Ж.-М. Роддаза, однако в отличие от упомянутых выше книг Ф. Райта и Х. Сигнона, популярная биография Л. Пауэлла вовсе не является бесполезной. Несмотря на то, что автор порой допускает ошибки, и даже весьма серьезные, его книга всё же написана на неплохом уровне, учитывает достижения современной науки и новые археологические находки, хотя сложные проблемы, связанные с Агриппой (например, вопрос о характере его империя) в этой популярной книге не рассматриваются.

Помимо биографий самого Агриппы и Августа, в которых ближайшему соратнику императора всегда отводится немало места, существует множество статей, посвященных этому человеку и различным проблемам, связанным с ним. Дать подробный обзор всех этих публикаций в рамках введения невозможно, но на одном направлении исследований необходимо остановиться подробнее, так как он имеет прямое отношение к теме диссертации.

Выше было отмечено, что система правления, созданная императором Августом, давно привлекает внимание исследователей. При этом, как справедливо отметил Ж.-М. Роддаз⁵⁵, достаточно долго историки писали о полномочиях и положении в новом государстве самого принцепса, слишком

⁵⁴ Powell L. Marcus Agrippa. Right-hand Man of Caesar Augustus. Barnsley, 2015. 344 p.

⁵⁵ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 337.

мало внимания уделяя положению Марка Агриппы. Это упущение было исправлено не только биографией Агриппы, которую написал французский историк, не только многочисленными статьями⁵⁶, но и относительно недавней монографией Ф. Юрле «Коллеги принцепса при Августе и Тиберии»⁵⁷, а также исследованием испанского историка С. Кастана «Марк Агриппа и Август. Власть, высший империй и проблема наследования в контексте потрясений Республики-принципата», который полагает, что, несмотря на исключительное положение в государстве Марка Агриппы, ни о каком соправлении или т. н. «диархии» не может идти и речи⁵⁸.

Если говорить не только об Агриппе, но о соправителях принцепса в эпоху Ранней империи вообще, то в историографии выдвигалось немало гипотез об их положении, задачах и функциях. Некоторые из них просто не затрагивают время жизни и деятельности Агриппы, другие вызывают обоснованные возражения излишней схематичностью или неучётом важных факторов. Так, Г. Кастрициус видел в соправлении восстановление

⁵⁶ Roddaz J.-M. Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // Cahiers Glotz. 1992. T. 3. P. 189–211; Girardet K. M. Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives / Ed. A. Giovanni, F. Millar. Genève, 2000. P. 167–236; Arnaud P. Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographique la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les règnes d'Auguste e Tibère // Cahiers Glotz. 1994. T. 5. P. 221–253; Hurlet F. Recherches sur la durée de l'imperium des «co-régents» sous les principats d'Auguste et de Tibère // Cahiers Glotz. 1994. T. 5. P. 255–289; Ferrary J.-L. Op. cit. P. 101–154; Simpson C. J. Rome's "Official Imperial Seal"? The Rings of Augustus and His First Century Successors // Historia. 2005. Bd. 54, H. 2. P. 180–188; Badian E. «Crisis Theories»... P. 18–41; Fraschetti A. Augusto e la «laudatio» di Agrippa // Il bimillenario di Agrippa. Genova, 1990. P. 83–98.

⁵⁷ Hurlet F. Les collègues... 692 p.

⁵⁸ Castán S. Marco Agripa y Augusto. Poder, imperium maius y problema sucesorio en el contexto de las tensiones República-Principado. Madrid, 2013. P. 286.

традиционной республиканской коллегиальности⁵⁹. Правда, при этом он пишет, что соправители Августа, перечень которых следует начинать с Марка Агриппы, были не равны Августу, а их власть была подчиненной, меньшей по сравнению с трибунской властью принцепса⁶⁰. Однако в 18 г. до н. э. Агриппа получил трибунскую власть, равную той, что обладал Август. Стал ли он тогда равным соправителем ему или нет? Э. Корнеман усматривал в Ранней империи «диархию», то есть, государство, которым руководят два соправителя при наличии пары наследников и «лестничного» порядка их продвижения – однако можно ли расценивать эту систему как прочный и постоянный, твёрдо сформировавшийся институт? Кроме того, «соправление» Августа и Агриппы он датирует лишь с 18 г. до н. э.⁶¹ П. Гренад считает, что полноценного соправителя у Августа не было, а в Агриппе, Тиберии и др. он видит помощников императора, которые, помимо государственных дел, занимаются воспитанием и подготовкой молодых наследников к получению власти. Однако нет никаких свидетельств, что Агриппа учил и воспитывал Марцелла, а Гай и Луций Цезари, приходившиеся ему родными сыновьями, в раннем детстве были усыновлены Августом⁶². А. Пиганьоль считает, что говорить о некоей системе, планировавшейся Августом, вообще не стоит: в 23 г. до н. э. император, по его мнению, попытался установить нечто вроде диархии принцепса и сената (отказавшись от всей гражданской власти) и лишь с 18 г. до н. э. создает систему двойного правления – «государя мира» и «государя войны»:

⁵⁹ Castritius H. *Der Römische Prinzipat als Republik*. Husum, 1982. S. 9, 30–31.

⁶⁰ Ibid. S. 31.

⁶¹ Kornemann E. *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium romanum*. Leipzig; B., 1930. S. 9, 12, 15–17, 179.

⁶² Grenade P. *Essai sur les origines du principat*. P., 1961. P.440–441, 468–469, 476–478 и т. д. См. также критическую рецензию на книгу П. Гренада: Brunt P. A. [Revue op:] *Essai sur les origines du principat by P. Grenade* // JRS. Vol. 51. 1961. P. 236–238.

соправитель вел войны, тогда как сам принцепс брал на себя мирные задачи⁶³. Однако нам известно, что Агриппа в 17–14 гг. до н. э. гораздо больше занимался управленческо-административными делами, чем военными⁶⁴, а гипотеза А. Пиганьоля о т.н. «диархии» принцепса и сената в 23 г. до н. э. совершенно не учитывает положения Агриппы на Востоке в это время.

Помимо этого остается проблема определения места соправителя в этой системе и по этому вопросу тоже развернулась большая дискуссия. Агриппа был не только личным другом Августа, но сначала его родственником через брак с Марцеллой, племянницей императора, а затем и зятем – мужем его единственной дочери Юлии и отцом Гая и Луция, внуков и приемных сыновей Августа. Какова же была роль Агриппы в государстве? Предыдущие теории уже, на мой взгляд, достаточно убедительно оспорены, но Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаз считают, что Агриппа как соправитель в первую очередь должен был обеспечить беспроblemный переход власти от принцепса к его наследникам – то есть, своим родным сыновьям Гаю и Луцию, когда те достаточно повзрослеют, а до того – выполнять роль

⁶³ Piganiol A. Les pouvoirs constitutionnels et le principat d'Auguste // JS. 1937. №4. P. 150–166, особ. P. 164–165: «de tout le pouvoir civil», но, учитывая, что Август сохранил за собой трибунские полномочия, нельзя говорить об отказе от всей гражданской власти. См. также мнение А. Джонса по этому поводу, который отмечает, что трибунская власть не давала Августу слишком уж широких полномочий, но он в любом случае мог добиться при помощи *auctoritas* того, чего не мог при помощи формальной *potestas*: Jones A. H. M. The Imperium of Augustus // Idem. Studies in Roman Government and Law. N.Y., 1968. P. 9–11. О событиях 27 г. до н. э. и 23 г. до н. э. см. подробный анализ ниже в тексте настоящей работы.

⁶⁴ Подробное изложение различных версий и их критику см. Hurlet F. Les collègues... P. 365–389.

регента⁶⁵. В целом, гипотеза о «регентстве» Агриппы сейчас достаточно широко распространена и даже является преобладающей, однако несмотря на это, многие, критически важные для ее принятия вопросы до сих пор не просто остаются без ответа, исследователи ими даже не задаются (см. подробнее в гл. 3 настоящей работы).

Научная новизна. Настоящая диссертация является попыткой исследовать зарождение соправления при Августе и статус его первого соправителя - Агриппы, начиная не с 18 г. до н. э., как чаще всего поступают исследователи, не с восхождения Гая и Луция Цезарей, не с усыновления Тиберия, а с гораздо более ранней точки отсчёта. Исследование общей юности Октавиана и Агриппы, анализ политической и военной деятельности Агриппы в правление триумvirата, а также его места в окружении Октавиана, изучение его вклада в зарождающуюся идеологию принципата позволяет выдвинуть новую теорию об их знакомстве, опровергнуть распространённое мнение о преимущественно военном характере ранней карьеры Агриппы и выявить зачатки института соправления, возникшие ещё до победы Октавиана в гражданских войнах. Положение Агриппы в государстве в первое десятилетие принципата не раз претерпевало резкие изменения, и анализ этой динамики позволяет поставить под сомнение доминирующую ныне теорию об Агриппе как регенте и по-новому увидеть место соправителя в государстве Августа. Также этот подход позволяет предложить новое объяснение загадочного отъезда Агриппы на Восток в 23

⁶⁵ Ibid. P. 544 и сл. Ж.-М. Роддаз, говоря о браке Юлии, дочери Августа, с Агриппой, называет последнего потенциальным сооснователем новой династии, которому, в случае преждевременной смерти принцепса предстояло стать регентом, см.: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 376. Этой же версии придерживается П. Савиньски, причем отдельно оговаривает, что он не считает, будто Гай и Луций могли прийти к власти только после смерти Агриппы: Sawiński P. Marcus Agrippa: Collega Imperii or successor to Augustus? The Succession Issue Between 23 and 12 BC // Palamedes. 2013. №8. P. 153–154.

г. до н. э., который вызвал непримиримые разногласия не только у античных авторов, но и у современных исследователей.

Структура работы. Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, разбитых на параграфы, заключения и списка литературы. Содержание глав в основном определяется поставленными в работе задачами и преимущественно излагается по хронологическому принципу, за исключением гл. 2, содержание которой разбито по тематическим блокам.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что предлагаемая реконструкция истории создания института соправления позволит, с одной стороны, намного лучше понять один из аспектов принципата в целом, и, с другой стороны, пролить свет на некоторые «тёмные» эпизоды этих лет, которые до сих пор не имеют удовлетворительного объяснения (самый яркий пример – события 23 года), и тем самым обрести новое понимание одного из решающих и переломных этапов истории Принципата. Материалы, результаты анализа и выводы настоящего исследования могут учитываться при дальнейшем изучении такой важной и уникальной формы правления, как Принципат, а также использоваться при подготовке общих и специальных курсов по истории Древнего Рима и учебных пособий

Степень достоверности результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается за счёт привлечения широкого круга литературных, нумизматических, эпиграфических, папирологических и археологических источников, содержащих значительное количество фактического материала, анализа современной научной литературы, посвященной теме исследования на различных языках, и обращением к общенаучным и специально-историческим методам исследования.

Апробация результатов исследования.

Диссертация была обсуждена на кафедре истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина и рекомендована к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в виде докладов на различных международных и всероссийских конференциях, в частности: III, IV, V международная конференция «Слово и артефакт» (Саратов, СГУ. 2012, 2013, 2016); XVII, XIX, XX Сергеевские чтения (Москва, МГУ им. Ломоносова. 2013, 2015, 2017); II, III, IV, V симпозиум «Историк и текст». (Москва, Институт всеобщей истории РАН. 2013, 2014, 2015); II авторско-читательская конференция альманаха “Antiquitas Aeterna” «История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого». (Нижний Новгород, НГУ им. Н.И. Лобачевского. 2014).

Также, основные положения настоящей диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Таривердиева, С. Э. Военно-политическая деятельность Агриппы во время галльского наместничества 40–38 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2012. — Вып. 8 (16). — Абз. 1–38.
2. Таривердиева, С. Э. Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность / С. Э. Таривердиева // АМА. — 2013. — Вып. 16. — С. 132–140.
3. Таривердиева, С. Э. Марцелл и династическая политика Августа в 29–23 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // *Studia historica*. — 2013. — Вып. 13. — С. 158–177.
4. Таривердиева, С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме / С. Э. Таривердиева // Известия Уральского федерального ун-та. — Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1. — С. 6–25.

5. Таривердиева, С. Э. Совет Агриппы соратникам (Cass. Dio XLIX. 4): попытка интерпретации / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2015. — № 1. — С. 145–159.
6. Таривердиева, С. Э. Место Тиберия в династической политике Августа до 23 г. до н. э. / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2015. — № 3. — С. 79–90.
7. Таривердиева, С. Э. Марк Агриппа в гражданских войнах 44–42 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // АМА. — 2015. — Вып. 17. — С. 127–150.
8. Таривердиева, С. Э. Галльская чеканка Марка Агриппы 38 г. до н. э. / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2016. — №3. — С. 642–661.
9. Таривердиева, С. Э. Сальвидиен Руф и Марк Агриппа / С. Э. Таривердиева // Аристей. — 2016. — Т. 14. — С. 186–206.
10. Таривердиева С. Э. Август и Агриппа: развитие системы соправления с 29 по 18 г. до н. э. / С.Э. Таривердиева // Исторический вестник. — 2017. — Т. 19. Рим: Dominatio civilis. — С. 126–169.

Положения, выносимые на защиту:

1. Знакомство Октавиана и Агриппы, скорее всего, состоялось в доме Филиппа, отчима Октавиана, и именно поэтому незнатные братья-Випсании в гражданской войне оказались в ближайшем окружении лидеров враждующих партий – Агриппа у Цезаря, а его брат – у Катона.
2. Вопреки господствующему мнению исследователей, после смерти Цезаря Агриппа сперва вышел на политическую сцену, выполняя политические поручения Октавиана, и лишь позднее стал командовать его войсками;
3. Некоторые важные идеологические основы принципата Августа были заложены Агриппой или при его активном участии ещё в 30-е гг. до н. э., что отразилось в его отказах от триумфов, чеканке и строительной деятельности;

4. Положение Агриппы в государстве во время реформ 28–27 гг. до н. э. свидетельствует о том, что он стоял у истоков нового государственного устройства рядом с Августом;
5. После отъезда Августа в Испанию в 27 г. до н. э. Агриппа должен был контролировать обстановку в Риме, но Август не нашёл возможности дать ему постоянную должность и полномочия, не вызывая недовольства у аристократии и не ставя под угрозу свой режим, поэтому упор был сделан на преобладающую *auctoritas* (авторитет, неформальное влияние) Агриппы. Предполагалось, что в случае необходимости сенат немедленно предоставит ему соответствующие полномочия в Риме или провинциях.
5. В 23 г. до н. э. выявилась необходимость гарантировать беспроблемный переход власти к Агриппе в случае смерти принцепса, и с этой целью были преобразованы полномочия Августа, а Агриппа получил империй, который сохранял до самой смерти. Его отъезд на Восток потребовался как обоснование предоставления ему военной власти.
6. Перемены в статусе Агриппы в первое десятилетие принципата (28–27 гг. до н. э. – коллега Августа по консульству; 26–24 гг. до н. э. – частное лицо; 23–21 гг. до н. э. – наместник, облеченный широкими полномочиями; 21–18 гг. до н. э. – преемник, зять и соправитель) обусловлены попытками Августа построить систему власти, важной составляющей которой было соправление – сначала фактическое, а затем и формальное. Имея общий план действий, Август корректировал его под воздействием различных обстоятельств, отыскивая более удобные или надежные варианты. Окончательный вид система приобрела в 18 г. до н. э., когда Марк Агриппа получил формальное равенство с Августом.

Глава 1. Возвышение Марка Агриппы (44–37 гг. до н. э.)

Тесный союз Марка Агриппы и младшего Цезаря является феноменом весьма своеобразным. Необычно не только то, что их дружба выдержала самые разнообразные испытания и никогда не прерывалась¹, но и другое. И младший Цезарь, и его лучший друг проявляют себя почти во всех возможных сферах деятельности, вместе участвуют в каждом из мероприятий, в результате которых был создан принципат. Именно их дружба, постепенно превратившаяся еще и в прочный политический союз и, наконец, фактическое, а затем и формальное соправление, позволила Августу создать ту систему государственного управления, которая просуществовала еще три столетия после его смерти.

О Марке Агриппе, близком друге младшего Цезаря и лучшем полководце своей эпохи, на первый взгляд, известно достаточно много. Мы знаем массу подробностей о его военных кампаниях, о его сочинениях и постройках, о его женах и детях. Многое нам известно и о полномочиях Марка Агриппы уже в тот период, когда он становится не только фактическим, но и формальным соправителем Августа в 18 г. до н. э. Но о самом начале пути будущего победителя при Навлохе и Акции сведений далеко не так много.

Так каковы же истоки той дружбы, которая позволила построить систему управления, известную как принципат? Действительно ли Агриппа в окружении Октавиана проявил себя в первую очередь, как военный²? Когда именно младший Цезарь стал привлекать Марка Агриппу к другим сферам деятельности? На все эти вопросы сейчас в науке либо нет ответов, либо те,

¹ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 554–555.

² Так считают: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 31 ff., 556: «Lorsque l'on évoque la personnalité d'Agrippa, c'est, chronologiquement, la figure de l'homme de guerre qui surgit la première...»; Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Geneva, 1933. P. 149–150.

что есть, не учитывают все имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства.

Даже в работах, специально посвященных изучению биографии Марка Агриппы, мало внимания уделяется самому первому этапу его деятельности, истокам его знакомства и дружбы с младшим Цезарем, первым его шагам на политической арене. Но исследование этого периода может дать ответы на многие вопросы и позволит полнее проследить путь, который эти двое прошли вместе – от обычной детской дружбы к совместному правлению Римской империей.

1.1. Марк Агриппа и Гай Октавий: общая юность

Дружба императора Августа и Марка Агриппы засвидетельствована многими античными источниками. Однако подробные сведения на сей счёт имеются лишь с 44 г. до н. э. Об их более ранних отношениях мы располагаем только сообщением Николая Дамасского, согласно которому они были друзьями и воспитывались вместе (FGrHist 127 F 16). Но ни в одном источнике нет данных о том, как будущие император и его победоносный полководец познакомились и подружились.

В специальной литературе существуют две основные версии: согласно первой³, Агриппа служил в войске Цезаря, и именно диктатор ввел юношу в окружение Октавиана⁴; согласно второй, Агриппа и Октавиан познакомились значительно раньше – они вместе обучались в риторской школе. Предлагались и более экзотические версии: что Агриппа был незаконным сыном Цезаря⁵; что отцом Агриппы был Атик Випсаний, ритор, и он обучал

³ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 12–14.

⁴ С рождения до 44 г. до н. э. он носил имя Гай Октавий; однако в научной литературе при рассмотрении событий, предшествующих 27 г. до н. э. его обычно называют Октавианом.

⁵ Wright F.A. Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. P. 10 ff.

Октавиана⁶ и др⁷. Однако эти гипотезы не получили признания. Но если свести воедино скудные сведения различных источников об их детстве и юности, то на основании этих данных можно предложить новую версию знакомства Октавиана и Агриппы⁸.

Многие источники прямо указывают на невысокое происхождение Агриппы (Vell. Pat. II. 96; Sen. Controv. II. 4. 12; Tac. Ann. I. 3. 1; Suet. Cal. 23.1). Также интересно отметить, что его дед не упоминается ни в Капитолийских фастах, ни в надписи на Пантеоне⁹; это может объясняться тем, что он не был римским гражданином, и семья Випсаниев получила гражданство лишь после Союзнической войны¹⁰.

Основываясь на упоминании Плиния Старшего о «несчастной юности» Агриппы (NH. VII. 45: *misera iuventa*) и туманной фразе Манилия, которую иногда понимают в том смысле, что Агриппа рано начал военную службу¹¹,

⁶ Frandsen P.S.M. *Vipsanius Agrippa: eine historische Untersuchung über dessen Leben und Wirken*. Altona, 1836. S. 226.

⁷ См. также: Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Leipzig, 1891. Tl.1, Bd. 1. S. 736.

⁸ Подробнее происхождение Октавиана и Агриппы рассмотрено в статье: Таривердиева С. Э.: Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность // АМА. 2013. Вып. 16. С. 132–140.

⁹ Degrassi A. *Fasti Capitolini*. Torino, 1954. P. 80; CIL. VI. 896.

¹⁰ Hanslik R. *Vipsanius* (2) // RE. 1961. R. 2. Hbd. 17. Sp. 1228; Wiseman T.P. *Some Republican Senators and their Tribes* // CQ. 1964. Vol. 58. P. 131–132; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 22. Однако у Октавиана с происхождением тоже всё было не слишком хорошо, судя по всему, один из его прадедов был вольноотпущенником: Münzer F. *Octavius* (13) // RE. 1937. Hbd. 34. Sp. 1805, но, видимо, отец его бабки, а не деда: Фёдорова Е. В. *Латинская эпиграфика*. М., 1969. С. 91—94.

¹¹ Man. Astron. 1. 797–798: *matrisque sub armis | miles Agrippa suae*. В этом виде фраза не имеет смысла; предлагались различные исправления, придающие ей значение «Агриппа, воин на руках матери», то есть с пеленок. См. M. *Manilii astronomicon* / Ed. A. E. Housman. L., 1903. Vol. 1. P. 70. Другие варианты см. M. *Manilii Astronomicon* / Ed. A. Valpy. Vol. 1. L., 1828. P. 180–182.

М. Рейнхолд выдвигает следующую версию знакомства Агриппы с Октавианом: в начале гражданской войны Агриппа, вышедший из социальных низов и имевший плохое происхождение, в возрасте всего 14–15 лет¹² был зачислен в один из легионов Цезаря, отличился в ходе военных действий и привлёк внимание диктатора, который ввёл его в окружение своего внучатого племянника¹³.

Против этой теории выдвинули ряд возражений Р. Ханслик и Ж.-М. Роддаз. Во-первых, 15–16 лет – это слишком ранний возраст, чтобы отличиться на военной службе¹⁴. Во-вторых, известно, что Агриппа учился вместе с Октавианом и получил хорошее образование¹⁵, чем вряд ли мог бы похвастаться человек, поступивший на военную службу в 14 лет.

К этим аргументам можно добавить ещё несколько соображений. Плиний упоминает «несчастную юность» Агриппы в числе множества других его горестей, которые предвещал необычный способ его рождения (ножками вперёд). Некоторые из них явно преувеличены: например, несчастья, причинённые потомством, особенно обеими Агриппинами (младшая из которых на момент смерти Агриппы даже не родилась), или рабство у тестя (Августа). Вполне возможно, что и «несчастливая юность» тоже является риторическим преувеличением. Но даже если и нет, то это выражение можно отнести ко вполне известным испытаниям, которые в юности пережил Агриппа, когда участвовал в гражданских войнах после смерти Цезаря. Во всяком случае, когда Плиний пишет о 18-летнем Октавиане в 44 г. до н. э., он тоже употребляет выражение *in prima iuventa*, «в

¹² Агриппа родился во второй половине 64 г. до н. э. или в первой половине 63 г. до н. э.: Dio Cass. LIV. 28. 2–3; Plin. NH. VII. 46.

¹³ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 12–14.

¹⁴ Hanslik R. Op. cit. Sp. 1229. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 34.

¹⁵ Nic. Dam. Fr. gr. hist. 127. 16; Plin. NH. XXXV. 25; cp. Hanslik R. Op. cit. Sp. 1229. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 33.

ранней юности» (NH. II. 98): следовательно, слово *iuvēta* у Плиния может означать и возраст старше 15–16 лет.

Что касается текста Манилия, поэтическое преувеличение здесь очевидно: Агриппа никак не мог быть солдатом во младенчестве. Кроме того, толкование, на которое опирается М. Рейнхолд, не является единственным; например, вместо *matris* предлагалось читать *patris* или *Martis*, что в итоге дало бы «воин под оружием отца» (т.е. тестя, Августа) или «воин под оружием Марса»; либо под матерью предлагалось понимать Венеру или Италию¹⁶. Ни один из этих вариантов не предполагает, что Агриппа начал военную службу подростком.

Далее, если согласиться с интерпретацией М. Рейнхолда, то возникает несколько вопросов. Во-первых, для того, чтобы привлечь внимание Цезаря, Агриппа должен был получить какую-то выдающуюся награду или совершить необычный геройский поступок. Ни на что подобное в источниках нет даже намёка, хотя можно было бы ожидать, что о таком достижении Агриппы, предзнаменовавшем всю его блестящую карьеру, мы бы знали. Во-вторых, Николай Дамасский (FGrHist 127 F 16) рассказывает об эпизоде, который имел место после возвращения Цезаря с Африканской войны: «У молодого Цезаря был близкий дорогой ему друг Агриппа, который воспитывался вместе с ним и с которым он был особенно дружен. Брат Агриппы был близок к Катону, из дружбы к нему участвовал с ним вместе в африканской войне и оказался тогда среди пленников. Его-то молодой Цезарь, никогда ещё ни о чем не просивший своего дядю, захотел выручить (...) Наконец, он отважился, попросил и получил просимое» (перевод Е. Б. Веселаго). Отсюда следует, что Октавиан некоторое время воспитывался вместе с Агриппой и успел очень близко подружиться с ним ещё до 46 г., то есть, в то самое время, когда, по мнению М. Рейнхолда, Агриппа должен был

¹⁶ См. об этих интерпретациях M. Manilii *Astronomicum* / Ed. A. Valpy. P. 180–182; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 506.

служить в армии Цезаря. В-третьих, если Агриппа настолько понравился Цезарю, что тот ввёл его в окружение внучатого племянника, то непонятно, почему Марк не мог сам вступить за брата перед своим покровителем, не дожидаясь помощи Октавиана. Наконец, в-четвертых, предположение М. Рейнхолда не позволяет объяснить близкую дружбу брата Агриппы с Катонем. Если Агриппу ввел в высшее римское общество Цезарь, в награду за военные заслуги, то кто и почему оказал подобную услугу его брату (который имел столь же низкое, по мнению М. Рейнхолда, происхождение), так что тот оказался в противоположном лагере, в окружении Катона?

Отвергая теорию М. Рейнхолда, Р. Ханслик и Ж.-М. Роддаз, ссылаясь при этом на Николая Дамасского, предполагают, что дружба Октавиана и Агриппы могла завязаться в ходе совместного обучения в риторической школе, так как семья Агриппы была достаточно богата, чтобы дать ему хорошее образование в Риме¹⁷. Эта гипотеза выглядит более правдоподобной, чем версия М. Рейнхолда, но и она не объясняет, каким образом старший брат Марка оказался в кругу Катона. Представляется, что сведения Николая Дамасского позволяют выдвинуть ещё одну версию об обстоятельствах знакомства Октавиана и Агриппы, которая может пролить свет и на отношения Катона со старшим братом будущего победителя при Навлохе.

В эпоху гражданских войн члены одной семьи могли воевать на разных сторонах; но достаточно необычно, что братья Випсании, выходцы из неизвестной семьи, попали в столь близкое окружение Цезаря и Катона, лидеров враждующих партий. Представляется, что так могло произойти лишь

¹⁷ Hanslik R. Op. cit. Sp. 1229. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 33–34. См. также предположение о том, что Агриппа обучался вместе с Октавианом у Аполлодора: Marx F. M. Agrippa und die zeitgenössische römische Dichtkunst // RhM. 1925. Bd. 74. S. 184; также см.: Parker E. R. The Education of Heirs in the Julio-Claudian Family // AJPh. 1946. Vol. 67. P. 32 о том, что Аполлодор был аттицистом, как и старший Цезарь.

в том случае, если семья Випсаниев имела в среде нобилитета покровителя, в равной мере связанного с обеими группировками. Такого человека нетрудно указать; и примечательно, что именно в его доме Октавиан провел детство и отрочество. Луций Марций Филипп, консул 56 г. до н. э., был вторым мужем Атии, племянницы Цезаря и матери Октавиана (Nic. Dam. FGrHist 127 F 5; Suet. Aug. 8), а свою дочь от первого брака выдал замуж за Катона (Plut. Cat. Min. 25, 37, 39, 52). Николай Дамасский свидетельствует, с одной стороны, что Агриппа и Октавиан воспитывались вместе (FGrHist 127 F 16), и, с другой стороны, что Филипп контролировал круг общения пасынка (FGrHist 127 F 6). Поэтому очевидно, что консул 56 г. до н. э., по меньшей мере, был знаком с семьёй Випсаниев. Если отец Агриппы посещал его дом вместе с сыновьями, то братья Випсании могли там познакомиться с родственниками хозяина, и Агриппа завязал дружбу со своим ровесником Октавианом, а его брат попал под влияние Катона¹⁸. Поэтому вполне возможно, что знакомство Агриппы с Октавианом состоялось ещё в 50-х годах.

Следующий эпизод, в котором речь может идти об Агриппе, имел место весной 45 г., после битвы при Мунде, когда Октавиан без разрешения Цезаря (который, впрочем, позднее это одобрил) взял с собой на корабль, отправлявшийся в Новый Карфаген, трёх друзей (FGrHist 127 F 23). Николай Дамасский не сообщает их имен. Далее этот же автор пишет, что когда Октавиан в конце 45 г. до н. э. – начале 44 г. до н. э. находился в Аполлонии, он «вызвал удивление у своих сверстников и друзей» (FGrHist 130 F 37). Вновь не назван ни один из этих друзей, однако из других источников ясно,

¹⁸ Марк Агриппа был сыном Луция, однако в римских семьях старшему сыну обычно давали преномен отца, поэтому можно предположить, что брат Агриппы был старше него. Ещё одно упоминание о нем содержится у Диона Кассия (LIV. 11. 6): когда в сенате обсуждался какой-то вопрос, связанный с братом Агриппы, Марк Випсаний отказался высказаться, что, по мнению историка, свидетельствовало о его скромности. Ни дата, ни обстоятельства этого эпизода не известны.

что вместе с Октавианом в Аполлонии был Агриппа (Vell. Pat. II. 59. 5; Suet. Aug. 94. 12). И, наконец, рассказывая о том, как осенью 44 г. до н. э. Октавиан принял решение набирать собственное войско из ветеранов Цезаря, Николай Дамасский называет по имени нескольких друзей Октавиана: «С ним согласились и его друзья, участвовавшие в этом походе, а также и в последующих его деяниях. Это были Марк Агриппа, Луций Меценат, Квинт Ювентий, Марк Модиадий и Луций» (FGrHist 130 F 133). Скорее всего, во всех случаях, где Николай Дамасский упоминает «друзей» или «сверстников» Октавиана, не называя конкретных имён, речь идёт, в том числе и о Марке Агриппе¹⁹. Именно с ним Октавиан был «особенно дружен» (Nic. Dam. FGrHist 127 F 16), вместе с ним он отправился в Аполлонию, вдвоем с ним посетил там астролога (Suet. Aug. 94.12), и маловероятно, что в остальных эпизодах с друзьями Октавиана Агриппа не принимал никакого участия.

Вернёмся к пребыванию Октавиана в Испании²⁰. Известно, что из-за тяжёлой болезни он не смог выехать из Рима на испанскую войну вместе с Цезарем и догнал его лишь позднее. Николай Дамасский сообщает, что, выздоровев, Октавиан так спешил отправиться в Испанию, что отказал всем, кто желал сопровождать его, и взял с собой лишь слуг (Nic. Dam. FGrHist 127 F 21–22). Получается, что друзья, которых он в Иберии взял с собой на корабль, уже находились в ставке Цезаря²¹. Вероятно, сначала предполагалось, что и Октавиан, и его друзья, в том числе Марк Агриппа, все вместе будут сопровождать Цезаря на войну. Болезнь задержала Октавиана,

¹⁹ Ср. Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 13–14; Hanslik R. Op. cit. Sp. 1230; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 34.

²⁰ Подробное рассмотрение этого эпизода см.: Curchin L. A. Octavius in Spain // La Península Ibérica hace 2000 años: actas del I congreso internacional de historia Antigua / Ed. L. Hernández Guerra et al. Valladolid, 2001. P. 153–157.

²¹ Ср. Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 13–14.

но его друзья, видимо, всё-таки уехали в Испанию в конце 45 г. до н. э. и сражались при Мунде; скорее всего, для Агриппы это был первый военный опыт²².

Вскоре после этого Агриппа вместе с Октавианом отправился в Аполлонию (Nic. Dam. FGrHist 127 F 16; Cass. Dio XLV. 3. 1). Там они обучались военному делу (App. BC. III. 9) и продолжали изучать риторику. Также они вместе побывали у астролога (Suet. Aug. 94. 12). Интересно отметить, что в Аполлонии при них находился ещё один их друг – Сальвидиен Руф (Vell. Pat. II. 59. 5), а возможно, не только он (Nic. Dam. FGrHist 130 F 37), однако к астрологу Октавиан и Агриппа отправились вдвоём²³. Исследователи считают, что история с астрологом могла быть как подлинной, так и изобретенной позднее²⁴. Поскольку данный эпизод не противоречит другим сведениям источников, здравому смыслу и хронологии событий, едва ли стоит подвергать сомнению сам факт посещения юношами астролога, даже оставляя в стороне предсказания будущего величия. Также подробнее о том, почему данный эпизод представляется мне подлинным, см. в §3 настоящей главы.

Друзья всё ещё жили в Аполлонии, когда в конце марта 44 г. до н. э. получили известие о том, что в мартовские иды Цезарь убит в курии заговорщиками. На этом их юность закончилась.

На основании рассмотренного материала можно прийти к следующим выводам. Агриппа происходил из зажиточного, но совершенно незнатного по римским меркам рода. Представляется весьма вероятным, что знакомству Агриппы с Октавианом каким-то образом содействовал отчим последнего –

²² Ср. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 35.

²³ О вероятности того, что имя Сальвидиена намеренно или случайно пропало из эпизода см. подробнее: Таривердиева С. Э. Марк Агриппа в гражданских войнах 44–42 гг. до н. э. // АМА. 2015. Вып. 17. С. 129–130.

²⁴ См. напр.: Hanslik R. Op. cit. Sp. 1230; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 36.

Филипп, и в его же доме брат Агриппы свел близкое знакомство с Катоном. Известно, что юноши обучались вместе, и к 46 г. до н. э. Агриппа стал самым близким другом Октавиана. В этом же году брат Агриппы был спасен благодаря заступничеству Октавиана перед Цезарем. Вероятно, друзья должны были поехать на испанскую войну Цезаря вместе, но Октавиан задержался в Риме из-за болезни, Агриппа же отправился в Испанию вместе с Цезарем и получил там первый военный опыт; выздоровев, Октавиан присоединился к ним. Вместе они должны были участвовать и в парфянском походе Цезаря. Таким образом, к моменту начала самостоятельной политической деятельности Октавиана и Агриппу связывало давнее знакомство, близкая дружба, общие воспоминания о совместной учебе и поездке в Испанию и общие планы на будущее. После смерти диктатора эти планы резко переменились, однако так и остались общими.

1.2. Начало политической карьеры Марка Агриппы (44–42 гг. до н. э.)

События первого этапа политических конфликтов и гражданских войн после смерти Цезаря, особенно 44-го и 43-го гг. до н. э., очень хорошо засвидетельствованы в источниках, однако и в этом периоде есть плохо освещённые эпизоды и сюжеты. В частности, это касается того, какую роль в событиях этих лет играл Марк Агриппа, ближайший друг Октавиана и его будущий соправитель. Ввиду скудости и разрозненности свидетельств по этому поводу, современные авторы биографий Агриппы часто сосредотачиваются лишь на его военной службе в это время, из-за чего затеняется его деятельность в политической сфере²⁵.

²⁵ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 150; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 31, 38, 80. На стр. 81 автор делает некоторые оговорки о том, что Агриппа все же не был чужд политики, но хронологически они относятся лишь к его претуре в 40 г. до н. э. и более поздним событиям. В работах, посвящённых Августу или ходу гражданских войн Агриппе

В итоге вознесение Агриппы на политический Олимп из политического небытия напоминает рождение Афины из головы Зевса. Но такие метаморфозы возможны только в мифах. Как и почему из нескольких друзей, находившихся с приемным сыном Цезаря, именно Марк Агриппа стал его правой рукой? Участвовал ли он в Мутинской и Филиппийской войнах? В каком году Агриппа занимал должность плебейского трибуна? И кто, по удачному выражению Ж.-М. Роддаза²⁶, родился первым – политик или полководец?

Начнем с событий, последовавших после того, как юноши получили известие об убийстве Цезаря. Николай Дамасский (FGrHist 117 F 16–17) описывает сложившуюся ситуацию довольно подробно, и в общих чертах его рассказ сводится к следующему: Октавиан получил от матери письмо, в котором она писала об убийстве Цезаря и просила сына вернуться в Рим. Поскольку письмо было написано сразу же после убийства, Октавиан не мог знать никаких подробностей. После этого он до утра советовался с друзьями о том, что и как предпринять, и некоторые предлагали ему отправиться к стоявшему в Македонии войску, взять его с собой для безопасности, и идти к Риму, чтобы дать отпор убийцам. Хотя Николай Дамасский не называет имен этих некоторых друзей, благодаря Веллею Патеркулу мы знаем, что совет принадлежал Агриппе и Сальвидиену Руфу (Vell. II. LIX. 5)²⁷.

уделяется ещё меньше внимания, см. напр.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. 148 с; Rawson E. The Aftermath of the Ides // The Cambridge Ancient History. Vol. 9. The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. 2 ed., repr. 1992. Cambr., 2008. P. 468–490.

²⁶ Ibid. P. 31.

²⁷ Аппиан также упоминает об этом эпизоде, но имен советчиков он не называет (BC. III. 10). Более подробно анализируется этот совет в статье: Таривердиева С. Э. Марк Агриппа... С. 132–135.

Вскоре после этого Октавиан и его друзья отбыли из Аполлонии и, сделав несколько остановок, добрались до Рима. Следует отметить, что в Брундизии Агриппа и Сальвидиен повторили свой совет: набрать войско (FGrHist 117 F 18). Только на сей раз они уже рекомендовали Октавиану не пассивно принять предложенную помощь, а обратиться к колонистам Цезаря.

Эти первые недели пребывания Октавиана в Италии и Риме были весьма насыщены событиями²⁸, но здесь нет возможности остановиться на них подробно. Во многих эпизодах безлично упоминаются «друзья» Октавиана, к которым он либо обращается за советом, либо они просто сопровождают его²⁹. Как указывалось выше, есть все основания предполагать, что в число этих друзей входил и Агриппа. По всей видимости, в 44 г. до н. э. Агриппа постоянно находился рядом с Октавианом, принимал заметное участие в его действиях, давал советы и вместе с другом принимал решения по важным вопросам³⁰. Однако данные сведения не позволяют сделать какие-либо выводы о его особом месте рядом с Октавианом или особой роли в данных событиях.

Следующим крупным событием для Октавиана и его друзей стала Мутинская война. Поскольку всего два упоминания в источниках могут прояснить вопрос о присутствии Агриппы на этой войне, сосредоточимся на них, оставив в стороне саму кампанию.

²⁸ См. напр.: Парфенов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана // АМА. 1979. Вып. 4. С. 104–109; Toher M. Octavian's arrival in Rome, 44 BC // CQ. 2004. № 1. P. 174–184; Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch / Aufl. 4. Darmstadt, 2009. S. 27–29; Alföldy A. Octavians Aufstieg zur Macht. Bonn, 1976. S. 71–75.

²⁹ Подробное рассмотрение всех этих эпизодов см. в статье: Таривердиева С. Э. Марк Агриппа... С. 137–140.

³⁰ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 16.

Первое свидетельство содержится у Николая Дамасского, где он пишет о решении Октавиана начать набор ветеранов Цезаря в 44 г. до н. э. (FGrHist 117 F 30): «С ним согласились и его друзья, участвовавшие в этом походе, а также и в последующих его деяниях. Это были Марк Агриппа, Луций Меценат, Квинт Ювентий, Марк Модиалий и Луций»³¹. М. Рейнхолд полагает, что здесь имеется в виду именно Мутинская война, а не сам набор ветеранов, и, учитывая значение слова «στρατεία», его интерпретация представляется верной³². Однако поскольку Николай Дамасский эту войну все же не называет напрямую, обратимся ко второму свидетельству, которое позволяет уточнить сведения греческого автора и подтвердить интерпретацию М. Рейнхолда. Оно представлено в Бернской схолии к Лукану (I. 41 Usener): «Мутина, галльский город, где Марк Антоний пытался изгнать Децима Брута из провинции, данной Цезарем и подтвержденной сенатом, но Август, победив Антония с помощью Агриппы, освободил (Децима) Брута»³³. Ж.-М. Роддаз, однако, пишет, что следует с осторожностью относиться к этому комментарию, поскольку здесь может иметь место позднейшая вставка или ошибка, так как больше никакие источники не сообщают нам об участии Агриппы в этой войне³⁴. При этом французский историк не ссылается на Николая Дамасского и вообще не упоминает его сведения об участии Агриппы в этой войне. Но, как

³¹ Καὶ ταῦτα αὐτῷ βουλευομένῳ καὶ τοῖς ἄλλοις συνεδόκει φίλοις, οἱ μετεῖχον τῆς στρατείας τῶν τε μετὰ ταῦτα πραγμάτων. Ἦσαν δὲ οὗτοι, Μάρκος Ἀγρίππας, Λεύκιος Μακκήνας, Κόϊντος Ἰουέντιος, Μάρκος Μοδιάλιος καὶ Λεύκιος.

³² Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. С. 1510; Liddell H. D., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxf., 1996. P. 1651.

³³ Mutina civitas Galliae ubi Marcus Antonius Decimum Brutum provincia a Caesare data et per senatum confirmata obsessum expellere nitebatur, sed Augustus Antonio victo per Agrippam (Decimum) Brutum liberavit.

³⁴ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 41.

представляется, именно это упоминание Николая Дамасского, позволяет относиться к информации схолиаста с доверием.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что на Мутинской войне Агриппа был, но возникает следующий вопрос – в качестве кого он в ней участвовал? И мог ли он осуществлять какое-то командование, чтобы можно было говорить об *Antonio victo per Agrippam*? Ответа на этот вопрос источники не дают, однако, учитывая, что сам Октавиан имел пропреторский империй, а командовали два консула, что Мутинская война подробно освещена в переписке Цицерона и «Филиппиках» и там нет никаких намеков не только на Агриппу, но и на то, что в сфере компетенции Октавиана распоряжался хоть кто-то, кроме него самого, представляется, что он будет отрицательным. Возможно, Агриппа занимал должность военного трибуна или даже просто находился в штабе Октавиана, но едва ли он мог обладать широкими полномочиями, когда ими не обладал даже младший Цезарь. Возможно, такая ошибка схолиаста объясняется последующими победами Марка Агриппы, потому что и о Перузийской войне, и о Сицилийской (особенно), и об Актийской (в которой, кстати, тоже был побеждён Антоний) и о некоторых внешних войнах с полным основанием можно сказать, что Октавиан выиграл их именно *per Agrippam*.

После Мутинской войны, на которой пали оба консула, Октавиан захватил Рим и, оказав давление на сенат, получил консульство на 43 г. до н. э. вместе со своим родственником Педием. Сразу же после этого они провели закон, согласно которому убийцы Цезаря подлежали казни. На суде, происходившем на основании этого закона, Агриппа выступил обвинителем одного из лидеров заговора против Цезаря – Кассия, а Брута обвинял Луций Корнифиций (Plut. Brut. 27; Vell. II. 69. 5). Рассмотрим этот эпизод подробнее.

Исследователи сходятся во мнении, что Агриппа извлёк из этого обвинения материальную выгоду, получив имущество Кассия³⁵: Дион Кассий в более общем виде сообщает, что обвинители получали часть состояния осуждённых (XLVI. 49. 3). Предположение Ж.-М. Роддаза о том, что именно полученное Агриппой имущество Кассия легло в основу его будущего благосостояния, представляется вполне справедливым³⁶.

Но интересно другое: по какой причине именно Агриппе и Корнифицию было поручено обвинение лидеров заговора? Напрашивается ответ, что таким способом Октавиан хотел подарить своим друзьям богатство, но это не объясняет распределения обвиняемых между обвинителями. Виновных в убийстве Цезаря было достаточно, чтобы Октавиан имел возможность оказать благодеяние всем своим друзьям, которые перечислены у Николая Дамасского (FGrHist 130 F 133), и не известно, были ли именно Брут и Кассий самыми богатыми из убийц. Но зато известно, что они были лидерами заговора, самыми знаменитыми из республиканцев и именно их судьба вызывала наибольший общественный интерес³⁷. Прежде, чем попытаться ответить на вопрос, почему Кассия и Брута обвиняли именно Агриппа и Корнифиций, попробуем

³⁵ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 16; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 42. Вероятно, в состав этого же имущества, входила и знаменитая вилла Фарнезина: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 235; Coarelli F. Rome and Environs. An Archaeological Guide. Berkeley; Los Angeles; L., 2007. P. 337; Clarke J. R. Augustan Domestic Interiors: Propaganda or Fashion? // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / Ed. K. Galinsky. Cambridge, 2005. P. 272; Mols S. T. A. M., Moorman E. M. La villa della Farnesina. Le pitture. Milano, 2008. P. 80.

³⁶ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 42.

³⁷ Plut. Brut. 27. Не случайно в источниках сохранились имена только двух обвинителей, именно тех, кто обвинял Брута и Кассия. См. об образах тираноубийц подробнее: Rawson E. Cassius and Brutus: The Memory of the Liberators // Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing. Cambr., 1986. P. 101—120.

проанализировать, зачем вообще были проведены публичные слушания по этому делу.

Когда Октавиан принял этот закон и начались обвинения убийц Цезаря, триумвират еще не был создан (App. BC. IV.95), то есть, фактически, Октавиан вынужден был опираться только на своих сторонников и имеющиеся в его распоряжении легионы. Больше того, он должен был как-то противопоставить себя Марку Антонию, особенно после того, как, заявив в самом начале о стремлении мстить за Цезаря, фактически защищал на войне одного из главных его убийц – Децима Брута против ближайшего соратника своего приемного отца – Марка Антония. Как следует из письма Децима Брута Цицерону, на тот момент для легионеров Октавиана было важно, за и против кого они сражаются (Cic. Fam. XI. 10. 4), то есть, младший Цезарь мог рассчитывать на их лояльность только до тех пор, пока они считали его мстителем за Цезаря-старшего. Однако истинным наследником дела Цезаря и истинным мстителем за него после Мутинской войны вполне мог выставить себя Марк Антоний, к которому легионы и так были расположены и даже не хотели против него воевать (App. BC. III. 42)³⁸.

Таким образом, хотя приговор заговорщикам был предreshen заранее, этот процесс был для Октавиана чрезвычайно важен – он позволял ему повернуть в свою пользу общественное мнение³⁹, высказать публично свою позицию относительно убийства Цезаря, озвучить все свои претензии к заговорщикам, сформулировать во всеуслышание свою правду, воодушевить

³⁸ Osgood J. Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire. Cambridge, 2006. P. 49.

³⁹ Судя по тексту проскрипционного эдикта (App. BC IV. 8–11) даже когда триумвиры пользовались почти безграничной властью, им важно было настроить людей в свою пользу: больше половины эдикта посвящено прославлению памяти Цезаря и демонстрации неблагодарности заговорщиков, преступности их деяния и объяснению того, почему эти «негодные люди» справедливо заслуживают казни.

сторонников, переманить на свою сторону сомневавшихся⁴⁰, вновь доказать всем, что именно он (а не Антоний, который в свое время амнистировал заговорщиков) – настоящий наследник Цезаря и мститель за него, несмотря на то, что произошло в Мутинской войне. И в этих условиях основная роль ложилась именно на плечи тех, кто обвинял лидеров заговора⁴¹.

Вернемся к вопросу о том, почему же это дело Октавиан поручил именно Агриппе и Корнифицию. Из источников видно, что Агриппа с самого начала был настроен достаточно воинственно и непримиримо по отношению к убийцам Цезаря⁴², хотя о Корнифиции таких сведений нет. Возможно, отчасти это сыграло свою роль, но обращает на себя внимание другой

⁴⁰ Дион Кассий (XLVI. 48. 2) пишет, что Октавиан устроил суд для того, чтобы казалось, что он действует не только по праву силы, но и по справедливости (ἐν δίκῃ). Если древний историк прав относительно мотивов Октавиана, то речи обвинителей имели еще более важное значение, именно они должны были убедить людей в справедливости этой меры.

⁴¹ И если Октавиан поручил это важное дело Корнифицию и Агриппе, вероятно, у него были основания полагать, что они способны с ним справиться, то есть, по меньшей мере, обладают достаточными ораторскими способностями и образованием.

⁴² Vell. II. LIX. 5; Nic. Dam. FGrHist 117 F 18 (совет Октавиану обратиться к помощи войск после смерти Цезаря). Любопытное упоминание также встречается в письме Цицерона Аттику от 22 апреля 44 г. до н. э. (Att. XIV. 12. 2): «Свои приветствовали его (Октавиана – С. Т.) как Цезаря (...) Так много кругом лиц, угрожающих смертью нашим; говорят, что это невыносимо» (перевод В. О. Горенштейна). Представляется, что под «своими» имеются в виду как раз друзья Октавиана и под «угрожающими» оратор подразумевает их же: см. Osgood J. Op. cit. P. 32; Shackleton Bailey D. R. Cicero's Letters to Atticus. Vol. 6. Cambridge, 1967. P. 27. Ясно, что, либо Цицерон непосредственно услышал от кого-то из окружения Октавиана эти угрозы, либо кто-то, услышав эти разговоры, сообщил о них Цицерону, но понять, высказывал ли их Агриппа или кто-то другой, невозможно, ясно лишь одно – друзья Октавиана производили на Цицерона весьма неприятное впечатление. Сходное мнение см.: Carcopino J. Cicero. The Secret of his Correspondence. New Haven, 1951. Vol. II. P. 363; Буассье Г. Собрание сочинений. Т. 1. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря. СПб., 1993. С. 372.

момент – из всех друзей Октавиана, которых перечисляет Николай Дамасский, только Агриппа (и, возможно, Корнифиций, если под «Луцием» имелся в виду он) достиг консульства, остальные из этого списка, судя по всему, даже не вошли в сенат. Вероятно, именно публичные выступления Агриппы и Корнифиция против заговорщиков заложили некоторый фундамент для их дальнейшей карьеры.

Сложно сказать, как было на самом деле – предполагал ли Октавиан с самого начала карьеру только для этих двух своих друзей и именно поэтому поручил им такое обвинение или же, наоборот, успех Агриппы и Корнифиция навел Октавиана на мысль продвигать их дальше по карьерной лестнице, но как бы то ни было, в 43 г. до н. э. Октавиан поручил этим двоим очень сложное и политически важное дело, он дал им возможность приобрести самостоятельную известность, завоевать симпатии цезарианцев, иными словами, поручив обвинение Брута и Кассия Агриппе и Корнифицию, младший Цезарь вывел на сцену из общей тени своего окружения именно этих двух людей и именно эти двое впоследствии сделали стремительную карьеру и получили уникальные почести⁴³.

Ж.-М. Роддаз, указывая на сомнительность сведений схолиаста о роли, которую сыграл Агриппа в Мутинской войне, пишет, что, возможно, Агриппа в 43 г. до н. э. занимал какую-то должность в Риме, чем и объясняется молчание источников о нем за этот год. Далее автор пишет о том, что Агриппа, конечно, был плебейским трибуном (без датировки это засвидетельствовано Сервием: *ad Aen. VII. 682*) в конце 43 г. до н. э. и именно в этом качестве обвинял Кассия по закону Педия⁴⁴. Однако несмотря

⁴³ Агриппа стал консулом в 37 г. до н. э., Корнифиций – в 35 г. до н. э., причем оба консульства были ординарными, кроме того, в эти же годы Корнифиций получил право ездить на слоне по улицам Рима (*Dio XLIX 7, 6*), а Агриппа – морской венок (*Dio Cass. XLIX. 14. 3*).

⁴⁴ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 41.

на почти полное согласие исследователей в вопросе о датировке трибуната Агриппы⁴⁵, представляется, что этот вопрос требует нового рассмотрения.

Т. Р. С. Броутон верно отметил, что суд над Кассием по закону Педия происходил не в народном собрании, а в *quaestio* (App. BC. III. 95; BC. V. 48), и обвинители не нуждались в статусе плебейского трибуна для предъявления обвинения, а в случае процесса в *quaestio* статус плебейского трибуна скорее мог скомпрометировать Агриппу, чем помочь ему⁴⁶. Таким образом, можно констатировать, что датировка трибуната Агриппы 43 г. до н. э. является результатом простой ошибки, поскольку Никколини, автор данной точки зрения и те, кто последовал за ним, в качестве обоснования этой даты привлекают свидетельства источников о суде над Кассием, которые не имеют к трибунату Агриппы никакого отношения.

Более того, важное свидетельство против датировки трибуната Агриппы 43 г. до н. э., как представляется, содержится в комментариях Сервия к «Энеиде»: «Агриппа (...) был тишайшим плебейским трибуном»⁴⁷. Сложно представить себе, что так могли назвать трибуна, во время которого плебейский трибун выступил обвинителем Гая Кассия, виновного в убийстве

⁴⁵ Niccolini G. *I fasti dei tribuni della plebe*. Milan, 1934. P. 354–357; Hanslik R. *Op. cit.* Sp. 1230–1231; Reinhold M. *Marcus Agrippa...* P. 21; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 41; Münzer F. [Rezension] // *Gnomon*. 1934. Bd. 10. HbD 6. P. 315. Сначала такого же мнения придерживался и Т. Р. С. Броутон (Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. N.Y., 1952. Vol. II. P. 340), но затем изменил его и указал, что трибуна Агриппы более вероятен в поздние и более спокойные годы, последовавшие за 43 г. до н. э.: Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Atlanta, 1986. Vol. III. Supplement. P. 222.

⁴⁶ См. дискуссии об этом: Bauman R. A. *Tiberius and Murena* // *Historia*. 1966. Vol. 15, №4. P. 422–424; Jameson Sh. 22 or 23? // *Historia*. 1969. Vol. 18. №2. P. 206, 211. Судя по всему, закон не запрещал плебейским трибунам выступать обвинителями в *quaestio*, но считалось, что им такая роль не подобает, что не препятствовало трибунам иногда ее исполнять.

⁴⁷ *Agrippa (...) tribunus plebi quietissimus fuit*.

Цезаря, которое повлекло за собой больше десяти лет кровопролитных гражданских войн⁴⁸.

Но если датировка 43 г. до н. э. неверна, то когда же Агриппа занимал должность плебейского трибуна? Уже в 40 г. до н. э. он стал претором (Dio XLVIII. 20. 2) и дальнейшая его карьера слишком хорошо известна, чтобы могла «затеряться» такая должность. В 44 г. до н. э. у него, разумеется, должности не было, в 43 г. до н. э. его трибунат невозможен по вышеизложенным причинам. Остаются две возможных датировки его трибуната: 42 г. до н. э. и 41 г. до н. э.

Авторы биографий Агриппы согласны в том, что он участвовал в Филиппийской войне в 42 г. до н. э.⁴⁹ Однако рассмотрим подробнее текст Плиния, на который они опираются (Plin. HN. VII.148): «болезнь (Октавиана – С.Т.) при Филиппах, бегство и трехдневное пребывание больным на болоте и (как рассказывают Агриппа и Меценат) распухшим от жидкости под кожей...»⁵⁰. Как видно из приведенной цитаты, Плиний определенно свидетельствует, что Агриппа хорошо знал о болезни Октавиана после первой битвы при Филиппах и рассказал об этом в своих воспоминаниях. Но из текста латинского автора не следует, что Агриппа сам там находился.

⁴⁸ Дополнительно эти соображения подтверждает и Никколини. Он в связи с этими словами Сервия вспоминает, как Цицерон в трактате «Брут» называет тихим трибунат Луция Лициния Красса (Brut. 160): «но трибунат его прошел так тихо (*tacitus tribunatus*), что если бы в этой своей должности он не обедал у глашатая Грания и если бы об этом дважды не рассказал Луцилий, мы бы и не знали, что он был народным трибуном» (перевод И. П. Стрельниковой). По мнению Никколини, сходство этих пассажей показывает, что в обоих случаях имелся в виду трибунат, во время которого не происходило никаких серьезных беспорядков, никакой борьбы, см. подробнее: Niccolini G. Op. cit. P. 356.

⁴⁹ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 17; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 44.

⁵⁰ *Philippensi proelio morbi, fuga et triduo in palude aegroti et (ut fatentur Agrippa ac Maecenas) aqua subter cutem fusa turgidi latebra...*

Источник допускает оба варианта: как тот, что Агриппа присутствовал на этой войне и был в эти тяжелые дни вместе с другом, так и то, что он узнал о происшедшем уже после возвращения Октавиана в Рим. Таким образом, свидетельство Плиния не настолько однозначно, чтобы на его основании отвергать 42 г. до н. э. как датировку его трибуната.

Также стоит отметить, что деятельность плебейских трибунов в 42 г. до н. э. практически не зафиксирована в источниках, о них известно крайне мало, за исключением лишь закона Руфрена о статуях Цезаря в муниципиях⁵¹. Возможно, этот трибунат был «тишайшим» не только для Агриппы⁵².

Против 41 г. до н. э. можно привести несколько более веский аргумент - участие Агриппы в Перузийской войне засвидетельствовано достаточно надежно⁵³, и, хотя его должность неизвестна, ясно, что он самостоятельно командовал частью войска – а плебейский трибун не мог покидать Рим даже на один полный день (Macrob. Sat. I. 3.8). Также датировка трибуната Агриппы 41 годом до н. э. заставляет предполагать еще одно нарушение обычая – нельзя было претендовать на другую magistraturу, уже находясь в должности⁵⁴. В данном же случае получилось бы, что Агриппа был избран городским претором, все еще находясь в должности плебейского трибуна. Впрочем, конечно, в это время, когда консульство получил 19-летний Октавиан, никак нельзя говорить о полном соблюдении законности, и нет сомнений, что при необходимости был бы нарушен и этот запрет. Но, как представляется, датировке 41 г. до н. э. вновь препятствует свидетельство Сервия. Сомнительно, что «тишайшим» можно было счесть трибунат, во

⁵¹ Broughton T. R. S. The Magistrates.... Vol. II. P. 359–360.

⁵² О деятельности плебейских трибунов 41 г. до н. э. известно не больше, но за этот год хорошо известны действия Марка Агриппы.

⁵³ См. ссылки на источники: Broughton T. R. S. The Magistrates... Vol. II. P. 375.

⁵⁴ Sumner G. V. The Lex Annalis under Caesar // Phoenix. 1971. Vol. 25, №3. P. 247.

время которого плебейский трибун нарушил закон, покинул город на длительное время и командовал частью войска в гражданской войне. Таким образом, имеющиеся сведения скорее указывают на то, что плебейским трибуном Марк Агриппа был в 42 г. до н. э.

Но возникает вопрос: почему Октавиан не взял его с собой на войну, в которой решалось его будущее? Представляется, что ответ можно найти в последующем поведении Агриппы и Августа. Впоследствии двое друзей часто «менялись» зонами ответственности – пока один отвечал за Рим и западные провинции, другой находился на Востоке. Вероятно, аналогичная ситуация имела место и здесь. Октавиан уезжал на тяжелую войну, он не мог знать, как и когда она завершится. У него в тылу оставался его враг Секст Помпей, занявший Сицилию, консулы Лепид и Планк, которым он не имел оснований доверять. Множество жителей Италии было недовольно проскрипциями и предстоящими конфискациями. Октавиану необходимо было оставить в Риме человека, на которого он мог полагаться. Вероятно, Агриппа должен был представлять его интересы – то есть, оперативно решать за него самые важные вопросы, отслеживать события в Риме и немедленно на них реагировать, хотя бы в той мере, в какой это позволяли полномочия трибуна. Само назначение Агриппы плебейским трибуном именно в 42 г. до н. э., тогда, когда сам Октавиан уехал на свою главную войну, представляется чрезвычайно важным. Аналогичный случай имел место в 50 г. и 49 г. до н. э., когда плебейские трибуны этих лет Курион и Марк Антоний соответственно играли для Цезаря ту же роль – они защищали в Риме его интересы, когда самого Цезаря там не было. Не исключено, что их пример подсказал Октавиану, какую должность следует предоставить Агриппе и в какой момент нужно это сделать.

Итак, судя по всему, Агриппа был назначен плебейским трибуном на 42 г. до н. э. в конце 43 г. до н. э., в Бононии при создании триумvirата, и тогда же получил городскую претуру на 40 г. до н. э. (App. BC. IV. 2) Примечательно, что едва Октавиан сам получил должность и вошел в сенат,

как следующим он предоставил эту возможность именно Агриппе, а не, например, Сальвидиену Руфу (Cass. Dio XLVIII. 33. 2) (судя по тому, что Меценат и Прокулей даже в правление Августа оставались всадниками, они не стремились к сенаторской карьере)⁵⁵. Едва ли на этот момент можно вести речь о каких-то особых заслугах Агриппы перед Октавианом, за которые тот вознаградил его должностью. Нет никаких оснований предполагать, что в этот период Агриппа сделал для Октавиана больше, чем Сальвидиен Руф или Меценат. Можно в качестве обоснования должности привести то, что именно Агриппа обвинял Кассия, но и в этом случае выбор оставался за Октавианом, именно по его поручению Агриппа взялся за это обвинение (Plut. Brut. 27). По-видимому, ещё до Бононии Октавиан на несколько лет вперед определил для него место именно на политической арене.

Наконец, следует кратко остановиться на битве при Филиппах. Если верно предположение о том, что «тишайший» трибунат Агриппы пришелся не на 43 г. до н. э., а на 42 г. до н. э. и Марка Випсания на этой войне не было, то наблюдается любопытная закономерность. В битве при Филиппах не участвовал и второй талантливый военный из окружения Октавиана – Сальвидиен Руф, он в это время с переменным успехом сражался с Секстом Помпеем (App. BC. IV. 85; Cass. Dio XLVIII. 18. 1–3) и командование Октавиана, по меньшей мере, в первой битве, было не слишком успешным (Suet. Aug. 13). Аналогичная же ситуация повторилась и в 38 г. до н. э., когда Сальвидиен Руф был уже казнен за предательство, а Агриппа был занят в Галлии: Октавиан вновь начал войну против Секста Помпея без этих двоих и вновь успехи не впечатляли (App. BC. V. 88–90). Но во время Сицилийской

⁵⁵ Вопрос о том, почему Сальвидиен Руф был назначен консулом на 39 г. до н. э., а Агриппа только на 37 г. до н. э., подробно рассмотрен в статье: Таривердиева С. Э. Сальвидиен Руф и Марк Агриппа // Аристей. 2016. Т. 14. С. 191–194. Представляется вероятным, что назначение Сальвидиена не было заранее запланировано в Бононии в 43 г. до н. э., а стало результатом стечения обстоятельств.

войны с прибытием Агриппы ситуация в корне изменилась и в итоге завершилась поражением Секста Помпея (App. BC. V. 108–121). Возможно, такое совпадение не случайно. Невозможно сказать, дал бы Октавиан этим двоим какие-то командные посты в битве при Филиппах или нет, но, вероятно, их присутствие в его штабе и их советы могли бы оказаться ему полезными. Более успешное командование Октавиана во второй битве может объясняться тем, что у него несколько поправилось здоровье.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении 44–42 г. до н. э. Октавиан поручает Агриппе преимущественно политические и идеологические, а не военные задачи. То есть, в эти годы мы наблюдаем рождение политика, однако и полководец не заставил себя долго ждать.

1.3. Деятельность Агриппы в военной сфере (41–40 гг. до н. э.)

После битвы при Филиппах Октавиану пришлось расселять ветеранов, поскольку Марк Антоний предпочел заняться Востоком. Конфискации и передел земли в Италии проходили тяжело, приводили к беспорядкам и вызывали сильное возмущение, причем как со стороны обездоленных теперь италийцев, так и со стороны ветеранов, недовольных работой земельных уполномоченных. Положение к тому же серьезно осложнялось голодом, который устроил в Риме Секст Помпей, блокируя поставки продовольствия (App. BC. V. 12–18).

Этим недовольством сполна воспользовались старший брат и жена Марка Антония, который в это время уже находился на Востоке и в вопрос о расселении ветеранов не вмешивался (по крайней мере, открыто)⁵⁶. Луций

⁵⁶ Аппиан (BC. V. 29) упоминает о письме Марка Антония, где тот предписывает воевать, если будет умалено его достоинство. Но даже сам Аппиан не уверен, что это письмо подлинное. Вполне возможно, что Марк Антоний действительно желал Октавиану трудностей с расселением, поскольку это естественным образом ослабило бы младшего

Антоний, который был консулом в 41 г. до н. э., и Фульвия собирали вокруг себя недовольных, обещали им помощь, призывали их к борьбе во имя законов и свободы, они даже обвиняли Октавиана в том, что тот оказывал при расселении предпочтение собственным солдатам в ущерб легионерам Антония, что, по всей видимости, было ложью⁵⁷. Командиры Антония тоже накаляли обстановку: Кален не отдал Октавиану два обещанных легиона, Азиний Поллион не пропустил Сальвидиена Руфа с войском в Испанию. Поначалу Октавиан шел на уступки и пытался избежать острого конфликта, но в конечном итоге дело дошло до открытого противостояния⁵⁸.

Сначала Дион Кассий рассказывает об осаде умбрийского города Сентина. Его осадил Октавиан, но когда до него дошли вести о том, что Луций Антоний вступил в Рим, младший Цезарь поручил взятие Сентина Сальвидиену Руфу, а сам отправился в столицу (Cass. Dio. XLVIII. 13. 2–4)⁵⁹. Сальвидиен сразу после ухода младшего Цезаря захватил Сентин, разграбил его и сжег. Вскоре после этого ему сдалась и Нурсия (Cass. Dio. XLVIII. 13. 6)⁶⁰.

Цезаря, но любые открытые враждебные действия по отношению к Октавиану могли лишить его расположения ветеранов.

⁵⁷ См. Pelling Ch. The Triumviral Period // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. The Augustan Empire 43 B.C. – 69 A. D. / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 2008. P. 15.

⁵⁸ Более подробный рассказ о событиях, предшествовавших Перузийской войне, см.: App. BC. V. 12–24; Dio Cass. XLVIII. 4–12; Gabba E. The Perusine War and Triumviral Italy // HSCPh. 1971. Vol. 75. P. 139–160; Powell L. Marcus Agrippa. Right-hand Man of Caesar Augustus. Barnsley, 2015. P. 37–38; Benedetti L. Glandes Perusinae. Revisione e aggiornamenti. Roma, 2012. P. 39–40.

⁵⁹ М. Рейнхольд отмечает, что, по-видимому, в тот момент, когда Октавиан отправился в Рим, Сальвидиена на месте еще не было, он подошел позднее: Фурний, защищавший Сентин, вышел вслед за Октавианом и долгое время преследовал его (Cass. Dio LXVIII. 13. 6), см.: Reinhold M. The Perusine War // Classical Weekly. 1933. Vol. 26, №23. P. 181.

⁶⁰ Reinhold M. The Perusine War... P. 181 и п. 31.

Затем, как пишет Аппиан, Луций Антоний с войском вышел из Рима навстречу Сальвидиену, а за последним с севера шли Поллион и Вентидий, мешая ему продвигаться вперед (App. BC. V. 31). И вот, вскоре после этого в войну вступает Марк Агриппа. Аппиан рассказывает (App. BC. V. 31): «...Агриппа, близкий друг Цезаря, боясь, чтобы Сальвидиен не оказался окруженным, захватил Сутрий, местечко, которым дорожил Луций; Агриппа рассчитывал, что таким путем он отвлечет внимание Луция от Сальвидиена на себя и что затем Сальвидиен окажет ему помощь, явившись вслед за Луцием. Все и произошло так, как предполагал Агриппа» (перевод Т. Н. Книпович). С этим эпизодом связано сразу несколько любопытных вопросов.

Первый из них – с каким войском Агриппа взял Сутрий и где он находился в интервале между началом военных действий и захватом города? Убедительный ответ на этот вопрос предложил П. Вальман. Основываясь на данных о численности легионов и на словах Аппиана о том, что на сторону младшего Цезаря встали расселенные ветераны (BC. V. 27: «κατοικίζόμενοι τῶν στρατιωτῶν»), П. Вальман предполагает, что именно Агриппа занимался набором этих ветеранов (вероятно, в Этрурии)⁶¹ и именно поэтому в самом начале конфликта о его действиях нет никаких сведений – Марк Випсаний смог вмешаться в войну только после того, как набрал легионы⁶². Можно добавить, что, согласно правдоподобному предположению Джонса, в этот же период Агриппа захватил Вейи⁶³.

⁶¹ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 51.

⁶² Wallmann P. Untersuchungen zu Militärischen Problemen des Perusinischen Krieges // Talanta. 1975. Vol. VI. S. 74–78, с ним согласен и Ж.-М. Роддаз: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 51. Изложение иных точек зрения на то, каким войском командовал Агриппа и чем он занимался в начале конфликта см. там же у Ж.-М. Роддаза.

⁶³ Jones G. D. B. Southern Etruria 50–40 B. C.: an Attack on Veii in 41 B. C. // Latomus. 1963. T. 22, Fasc. 4. P. 773–776; Benedetti L. Op. cit. P. 41. Gabba E. La svolgimento militare della guerra di Perugia (41–40 a. C.) // Mélanges Marcel Durry. P., 1970. P. 219.

Второй вопрос, связанный с захватом Агриппы Сутрия: зачем он это сделал и чего пытался добиться? Приведенное выше объяснение Аппиана оспорили многие исследователи, в т.ч. М. Рейнхолд⁶⁴, Ж.-М. Роддаз⁶⁵ и П. Вальман⁶⁶. Наиболее убедительной вновь представляется точка зрения П. Вальмана. Он показывает, что, поскольку войско Луция Антония существенно уступало по численности и качеству армии Октавиана, его главной задачей было объединение с армиями полководцев Антония на севере Италии. Поэтому Луций Антоний не был заинтересован в том, чтобы нападать на сильное войско Сальвидиена. Луций Антоний мог пройти из Рима на север Италии, перейдя с Кассиевой дороги на Фламиниеву по Америнской, и Сальвидиен, который тогда находился в районе Нурсии, этот путь ему не перекрывал. Захват Агриппой Сутрия также не мог помешать ему, поскольку Сутрий стоял на Кассиевой дороге севернее ее развилки с Америнской, - и действительно, Луцию Антонию потом удалось прорваться в Перузию. Поэтому, по мнению П. Вальмана, смысл маневра Агриппы был вовсе не в защите Сальвидиена, а в том, чтобы отвлечь Луция Антония на «легкую добычу» и не позволить ему соединиться с Вентидием и Поллионом⁶⁷.

Какими бы соображениями ни руководствовался Агриппа, но его маневр увенчался успехом: Луций Антоний пошел к Сутрию, и именно

⁶⁴ Reinhold M. The Perusine War... P. 181. По его мнению, Вентидий и Поллион не покидали Галлии, и поэтому не могли угрожать Сальвидиену.

⁶⁵ Ж.-М. Роддаз пишет более обтекаемо – что Сальвидиен, судя по всему, не находился в серьезной опасности: «Cependant, si nous ignorons la position exacte de Pollion et de Ventidius, nous avons de bonnes raisons de penser qu'ils ne se sont pas avancés très loin et ne menacent pas réellement le général d'Octavien», см.: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 54.

⁶⁶ Wallmann P. Op. cit. S. 78–85.

⁶⁷ Аналогично описал мотивацию Агриппы в 1933 г. ещё Р. Даниэль, но без такой подробной аргументации, как П. Вальманн: Daniel R. M. Vipsanius Agrippa: Eine Monografie: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Breslau, 1933. S. 4.

вмешательство Агриппы стало поворотным моментом в этой войне⁶⁸. Затем Луций Антоний двинулся к Перузии, а Сальвидиен и Агриппа препятствовали ему до тех пор, пока он не заперся в городе. Затем три армии – Агриппы, Сальвидиена и недавно подошедшего Октавиана, - начали осаду Перузии (App. BC. V. 31–32)⁶⁹. Полководцы Марка Антония попытались прийти Луцию на выручку, но Агриппа вместе с Октавианом помешал Вентидию, Поллиону и Планку соединиться (App. BC. V. 33). Вскоре после этого Вентидий предпринял еще одну попытку помочь осажденному Луцию. Но ему навстречу, как пишет Аппиан, вышли Сальвидиен и Агриппа, после чего полководец Антония удалился в Фульгиний⁷⁰. В дальнейшем рассказе Аппиана Сальвидиен отсутствует – греческий историк пишет, что в Фульгинии Вентидия окружил Агриппа (App. BC. V. 35).

Теперь обратимся к эпиграфическим данным. Во время Перузийской войны, солдаты писали на ядрах имена Октавиана и Сальвидиена Руфа⁷¹. Во всех случаях структура надписи полностью идентична: Caesar imp / молния и Rufus imp / молния. С именем Агриппы никаких снарядов не найдено. М.

⁶⁸ Там же. P. 56.

⁶⁹ Подробнее описание военных действий см.: Reinhold M. The Perusine War... P. 181–182; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 52–56; Gowing A. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992. P. 83, n. 65. Gabba E. La svolgimento... P. 219.

⁷⁰ Текст Аппиана (BC. V. 35) дает основания считать, что в Фульгинии был не только Вентидий, но и Планк с Поллионом: «... там, окруженные войском Агриппы, *они* (αὐτοὺς) развели много огней, подавая этим сигнал Луцию. При обсуждении плана действий Вентидий и Азиний *считали* (ἐποιοῦντο), что следует идти вперед и вступить в бой; Планк же говорил что в таком случае они окажутся между Цезарем и Агриппой: следует выждать событий. Верх взяло мнение Планка ...» (выделения курсивом мои). Некоторые исследователи считают именно так, напр. см.: Wallmann P. Op. cit. S. 87–91. Для целей настоящей работы не имеет особого значения, кого именно задерживал в Фульгинии Агриппа – только Вентидия или также Поллиона и Планка.

⁷¹ Benedetti L. Op. cit. №№3–8 (Октавиан) и №№ 9–13 (Сальвидиен Руф).

Рейнхолд считает, что Агриппа в этой войне был подчинен Сальвидиену, и в связи с этим же утверждением пишет: «Важно отметить, что на ядрах, обнаруженных в Перузии не было имени Агриппы, тогда как среди них было множество снарядов с именами Октавиана и Сальвидиена»⁷². Но представляется, что причина здесь в ином. Как отмечалось выше, Агриппа дважды участвовал в отражении попыток Вентидия, Планка и Поллиона прийти Луцию Антонию на помощь, после чего блокировал их войско (см. прим. 70 выше) в Фульгинии⁷³. О дальнейших передвижениях как Агриппы, так и полководцев Антония до самого падения Перузии более ничего не сообщается, и, по-видимому, следует сделать вывод, что Агриппа так и не вернулся к Перузии, задерживая Вентидия, а возможно, также Планка и Поллиона, чтобы те не сумели оказать Луцию помощь⁷⁴. Представляется, что этим объясняется отсутствие имени Агриппы на ядрах для пращи, которые относят к Перузийской войне – значительную часть времени Агриппы там не было.

После взятия Перузии, как сообщает Аппиан, другие войска (Вентидия, Поллиона, Планка и др.) разошлись в разные стороны, «друзья Цезаря» (Καίσαρος φίλοι) пытались их переманить, но удалось это только Марку Агриппе, который забрал у Планка два легиона (App. BC. V. 50).

После Перузийской войны, в начале весны 40 г. до н. э.⁷⁵ Агриппа приступил к исполнению обязанностей городского претора⁷⁶. Некоторое

⁷² Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 20, n. 52: «It is important to note that Agrippa's name has not been found on the glandes unearthed at Perugia, while numerous glandes found there bear the names of Octavian and Salvidienus».

⁷³ См. более подробное изложение этих событий: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 58–60 со ссылками на литературу.

⁷⁴ Подробнее о мотивации действий полководцев Антония и о соотношении сил у сторон см.: Wallmann P. Op. cit. S. 87–91.

⁷⁵ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 19, 21.

время Секст Помпей разграблял побережье Италии, и Октавиан предпринимал попытки с ним договориться. Однако это ему не удалось, и он поручил Агриппе защищать Италию, а сам отправился в Галлию, чтобы получить легионы умершего антонианца Калена (Cass. Dio XLVIII.20.1; App. BC. V. 51, см. также выше). Источники не слишком подробно рассказывают о действиях именно Агриппы в этот период, поэтому можно ограничиться лишь кратким перечислением его успехов и неудач в этом году. Летом 40 г. до н. э., когда Марк Випсаний был занят в Риме устройством Аполлоновых игр, Секст Помпей напал на побережье, но когда прибыл Агриппа, Секст оставил несколько гарнизонов, а сам отплыл (Cass. Dio XLVIII.20.2). Более опасной оказалась вторая атака, в августе⁷⁷, согласованная с высадкой Марка Антония в Брундизии. Марк Антоний занял город Сипонт и осадил Брундизий, который запер ворота перед ним и Домицием Агенобарбом, а Секст Помпей занял Сардинию и осадил Фурии и Консенцию. Аппиан сообщает, что Октавиан отправил на помощь жителям Сипонта Агриппу. По пути Марк Випсаний хотел взять с собой расселенных на юге Италии ветеранов, но те, узнав, что им предстоит сражаться против Марка Антония, повернули домой (App. BC. V. 57). По всей видимости, причиной их поведения была не только лояльность Антонию, но и недостаточный авторитет Агриппы, потому что когда вскоре сам Октавиан отправился с другой армией на помощь Брундизию, эти же ветераны за ним последовали.

⁷⁶ Дион Кассий (XLVIII.20.2) не говорит прямо, что Агриппа был именно городским претором, но исследователи согласны в том, что если Марк Випсаний отвечал за проведение Аполлоновых игр – то он занимал именно городскую претуру, см. напр.: Broughton T.R.S. *The Magistrates...* Vol. II. P. 380.

⁷⁷ О последовательности действий также см. Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 63 со ссылками на литературу.

В итоге, Агриппа отбил Сипонт у Марка Антония. Больше о его деятельности в год претуры ничего не известно⁷⁸.

Кратко отмечу, что в исследованиях, в том числе и специально посвященных Агриппе, нередко встречаются утверждения о том, что блестящую дорогу ему открыла казнь Сальвидиена Руфа за тайные переговоры с Антонием, что до своей смерти в конце 40 г. до н. э. Сальвидиен был главным и лучшим полководцем Октавиана, а Агриппа занимал после него лишь второе место⁷⁹. Однако подробного сравнения или сопоставления достижений Агриппы и Сальвидиена эти авторы не приводят. Данное мнение, однако, представляется неверным. По всей видимости, должностная карьера Сальвидиена имела спонтанный характер, и до своей измены и казни он занимал рядом с Октавианом место «кризисного управляющего», резерва, безусловно, очень ценного и важного, к которому обращались лишь в непредвиденных и (или) особо тяжелых случаях, а Агриппа последовательно шел по дороге почестей и делал нормальную карьеру с тем лишь исключением, что занимал должности намного раньше требуемого возраста, что стало обычным в условиях сложившейся тогда политической обстановки⁸⁰.

Итак, если в двух предыдущих параграфах мы наблюдали сначала зарождение дружбы Агриппы с приемным сыном Цезаря, а затем и становление политика, то здесь на свет выступает военный талант Агриппы, рождается полководец, которому было суждено умереть непобежденным.

⁷⁸ В переговорах, которые привели к Брундизийскому миру, Агриппа, вероятно, участия не принимал: App. BC. V. 64; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 64–65.

⁷⁹ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 24; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 65, 80; Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 220 (Сайм называет Сальвидиена: «Q. Salvidienus Rufus (...) most remarkable, perhaps, of all the marshals of the Revolution»). Л. Пауэлл высказывается значительно мягче, но все же датирует выдвижение Агриппы в главные полководцы цезарианской партии именно казнью Сальвидиена (Powell L. Op. cit. P. 43).

⁸⁰ Таривердиева С. Э. Сальвидиен Руф... С. 186–206, особ. 203–204.

Остается рассмотреть последний этап возвышения Агриппы, последнюю ступень перед его высшей магистратурой, консульством – первое его галльское наместничество.

1.4. Наместник и избранный консул (40–38 гг. до н. э.)

В античных источниках не сохранилось полного и последовательного рассказа о первом галльском наместничестве Агриппы. Упоминания о нем разбросаны у разных авторов: Страбона, Веллея Патеркула, Тацита, Аппиана, Диона Кассия, Евтропия. При этом ни один из них не останавливается на этом периоде отдельно, но сообщает лишь то небольшое, что необходимо для его связного повествования. Эпиграфические и нумизматические свидетельства также обрывочны и скудны.

Для начала необходимо рассмотреть хронологию галльского наместничества Агриппы. В настоящее время существуют две точки зрения о дате его начала: либо после Мизенского мира в 39 г. до н. э., либо после Брундизийского мира (конец 40 г. до н. э.).

Первой точки зрения придерживаются Р. Ханслик и М. Рейнхолд⁸¹. Их аргументация опирается на фразу из Аппиана: «После этого (заключения Мизенского мира) Цезарь направился в Галлию, все еще волнующуюся...» (Арр. ВС. V. 75). Из этого сделан вывод, что на тот момент Агриппы в Галлии еще не было. М. Рейнхолд утверждает, что в 39 г. до н. э. Октавиан отправился вместе с Агриппой в Галлию, чтобы там ввести его в должность наместника.

Второй точки зрения придерживаются, в частности, Т. Р. С. Броутон и Ж-М. Роддаз⁸². Они основываются на следующих доводах.

⁸¹ Hanslik R. Op. cit. Sp. 1233; Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 25, n. 27.

⁸² Broughton T. R. S. The Magistrates.... Vol. II. P. 383; Vol. III. P. 222; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 67.

(1) Согласно Евтропию, к моменту заключения Мизенского мира Агриппа уже достиг успехов в Аквитании: «Война против Секста Помпея велась Цезарем Октавианом Августом и Марком Антонием. В итоге они пришли к согласию и заключили мир. Тем временем Марк Агриппа успешно вел дела в Аквитании» (Eutr. VII. 4–5.1)⁸³.

(2) Аппиан сообщает, что после заключения Брундизийского мира (т. е. в сентябре 40 г. до н. э.)⁸⁴ Октавиан и Антоний «тотчас же для выполнения неотложных задач ... послали каждый своих друзей» (App. BC. V. 65), и Агриппа мог быть одним из них;

(3) Сообщение Диона Кассия (Dio. XLVIII. 32. 1) может указывать, что Агриппу сняли с должности городского претора 40 г. до н. э. досрочно: «Тем временем Цезарь и Антоний сместили преторов и консулов, хотя оставалось недолго до завершения года, и назначили других, нисколько не заботясь о том, что им придется исполнять служебные обязанности всего несколько дней».

При рассмотрении первой версии (Р. Ханслик и М. Рейнхолд) возникает вопрос, на который нет ответа: каким образом из фразы Аппиана следует, что Агриппы в Галлии в это время не было, если Аппиан вообще не упоминает там его имени? К тому же нет оснований предполагать, что Агриппа не мог добраться до Галлии самостоятельно и нуждался для этого в сопровождении Октавиана.

Кроме того, есть и еще одна причина сомневаться в том, что Агриппа выехал в Галлию лишь в 39 г. до н. э., она связана с политическим контекстом его наместничества и значением Галлии для власти Октавиана.

⁸³ Рейнхолд отмечает, что опираться на сведения Евтропия не следует, поскольку его хронология неверна: Reinhold M. Marcus Agrippa... Р. 25, п. 27. Однако более определенной критики Рейнхолд не дает. О свидетельстве Евтропия см. также ниже.

⁸⁴ ILS 3784. Примерная дата Брундизийского мира выводится на основании того, что магистраты колонии Казин установили «*signum concordiae*» 12 октября.

Об этой причине кратко сказал Ж.-М. Роддаз⁸⁵ - маловероятно, что Октавиан на несколько месяцев оставил бы такую важную и сложную провинцию, как Галлия, без наместника и войск после того, как отозвал Сальвидиена Руфа и передал его мятежно настроенное войско Марку Антонию.

С одной стороны, галльские провинции были сложной областью, поскольку Цезарь лишь недавно завоевал Дальнюю Галлию и провинция оставалась воинственно настроенной. Более того, Галлия занимала огромную территорию, которую было не так просто контролировать. Но с другой стороны, о важности галльских территорий свидетельствуют хотя бы два следующих обстоятельства: после убийства Цезаря Марк Антоний постарался заполучить в управление именно Галлию (см., напр., *Cic. Att.*, XIV, 14, 4); как показали события 40 г. до н. э., наместник, который контролировал Галлию, мог отрезать Италию от Испании и прервать коммуникации Октавиана с его провинцией (Квинт Фуфий Кален, контролировавший Галлию, не пропустил Сальвидиена Руфа с войском через Альпы (*Dio. XLVIII. 10. 1; App. BC. V. 20 24*)⁸⁶.

Таким образом, точка зрения, согласно которой первое галльское наместничество Агриппы началось лишь в 39 г. до н. э. после Мизенского мира, представляется не очень убедительной. Если же принять конец 40 г. до н. э. как начало наместничества, то античные авторы не опровергают, а подтверждают и дополняют друг друга. Если свести воедино имеющиеся в нашем распоряжении сведения источников, складывается следующая последовательность событий: 1. В 40 г. до н. э. Марк Агриппа занимает должность городского претора (*Dio. XLVIII. 20. 2*); 2. В сентябре 40 г. до н. э.

⁸⁵ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 67.

⁸⁶ Также см. письма Азиния Поллиона, наместника Дальней Испании в 43 г. до н. э., которому требуется содействие Лепида, проконсула Нарбоннской Галлии, чтобы попасть в Италию, и который жалуется, что Лепид перехватывает его корреспонденцию (напр.: *Cic. Fam. X, 33, 2*).

триумвиры заключают Брундизийский мир (см. прим. 84); 3. После Брундизийского мира Марк Антоний рассказывает Октавиану о предательстве Сальвидиена Руфа (App. BC. V. 66; Liv. Per. 127; Vell. Pat. II. 76–77; Suet. Aug. 66. 1); 4. Наследник Цезаря отзывает изменника из Галлии, а все его войско, которому уже не может доверять, передает Марку Антонию (App. BC. V. 66). Вероятно, в это же время Агриппа направляется на смену Сальвидиену; 5. В Галлии начинаются волнения в связи со сменой наместника и выводом армии; 6. Согласно Евтропию (Eutr. VII. 4–5.1), к лету 39 г. до н. э. Марк Агриппа уже успешно воюет в Аквитании; 7. Летом 39 г. до н. э., несмотря на некоторые успехи Агриппы в Аквитании, «Галлия все еще волнуется» и туда отправляется сам Октавиан.

Также следует отметить, что никакого другого наместника для Галлии в период с осени 40 г. до н. э. до лета 39 г. до н. э. не известно. Следовательно, источники позволяют считать, что Агриппа был одним тех «друзей», которых триумвиры после Брундизийского мира отправили выполнять поручения (App. BC. V 65) и что он оказался в Галлии раньше лета 39 г. до н. э.

Прежде, чем исследовать деятельность Агриппы в качестве наместника Галлии, следует кратко рассмотреть, какие силы он имел в своем распоряжении. Как уже говорилось, прежние галльские легионы, вероятнее всего, в полном составе перешли к Марку Антонию⁸⁷. Данных о том, что Агриппа набирал новые войска, нет, и с точностью восстановить их численность и состав невозможно. Однако, исходя из рассуждений П. Бранта и Ж.-М. Роддаза⁸⁸, можно предположить, что Агриппа получил легионы из числа тех сорока (App. BC. V. 53), которыми тогда располагал Октавиан в Италии. Учитывая, что Агриппа прибыл в беспокойную провинцию и сумел

⁸⁷ Вероятнее всего, Октавиан передал ему все легионы Сальвидиена, см. App. BC. V. 66, Brunt P. A. Italian Manpower. 225 BC – AD 14. Oxf.. 1971. P. 498.

⁸⁸ Ibid. P. 498 и др.; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 70, n. 217.

добиться немалого успеха, можно согласиться с мнением Роддаза, что он командовал, по меньшей мере, шестью легионами.

Судя по словам Аппиана (BC. V. 75), в те годы в Галлии вспыхивали локальные восстания. Первая операция Агриппы, о которой упоминают источники – война с аквитанами. Аппиан ясно указывает, в какое время наследник Цезаря получил от своего друга вести о победе (BC. V 92) – это произошло, когда Октавиан потерпел поражение и потерял из-за бурь свой флот, то есть примерно в конце 38 г. до н. э. Однако Евтропий пишет о военных действиях в Аквитании в 39 г. до н. э.; другие источники, в которых сообщается об этой победе, не позволяют уточнить датировку⁸⁹. Маловероятно, что энергичный Агриппа, прибыв в конце 40 г. до н. э. в беспокойную провинцию, бездействовал почти два года. И свидетельство Евтропия можно рассматривать как подтверждение того, что уже к середине 39 г. до н. э. Агриппа подавлял мятеж в Аквитании и в общей сложности эта война заняла два года. Новые археологические находки, в частности, ядра для пращи, содержащие имя Агриппы, позволяют более полно восстановить ход кампании, но поскольку именно с этим мероприятием тесно связан вопрос об отказе Агриппы от триумфа, вся аквитанская кампания будет рассмотрена подробно в §1 гл. 2 настоящей диссертации.

Следующее военное мероприятие Агриппы в Галлии, сведения о котором сохранились в источниках – поход за Рейн. Точной датировки этого похода источники не дают, однако все же можно сделать некоторые предположения. Поход, вероятнее всего, был предпринят после победы Агриппы над аквитанами⁹⁰. Когда Дион Кассий сообщает о том, что Агриппу

⁸⁹ См. Eutrop. VII, 5.1; Dio XLVIII, 49; Suet. Aug. 21,1. См. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.—Л.. 1949. С. 259.

⁹⁰ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 27, n. 34; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 70–72. Т. Р. С. Броутон сначала полагал, что Агриппа пересек Рейн в 39 г. до н. э. до аквитанской

отозвали, он пишет: «Цезарь послал за войском Агриппы, сражавшимся с повстанцами в Галлии, где тот стал вторым из римлян, переправившимся через Рейн для ведения войны». Из этого отрывка понятно, что Агриппу отозвали в то время, когда он воевал в Галлии, вернувшись из-за Рейна. Речь, конечно, не может идти об аквитанской кампании, поскольку вести об этой победе дошли в Рим еще осенью 38 г. до н. э. (см. выше). Дион Кассий, видимо, как-то связывает эти беспорядки в Галлии с переходом Агриппы за Рейн. Возможно, германцы разжигали мятежи или помогали восставшим, и именно поэтому Агриппа вынужден был пересечь Рейн. А вернувшись, он подавлял восстание самих галлов, которые остались без поддержки.

Таким образом, вырисовывается следующая хронология: летом 38 г. до н. э. Агриппа подчиняет аквитанов, осенью 38 г. до н. э. в Рим приходят вести о его победе, а зимой он воюет на Рейне и подавляет восстание неизвестного галльского племени; во время последнего похода его и отозвал Октавиан. Ж.-М. Роддаз предполагает, что Агриппа подавлял на востоке Галлии восстание треверов, которым помогали германские племена свебов и сугамбров⁹¹. В источниках треверы не названы, однако учитывая, что Агриппа в эти годы занимался усмирением локальных мятежей в Галлии, а треверы проживали довольно близко к Рейну, такое предположение может быть верным. К тому же о свебах Цезарь сообщает (Caes. BG. IV, 1–4), что это племя было самым воинственным из германцев и постоянно притесняло соседей. Именно от них убий в 55 г. до н. э. просили защиты у римского проконсула. Вполне возможно, что Агриппа за Рейном столкнулся с теми же самыми племенами, что и Цезарь восемнадцатью годами ранее.

В этот контекст хорошо укладываются сообщения античных авторов о переселении убиев на левый берег Рейна (Strab. IV. 3. 4; Tac. Ann. XII. 27. 1–

кампании (Broughton T.R.S. The Magistrates... Vol. II. P. 389), однако затем согласился с Рейнхолдом (Broughton T.R.S. The Magistrates... Vol. III. P. 222).

⁹¹ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 71.

2). Большинство исследователей считает, что Агриппа их перевел именно во время своего первого наместничества⁹². Однако античные свидетельства не позволяют с полной уверенностью датировать это переселение. Но в пользу датировки 38–37 гг. до н. э. можно привести следующее соображение: в источниках ясно говорится, что Агриппа пересек Рейн именно в свое первое наместничество (Dio. XLVIII. 49. 3). О его втором галльском наместничестве (21–19 гг. до н. э.) таких сведений нет, известно лишь, что Агриппа «положил конец» волнениям в Галлии, которая страдала и от угроз германцев (Dio. LIV. 11). Но из этого сообщения не следует, что Агриппа вторично пересекал Рейн. Он мог одержать победу над теми германцами, что вторглись в Галлию. Ж.-М. Роддаз считает, что переселение убиев более логично отнести ко второму наместничеству Агриппы (20–19 гг. до н. э.), так как оно хорошо укладывается в контекст общей политики Августа в отношении Германии. Однако начало этой политике могло быть положено уже в годы первого наместничества Агриппы, особенно учитывая, что явно требовалось как-то обезопасить границу Галлии по Рейну, раз Агриппе пришлось переводить за Рейн легионы.

Согласно Страбону, убии были переселены ἐκόντας (дословно «охотно», «согласно желанию»). Учитывая, что ранее они просили у Цезаря защиты от свебов, можно предположить, что именно свебы вынудили убиев уйти со своей земли и, возможно, даже попросить Агриппу о переселении. Если инициатива действительно исходила от самих убиев, то Агриппа должен был их перевести тогда, когда получил такую просьбу. Это вполне могло произойти раньше, чем определилась общая политика Августа в отношении Германии.

Первое наместничество Агриппы завершилось на рубеже 38–37 гг. до н. э., когда Октавиан, потерпевший серьезные поражения, вызвал его для помощи в войне с Секстом Помпеем. 1 января 37 г. до н. э. Агриппа занял

⁹² Ibid. P. 71, n. 225 со ссылками на предшествующую библиографию.

должность консула, достигнув высшей магистратуры. Мне представляется, что на этом этап его карьерного возвышения закончился и все дальнейшие должности Агриппы (следующие два консульства, эдилитет, цензорские полномочия, империй в провинции, трибунская власть) – либо просто расширяли сферу его полномочий, либо же становились этапами на пути к статусу формального соправителя Августа. Эти должности подробнее рассматриваются в других главах настоящей работы.

Итак, материал, рассмотренный в настоящей главе, приводит к следующим выводам о возвышении Марка Агриппы.

По всей видимости, знакомство Агриппы с юным Гаем Октавием состоялось благодаря Л. Марцию Филиппу, который имел тесные связи с обеими сторонами в гражданской войне – как с Цезарем, так и с Катонем. В результате сходная ситуация возникла в семье Випсаниев: старший брат оказался связан с Катонем, а Марк ещё в детстве свел знакомство и подружился с внучатым племянником Цезаря. Вероятно, двое друзей учились у одних учителей, Агриппа мог получить свой первый воинский опыт в войске Цезаря, и повсюду сопровождал своего друга – в том числе в путешествии в Аполлонию, откуда им предстояло отправиться с Цезарем на войну против Парфии. То есть, на этом этапе Агриппа является в первую очередь близким личным другом юного Гая Октавия.

После смерти Цезаря ситуация постепенно начала меняться. Если в 44 г. до н. э. Агриппа почти не выделяется из общей массы друзей младшего Цезаря, то же в 43 г. до н. э. ему поручена политически и идеологически важная задача: произнести обвинительную речь против Гая Кассия, одного из лидеров убийц Цезаря. Осенью 43 г. до н. э., при создании второго триумvirата, он получает городскую претуру на 40 г. до н. э. В 42 г. до н. э., уезжая на тяжелую и опасную войну против Брута и Кассия, имея в Риме враждебно настроенных к себе консулов, Октавиан, судя по всему, оставляет в городе Агриппу на должности плебейского трибуна. Возможно, именно в

42 г. до н. э. была впервые опробована практика, которая впоследствии стала постоянной в принципат Августа, когда Октавиан и Агриппа брали на себя управление разными частями империи. Конечно, в данном случае нельзя говорить о том, что в отсутствие Октавиана Агриппа руководил делами в Италии, однако плебейский трибунат в случае необходимости позволил бы ему на законных основаниях отстаивать интересы Октавиана. То есть, несмотря на распространенное представление об Агриппе именно как о полководце и военном – первым родился политик, военная деятельность последовала за политической, а не наоборот.

Во время Перузийской войны, которая разразилась в 41 г. до н. э., Агриппа проявляет себя уже как талантливый полководец, чей вклад переломил ход войны, и в год своей претуры в 40 г. до н. э. он получает от Октавиана важную военную задачу: защищать побережье Италии от Секста Помпея.

Вскоре после этого Агриппа был назначен наместником важнейшей для Октавиана провинции – Галлии. Там он застал непростую ситуацию: Сальвидиен Руф, предыдущий наместник, был казнён Октавианом за измену, а гарнизон провинции пришлось передать Антонию. Агриппе было оказано огромное доверие, которое он полностью оправдал: одержал важную победу над аквитанами и вторым из римлян после Цезаря пересек Рейн.

Таким образом, в период с 44 г. до н. э. до 38 г. до н. э. Агриппа не только последовательно идет по дороге почестей, поднимаясь все выше по карьерной лестнице, но год за годом расширяются области, в которых он оказывает помощь Октавиану: политическая, военная, административная. В дальнейшем перечень сфер, в которых Агриппа проявит себя, будет лишь расширяться, и именно это будет подробнее рассмотрено в следующей главе настоящей работы.

Глава 2. Создание идеологических основ соправления

В первой главе мы проследили, какой путь прошёл Агриппа от простой юношеской дружбы с Октавианом до высшей магистратуры - консульства. Намеренно оставлены за рамками рассмотрения Сицилийскую и Актийскую войны, хотя именно они обычно считаются кульминацией военного таланта Агриппы. Действительно, в обоих случаях он проявил себя как исключительно одаренный адмирал, как предусмотрительный и находчивый полководец. Однако в качественном отношении Сицилийская и Актийская войны ничего не изменили в положении Агриппы – к тому времени он *уже* проявил себя талантливым военным и *уже* имел опыт самостоятельного командования.

Известно, что в создании принципата Августа огромную роль играла идеология. И в этой главе следует сосредоточиться на тех её аспектах, которые связаны, с одной стороны, с Марком Агриппой, а с другой – с соправлением.

Во-первых, Агриппа, лучший полководец Августа, обладатель золотого роstralного венка — даже если эта награда не стала уникальной, обстоятельства её присуждения Агриппе были необычны⁹³, — за всю жизнь

⁹³ См. подробнее о венке Агриппы: Bergmann B. Die corona navalis – Eine Sonderehrung für Agrippa // JdI. 2011. Bd. 126. S. 77–107 (автор считает, что золотой венок Агриппы был уникальной наградой, и отвергает сведения Феста и Плиния о других случаях награждения); Vervaeke F. J., Dart Ch. J. On the Military Crowns Awarded after Naupactus. Historical Circumstances and Wider Significance // Historia. 2018. T. 67, №3. P. 313–345. Ф. Вербат и К. Дарт считают уникальным не сам венок Агриппы, а то обстоятельство, что его присуждение было подтверждено сенатом и народом (ср. Cass. Dio XLIX.14.3–5). Эта версия на сегодняшний день представляется мне наиболее убедительной, поскольку позволяет объяснить свидетельства Ливия, Веллея, Сенеки и Диона Кассия об уникальности награды, не отвергая сведений Плиния и Феста о других случаях присуждения роstralного венка.

он не отпраздновал ни одного триумфа, несмотря на то, что сенат по настоянию Августа трижды даровал их ему (за победу над аквитанами в 38 г. до н. э., за победу над кантабрами в 19 г. до н. э. и за подавление мятежа в Паннонии в 13 г. до н. э.). Все три раза Агриппа отказывался. Почему? Обдуманная позиция, предполагающая концентрацию всех почестей в руках Октавиана уже с 38 г. до н. э.?⁹⁴ Личная скромность?⁹⁵ Страх перед Августом, внушенный участием Сальвидиена Руфа? Или нечто иное?

Во-вторых, уже во время своего первого галльского наместничества Агриппа выпустил примечательную серию монет, прославлявшую обоих Цезарей – отца и сына, а сам удовольствовался скромной подписью на реверсе. Но в дальнейшем он занимает на монетах всё более и более важное место и венцом становится чеканка Сульпиция Платорина, где Агриппа или вместе с Августом вершит государственные дела или же его портрет целиком занимает собой реверс, составляя точное соответствие портрету Августа на аверсе. Можно ли проследить какую-то целенаправленную политику Августа и Агриппы в области чеканки, или же она носит случайный, стихийный характер? А если можно, то какую именно? Август прославлял своего друга на монетах только из-за родства? Чеканка была частью династической политики? Или Агриппа предстает на ней не членом династии, не наследником принцепса, а его коллегой, соправителем?

Наконец, третья сфера, в которой Агриппа прославился наравне с Августом – строительство. Агриппа неустанно украшал Рим и заботился о его водоснабжении – начиная с собственного эдилитета в 33 г. до н. э. и до самой смерти. В Древнем Риме масштабные строительные проекты всегда транслировали ту или иную идею, заложенную инициатором. Постройки Агриппы помогают нам точнее восстановить его биографию, дают множество интересных деталей, многое рассказывают о его богатстве, может

⁹⁴ Hanslik R. Vipsanius (2) // RE. 1961. R. 2. HBd. 17. Sp. 1233.

⁹⁵ Shipley F. W. Agrippa's Building Activities in Rome. Eugene, 2008 (repr. 1933). P. 12.

быть, даже о личных его вкусах. Но что могут его строительные проекты рассказать о положении Агриппы в государстве?

В настоящей главе я постараюсь ответить на все эти вопросы. Мы расстались с Агриппой в 38 г. до н. э., когда он стал избранным консулом. Для начала вернёмся ненадолго в Галлию и, как говорилось ранее, подробнее рассмотрим отказы Агриппы от триумфов.

2.1. Отказы Агриппы от триумфов

Первый триумф был предоставлен Агриппе за победу над аквитанами, вести о которой Октавиан получил в то время, когда сам потерпел поражение и потерял из-за бурь флот, то есть примерно в начале лета 38 г. до н. э. (App. BC. V. 92)⁹⁶. В литературных источниках не сохранилось больше никаких подробностей об этой кампании. Однако недавно были обнаружены ядра для пращи с именем и императорским титулом Агриппы (о чем упоминалось в предыдущей главе), что позволило более точно локализовать военные действия в Аквитании. Крепость Эрмитаж, где была сделана эта находка, стояла на возвышенности, рядом с которой впоследствии развился город Агинн, современный Ажен. Он находился к северу от Гаронны, то есть, не на территории племени аквитанов, а в провинции Аквитания, как ее границы были определены уже в правление Августа⁹⁷. Эта крепость контролировала водный путь по Гаронне и сухопутную дорогу из Нарбона в Бурдигалу. Еще в 1996 г. Г. Гудино высказал предположение, что строительство сети дорог в Галлии (Strab. IV.6.11) Агриппа начал уже в своё первое наместничество⁹⁸.

⁹⁶ Hadas M. *Sextus Pompey*. N.Y., 1930. P. 110–111.

⁹⁷ Verdin F., Chataigneau M. *Marcus Agrippa et l'Aquitaine* // *Aquitania*. 2013. 29. P. 92–93.

⁹⁸ Goudineau G. *Gaul* // *The Cambridge Ancient History*. Vol. 10. *The Augustan Empire*, 43 B.C—A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. 2 ed. Cambr., 2008. P. 489–490, 492.

По-видимому, новые археологические находки косвенно свидетельствуют в пользу этого предположения⁹⁹.

Прежде чем приступить к анализу причин отказов Агриппы от триумфов вообще и в 38 г. до н. э., в частности, рассмотрим вопрос о соотношении полномочий наместника со статусом триумвиров. Многие авторы считают, что Октавиан получил третью императорскую аккламацию как раз за эту кампанию¹⁰⁰. Однако, поскольку Ж.-М. Роддаз замечает, что «третья аккламация Октавиана — это как раз то, от чего отказался Агриппа», интересно рассмотреть, как соотносились полномочия Октавиана и Агриппы и могли ли они оба получить аккламацию и триумф за одну и ту же победу.

Октавиан в 38 г. до н. э. занимал должность триумвира для восстановления государства (App. BC, V, 65), а должность Агриппы неизвестна. Он мог отправиться в Галлию и как проконсул¹⁰¹, и как легат Октавиана¹⁰². Но в любом случае, по всей видимости, империй Октавиана был выше империя Агриппы, даже если галльский наместник имел ранг проконсула¹⁰³. В обоих случаях Марк Антоний и Октавиан получили

⁹⁹ Verdin F. Op. cit. P. 100–102.

¹⁰⁰ См. напр. McFayden D. The history of the title Imperator. Chicago, 1920. P. 37; Syme R. Imperator Caesar: A Study in Nomenclature // Historia. 1958. Bd. 7. P. 181; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 78.

¹⁰¹ Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 383; Vol. III. Supplement. Atlanta, 1986. P. 222.

¹⁰² Toutain J. Gallia // Dizionario epigrafico di antichità romane. Vol. IV / Ed. E. de Ruggiero. Roma, 1906. P. 383.

¹⁰³ Как свидетельствует пример Вентидия Басса, который одержал победу над парфянами, занимая должность проконсула, и отпраздновал триумф (Degrassi A. Op. cit. P. 109), но при этом все равно считался воюющим под ауспигиями Антония (Cass. Dio. XLVIII, 41, 5).

императорские аккламации за победы Вентидия и Агриппы¹⁰⁴, но не праздновали триумфов. Учитывая пример Вентидия, можно прийти к выводу, что получение Октавианом аккламации никак не связано с отказом Агриппы от триумфа. Он имел бы на нее право, даже если бы Агриппа поступил как Вентидий и отпраздновал триумф за аквитанов.

Дион Кассий (Dio, XLVIII, 49, 3–4) называет и причину отказа Агриппы: «Агриппа... не праздновал триумф, считая позорным для себя торжествовать, когда Цезарь переживал неудачи». Но на сегодняшний день среди историков нет единого мнения о том, почему Агриппа отказался от триумфа. Имеются следующие версии, помимо той, о которой сообщает Дион Кассий:

1. Агриппа уже тогда принципиально оставлял все высшие почести лишь одному человеку — Октавиану¹⁰⁵. Данная версия представляется убедительной, и, вероятно, именно в этом была причина последующих отказов Агриппы от триумфов, но едва ли он мог руководствоваться этим мотивом именно в 38 г. до н. э. В это время в государстве еще не было единого правителя, ради которого следовало отказываться от любых почестей, чтобы не расшатывать его власти. Несколько сторонников триумвиров в эти же годы праздновали триумфы (П. Ватиний за Иллирию (42 г. до н. э.), Вентидий Басс — за парфян (38 г. до н. э.), Гн. Домиций Кальвин — за Испанию (36 г. до н. э.))¹⁰⁶. Отказ Агриппы от триумфа ничего

¹⁰⁴ Об аккламации Антония см. подробнее Broughton T. R. S. *The Magistrates...* Vol. II. P. 386; Grueber H. A. *Coins of the Roman Republic in the British Museum*. L., 1910. Vol. II. P. 505–506.

¹⁰⁵ Hanslik R. *Op. cit.* Sp. 1233.

¹⁰⁶ К. Пеллинг рассматривает многочисленные триумфы подчинённых полководцев в 30-х гг. до н. э. как средство укрепить, а не расшатать авторитет высших командиров — Антония и Октавиана, и даже усматривает между последними что-то вроде соперничества в этой сфере: Pelling Ch. *The Triumviral Period* // *The Cambridge Ancient History*. Vol. 10.

не менял и едва ли мог добавить авторитета Октавиану, который только что потерпел тяжелейшее поражение от Секста Помпея.

2. Агриппа опасался зависти Октавиана, а судьба Сальвидиена послужила для всех предупреждением¹⁰⁷. Эта версия вряд ли применима к Агриппе. По мнению М. Рейнхолда¹⁰⁸, казнь Сальвидиена послужила сигналом, что Октавиан не пощадит старых друзей, если это будет препятствовать его амбициям, однако не стоит забывать, за что именно приговорили Сальвидиена Руфа. Октавиан доверил ему ключевые позиции в государстве: наместничество в стратегически значимой провинции, одиннадцать легионов и консульство на 39 год. Сальвидиен Руф же собирался перейти на сторону Марка Антония; если бы эти замыслы увенчались успехом, Октавиан проиграл бы и, весьма вероятно, погиб. И очень трудно согласиться, что Октавиан принес бы Агриппу в жертву одним лишь своим амбициям, несмотря ни на какие заслуги. Судьба Сальвидиена служила предупреждением только для тех, кто намеревался изменить Октавиану, но никак не для человека, кто одерживал для него победы и хотел отпраздновать триумф, о котором сам же Октавиан для него и просил. Возможно, Рейнхолд и Ферреро, которые придерживаются мнения, что Агриппа боялся зависти Октавиана, основываются на сообщении Диона Кассия (XLIX, 4, 2–4), где тот излагает совет Агриппы своим соратникам: выполнять все сложные дела самим, а властителям оставлять почести. Однако представляется, что данный совет являлся частью сознательной

The Augustan Empire 43 B.C. – 69 A. D. / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 2008. P. 47.

¹⁰⁷ Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Geneva, 1933. P. 25, 29 (Сам М. Рейнхолд все же придерживается версии Диона Кассия, однако отмечает, что судьба Сальвидиена была сигналом для всех, что не следует препятствовать амбициям Октавиана); Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. Санкт-Петербург, 1998. С. 200.

¹⁰⁸ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 24.

политики Октавиана и Агриппы, а не искренним выражением опасений Агриппы, см. подробнее об этом ниже¹⁰⁹. Наконец, данная версия представляется маловероятной еще и потому, что триумф для Агриппы просил именно Октавиан. Если он завидовал Агриппе и не желал его триумфа, то неясно, зачем он так поступил.

3. Следовало уравновесить победы Вентидия и одновременно продемонстрировать, что в партии Октавиана нет соперничества из-за власти¹¹⁰. Третья версия также представляется маловероятной, поскольку триумф Агриппы как раз уравновесил бы победу Вентидия, и едва ли мог быть расценен как внутрипартийное соперничество. К этому времени празднование триумфов все еще оставалось вполне обычным делом для победоносных полководцев. Когда Вентидий отпраздновал свой триумф, это не повредило репутации Антония и не создало видимости раскола внутри его партии.

4. Агриппа отказался из скромности¹¹¹. Версия, выдвинутая Фредериком Шипли, также вряд ли правдоподобна. Если бы Марк Агриппа был скромнее настолько, что не желал для себя никаких почестей и никакого признания, вряд ли он принял бы лазоревое знамя, чего до сей поры не получал ни один полководец, или венок, в котором изображен на монетах, и не стал бы называть своим именем, например, Термы.

Также следует обратить внимание на то, как в римском обществе относились к отказам от триумфов. М. Берд показала, что в целом стремление к празднованию триумфов в римском обществе поощрялось и

¹⁰⁹ Также подробно рассмотрено это в статье: Таривердиева С. Э. Совет Агриппы соратникам (Dio Cass. XLIX. 4): попытка интерпретации // ВДИ. 2015. № 1. С. 145–159.

¹¹⁰ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 76–77.

¹¹¹ Shipley F. Op. cit. P. 12. Р. Даниэль считает, что и в 19 г. до н. э. Агриппа отказался от триумфа тоже из скромности: Daniel R. M. Vipsanius Agrippa: Eine Monografie: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Breslau, 1933. S. 28.

считалось нормальным¹¹². При этом отказ от триумфа рассматривался как странное, необычное поведение, но в зависимости от обстоятельств оно могло вызывать различную реакцию. Так, Ливий восхищается решением М. Фабия Вибулана, отказавшегося в 480 г. до н. э. от триумфа из-за гибели в бою его брата и коллеги по консульству (Liv. II. 47. 9–11). Плутарх передаёт положительную оценку действий Мария, который отказался от триумфа за победу при Аквах Секстиевых и отправился на помощь коллеге Катулу, потерпевшему поражение (Plut. Mar. 24.1); после победы при Верцеллах Марий отпраздновал совместный с Катулом триумф, хотя многие считали, что он имел право на два (Plut. Mar. 27). Нейтрально оценивается решение Цезаря не добиваться заслуженного триумфа в 60 г. до н. э., так как в силу формальностей это помешало бы ему получить консульство на следующий год (Suet. Iul. 18.2; Plut. Caes. 13). Как проявление высокомерия охарактеризован отказ от триумфа некоего Гн. Фульвия Флакка по неясной причине (Val. Max. II. 8.3) и отказ Л. Пизона, консула 58 г. до н. э., от соискания триумфа со ссылкой на эпикурейские убеждения (Cic. Pis. 37–38; 44; 53–64). Разумеется, во всех случаях оценка сильно зависит от политических целей и позиций того, кто её даёт; однако стоит отметить, что наибольшее понимание встречает отказ от триумфа как знак уважения к коллеге. Следует отдельно заметить, что ни в одном случае скромность триумфатора не фигурирует в качестве причины отказа от празднования триумфа.

5. Октавиан не желал повторять ошибки Цезаря, предоставляя триумфы своим подчиненным¹¹³. Согласиться с таким объяснением сложно, поскольку именно Октавиан выступил инициатором триумфа Агриппы в 38 г. до н. э. Тем самым он уже пошел по стопам Цезаря, и если считать, что Цезарь в этом ошибался, то и Октавиан тоже. И если Агриппа не стал праздновать

¹¹² Beard M. The Roman Triumph. Cambridge, 2007. P. 214–218.

¹¹³ Wardle D. Agrippa's Refusal of a Triumph in 19 B. C. // Antichthon. 1994. Vol. 28. P. 66–61.

триумф — это не меняло того, что Октавиан поступил совершенно аналогично Цезарю. Разница была только в поведении самих подчиненных — Квинт Фабий и Квинт Педий отпраздновали триумфы, а Агриппа — нет.

6. Агриппа считал титул император слишком заурядным и ниже своего достоинства¹¹⁴. Рональд Сайм пишет следующее: «Агриппа, скромный и преданный полководец, одержавший в этом году победы в Галлии, отказался от триумфа, который подчеркнул бы поражения его командира, но также выделился из числа менее значительных людей, отказавшись когда-либо ставить после своего имени тривиальный отличительный знак «*impr.*». Что достаточно хорошо для Ларония или простого аристократа вроде Аппия Клавдия Пульхра, недостаточно хорошо для Марка Агриппы». Данное утверждение представляется, по меньшей мере, странным. По мнению Р. Сайма, «скромный Агриппа» пренебрегал титулом, которого не стеснялись Помпей, Цезарь, Марк Антоний и Октавиан. Но Марк Агриппа назван императором в четырех надписях и на ядрах для пращи, обнаруженных в Галлии¹¹⁵.

Учитывая вышеизложенное, представляется, что причиной отказа Агриппы от триумфа в 38 г. до н. э. была именно та, которую называет Дион Кассий: Агриппа не хотел праздновать, когда Октавиан терпит поражения.

А теперь вернемся к тому эпизоду Сицилийской войны, о котором упоминалось чуть выше. В конце битвы при Милах Секст Помпей начал отступать, Агриппа же не стал преследовать врага. Античные авторы сходятся во мнении (Cass. Dio XLIX. 4; App. BC. V. 108), что причиной послужили опасения полководца застрять с более крупными, чем у Помпея, судами на мелководье, однако Дион Кассий в связи с этим эпизодом

¹¹⁴ Syme R. *Imperator Caesar...* P. 181

¹¹⁵ Надписи: CIL IX, 262; CIL IX, 2200; AE 1920, 00043; ILS 8897; перечень ядер для пращи, где Агриппа назван императором, см.: Verdin F. *Op. cit.* P. 82–90.

рассказывает следующее (XLIX, 4): «Итак, поздно, уже почти к ночи цезарианцы победили, и при этом не стали никого преследовать, как мне кажется и как представляется правдоподобным, потому что не смогли бы их захватить и потому, что боялись потерпеть крушение возле земли, имеющей мели, которых они не знали; некоторые же говорят, что Агриппа счёл достаточным обратить неприятеля в бегство, так как сражался за Цезаря, а не за себя. Ведь он имел обыкновение говорить близким соратникам, что большинство находящихся у власти не желает, чтобы кто-либо оказался более могущественным, но большую часть тех дел, что сулят лёгкую победу они выполняют сами, а те дела, которые менее значительны и удобны, они предоставляют другим. И всякий раз, когда они вынуждены уступить другим лучшее, их удручает и раздражает слава тех; ибо они не желают, чтобы другие терпели поражения и оказывались в трудном положении, однако предпочитают, чтобы те, даже когда полностью чего-либо добьются, не получали славы. Итак, он советовал, что тому, кто желает спастись, следует избавлять их (властителей – С. Т.) от тяжести дел и приберегать для них свой успех. Я знаю, что так и происходит, и что и Агриппа заботился об этом, но я не пишу, что в тех обстоятельствах это было причиной того, что он не преследовал, ибо если бы он даже очень захотел, то не смог бы их преследовать»¹¹⁶ (перевод автора).

¹¹⁶ ὁψὲ δ' οὖν ποτὲ καὶ πρὸς νύκτα ἤδη οἱ τοῦ Καίσαρος ἐκράτησαν, οὐ μέντοι καὶ ἐπεδίωξαν τινα, ὥς μὲν ἐμοὶ δοκεῖ καὶ τὸ εἰκὸς συμβάλλεται, ὅτι μήτε καταλαβεῖν αὐτοὺς ἐδύναντο, καὶ ἐς τὴν γῆν, βράχῃ ὧν ἄπειροι ἦσαν ἔχουσιν, ἐφοβήθησαν ἐξοκεῖλαι· ὥς δέ τινες λέγουσιν, ὁ Ἀγρίππας, ἅτε καὶ ὑπὲρ τοῦ Καίσαρος ἀλλ' οὐχ ὑπὲρ ἑαυτοῦ μαχόμενος, ἐξαρκεῖν οἱ τὸ τρέψαι τοὺς ἀντιπάλους ἡγεῖτο. καὶ γὰρ εἰώθει λέγειν πρὸς τοὺς πάνυ ἐταίρους ὅτι οἱ πλείους τῶν ἐν ταῖς δυναστείαις ὄντων οὐδένα ἐθέλουσι κρείττω σφῶν εἶναι, ἀλλὰ τὰ μὲν πλείω, ὅσα γε καὶ πρόχειρον τὴν νίκην ἔχει, αὐτοὶ δι' ἑαυτῶν ποιοῦνται, τὰ δὲ δὴ χεῖρω καὶ ἀτοπώτερα ἄλλοις προστάττουσι. κἂν ἄρα ποτὲ τῶν ἀμεινόνων τι ἀναγκασθῶσι σφισιν ἐπιτρέψαι, βαρύνονται τε καὶ ἄχθονται τῇ εὐδοξίᾳ αὐτῶν· ἡττᾶσθαι μὲν γάρ σφας καὶ κακῶς πράττειν οὐκ εὖχονται, οὐ μέντοι καὶ παντελῶς τι καταπράξαντας τὴν δόξαν αὐτοὺς λαβεῖν αἰροῦνται. δεῖν οὖν παρήνει τὸν

Для настоящего исследования высказывание Агриппы о властителях и их помощниках, которое приводит здесь Дион Кассий, представляется необычайно интересным. В научной литературе этот эпизод не остался без внимания. Ф. Блюменталь сомневается, что Дион Кассий рассказывает об эпизоде, действительно имевшем место, и полагает, что скорее древний автор «изливает неопасным способом собственную злобу»¹¹⁷. М. Рейнхолд¹¹⁸ полагает, что принимать это сообщение всерьёз не следует, поскольку: «Дион... скептически относится к объяснению некоторых, что Агриппа не пытался преследовать, поскольку сражался ради выгоды другого, а не собственной и что Агриппа был убеждён в неблагодарности обладающих властью». Далее М. Рейнхолд указывает, что такое объяснение поступка Агриппы не стоит принимать всерьёз, поскольку оно «имеет все признаки школьного риторического упражнения»¹¹⁹. Более подробное объяснение у М. Рейнхолда отсутствует¹²⁰. Судя по всему, аналогичного мнения по данному эпизоду придерживается и А. Гоуинг, поскольку он на этом отрывке не останавливается подробно, лишь ссылаясь на комментарии М. Рейнхолда к

ἄνδρα τὸν σωθησόμενον τῆς μὲν δυσχερείας αὐτοῦς τῶν πραγμάτων ἀπαλλάττειν, τὴν δὲ δὴ κατόρθωσιν σφωὺν ἐκείνοις φυλάττειν. ἐγὼ δὲ ὅτι μὲν ταῦθ' οὕτω πέφυκε καὶ ὅτι καὶ ὁ Ἀγρίππας ἐπεμελεῖτο αὐτῶν οἶδα, οὐ μὴν ἔν γε τῷ τότε παρόντι τοῦτ' αἴτιον τῆς οὐ διώξεως αὐτοῦ γράφω· οὐδὲ γὰρ οὐδ' εἰ πάνυ ἐβούλετο, οἷός τε ἦν ἐπισπένθαι σφίσι.

¹¹⁷ Blumenthal F. Die Autobiographie des Augustus // Wiener Studien. 1913. Bd. 35. S. 287.

¹¹⁸ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 39, n. 77.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Это же мнение автор высказывает и в более поздней работе: Reinhold M. From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 BC). Atlanta, 1988. P. 25–26, правда, на сей раз не упоминая о школьном упражнении, но высказывая предположение, что данный эпизод Дион Кассий мог почерпнуть из враждебных Октавиану источников, например, антонианской пропаганды.

Диону Кассию¹²¹. Данная точка зрения представляется излишне категоричной и недостаточно обоснованной. Следует отметить, что М. Рейнхолд не совсем верно излагает сомнения Диона Кассия. Древний автор действительно не верит в то, что Агриппа отказался от преследования потому, что сражался под командованием Октавиана¹²², но никакого сомнения в достоверности дальнейших рассуждений полководца Дион Кассий не высказывает, скорее, наоборот. Что же касается утверждения М. Рейнхолда о наличии в этом сообщении «всех признаков риторического школьного упражнения», то едва ли при отсутствии подробной аргументации это можно счесть достаточным основанием для того, чтобы полностью отбросить сведения источника.

Мнение других исследователей относительно этого эпизода менее категорично. В. Гардтхаузен делает из него вывод, что во время сицилийской войны, когда судьбы Августа и Агриппы ещё не были неразрывно связаны, последний мог руководствоваться своими личными задними мыслями и воздержаться от какого-то шага, который вызвал бы зависть властителя¹²³. Несколько сомнительно, что во время сицилийской войны, когда Агриппа уже был известным соратником Октавиана, получил благодаря ему первое консульство и одержал несколько побед, их судьбы ещё не были неразрывно связаны. Кроме того, как будет показано ниже, поведение Агриппы уже задолго до сицилийской войны не соответствовало тем мыслям, которые приписывает ему В. Гардтхаузен. В целом, можно отметить, что немецкий

¹²¹ Gowing A. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor, 1992. P. 196, n. 43.

¹²² См. Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 35. Ф. Миллар не анализирует данный эпизод, лишь отмечает, что, по мнению самого Диона Кассия, Агриппа отказался от преследования именно потому, что опасался мелей. Ф. Миллар приводит этот эпизод в качестве примера того, как Дион Кассий опровергает сведения своих источников соображениями здравого смысла.

¹²³ Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891. Tl. 1, Bd. 1. S. 744; Tl. 2, Bd. 1. S. 415, Anm. 37.

историк, по-видимому, склонен верить той версии, которую даже сам Дион Кассий считает неправдоподобной; в данном конкретном случае Агриппа не имел технической возможности преследовать неприятеля, и едва ли будущий принцепс был заинтересован в том, чтобы дать Сексту Помпею, незадолго до войны, заморившему голодом Италию, уйти или предоставить ему возможность вновь собраться с силами.

Ж.-М. Роддаз указывает, что с одной стороны, Дион Кассий, возможно, прочитавший автобиографию Агриппы, хорошо представлял себе ход мыслей полководца¹²⁴, а с другой, что недавняя казнь Сальвидиена Руфа наводила современников на мысли об осторожности¹²⁵. Однако несколько странным представляется комментарий исследователя о том, что Дион Кассий несомненно (*certainement*) «хорошо знаком с мыслями Агриппы» при том, что нет явных доказательств того, что Дион Кассий вообще читал автобиографию полководца. Но даже если действительно читал, то как возможно узнать, насколько искренними были мемуары Агриппы? От этой автобиографии не сохранилось ни одного фрагмента, лишь два упоминания: в комментариях Сервия к «Энеиде» Вергилия о строительстве порта Юлия (*Ad Georg.* II, 162) и несколько сомнительное – у Плиния, о том, что после первой битвы при Филиппах Октавиан был болен водянкой (*HN VII*, 148)¹²⁶;

¹²⁴ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 65, 125–126 «Dion Cassius a certainement une bonne connaissance de la pensée d'Agrippa, acquise, peut-être par la lecture de son autobiographie...».

¹²⁵ Ibid. При этом Ж.-М. Роддаз считает, что первая часть сообщения, где объясняются мотивы конкретного решения Агриппы, принятого при Милах, происходит из враждебной Октавиану пропаганды: Ibid. P. 76, 529. Аналогичного мнения придерживается и М. П. Чарльзуорт: Charlesworth M. P. *Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony* // *CQ.* 1933. Vol. 27. P. 174–175).

¹²⁶ Плиний пишет: «ut fatentur Agrippa ac Maecenas». Глагол «*fatentur*» не даёт возможности понять, идёт ли речь именно о мемуарах Агриппы. Плиний также упоминает, что Агриппа писал о своём эдилитете и приводил там точные цифры, но эти сведения также не дают информации о каких-либо политических соображениях полководца.

едва ли на этом основании можно делать выводы, что эти мемуары могли дать кому-либо корректное представление о ходе мыслей Марка Агриппы. К тому же, мемуары Агриппы были опубликованы, и есть основания усомниться в том, что подобные рассуждения доверенного соратника, тем более высказанные столь открыто, могли понравиться Августу. Что же касается воздействия казни Сальвидиена Руфа на сторонников Октавиана, то, как уже говорилось выше, едва ли справедливо предполагать, что соратники младшего Цезаря, не собиравшиеся переходить к Антонию, опасались судьбы, постигшей изменника.

Ф. Верват и К. Дарт в статье, которая должна выйти в 2018 г. в журнале *Historia*, лишь мимоходом замечают, что эти слова Агриппы, это «оценка» всей сицилийской кампании 36 г. до н. э.¹²⁷ Там же они пишут, что золотой роstralный венок как раз был наградой за эту скромность Агриппы, проявленную во время Сицилийской войны, что и отражается в этой его фразе.

Итак, аргументы сторонников версии о том, что устами Агриппы Дион Кассий высказывает собственное мнение, представляются недостаточно убедительными для опровержения сведений источника. Но и противоположная точка зрения, высказанная Ж.-М. Роддазом, порождает вопросы, на которые нет ответа. Следовательно, данное высказывание нуждается в более тщательном рассмотрении.

Для того чтобы понять, может ли эта фраза отражать искреннее мнение Агриппы, следует проанализировать, придерживался ли сам полководец собственного совета, старался ли забирать у «обладающего властью» Октавиана самые трудные дела и оставлял ли для последнего всю свою славу. Рассмотрим основные вехи деятельности Агриппы с этой точки зрения.

¹²⁷ Vervae F., Dart Ch. Op. cit. P. 15.

В 40 г. до н. э. в возрасте 23-х лет Агриппа занял должность городского претора. В начале года он вместе с Октавианом участвовал в Перузийской войне¹²⁸, затем организовывал оборону против Секста Помпея, которого оттеснил из Фурий и Консенции, и отбил у Марка Антония Сипонт (App. BC. V 58, Cass. Dio XLVIII, 20; 28). Сам Октавиан в этом году взял Перузию, пресёк волнения в Кампании, пытался наладить отношения с Секстом Помпеем и в конце концов заключил Брундизийский мир с Марком Антонием (Vell. II. 74–75; App. BC. V. 39–49, 53–65; Cass. Dio. XLVIII. 15–16; 28–29). Таким образом, в это время Агриппа и Октавиан были заняты общим делом – Перузийской войной и обороной Италии.

В 40–38 гг. до н. э., когда Агриппа одерживал свои галльские победы, Октавиан столкнулся с народной ненавистью из-за голода в Риме, участвовал в сложных переговорах, приведших к заключению Мизенского мира между триумвирами и Секстом Помпеем, а в 38 г. до н. э. вёл с последним тяжёлую войну. Едва ли возможно отыскать общие критерии, чтобы сравнить деятельность Октавиана и Агриппы в это время, однако очевидно, что Октавиан никак не мог рассчитывать на лёгкую победу над Секстом. Почётной и славной эту войну тоже сложно назвать: с одной стороны, противник Октавиана пользовался расположением римлян (App. BC. V. 99), с другой – в войске Секста было слишком много вольноотпущенников и рабов, победу над которыми римляне не считали достойной полноценного триумфа (Gell. V. 6. 20–23)¹²⁹. Но главное – Октавиан в этой войне вновь сражался против собственных сограждан, а гражданская война не сулила победителю ни почёта, ни славы, ни уважения.

В 37 г. до н. э. Агриппа и Октавиан совместно готовились к войне с Секстом Помпеем, а в 36 г. до н. э. — совместно вели военные действия, причём Агриппа одержал две свои знаменитые победы – при Милах и при

¹²⁸ См. Broughton T.R.S. *The Magistrates...* Vol. II. P. 375 со ссылками на источники.

¹²⁹ Подробнее см. Beard M. *Op. cit.* P. 53, 63.

Навлохе, Октавиан же потерпел поражение при Тавромении. Очевидно, что последнему достались скорее «сложные и неудобные», чем «сулящие лёгкую победу» задачи. Бесспорно, вклад Агриппы в победу оказался больше, но это следует объяснять не исходно несправедливым или неравным разделением сфер ведения, а просто его полководческим талантом, которым Октавиан не мог похвастаться.

В 33 г. до н. э. Агриппа занял должность эдила и развернул широкую программу по благоустройству Рима, которая подробнее рассматривается в следующем параграфе; Октавиан же в этом году вёл кампанию в Иллирии. И вновь сложно определить, чья задача была труднее и сулила бóльшую славу. Конечно, мероприятия Агриппы позволяли привлечь общественное мнение в Риме на сторону Октавиана, однако в первую очередь блестящий эдилитет прославил его самого. К тому же благоустройство Рима не было сопряжено ни с какими опасностями, тогда как Октавиан в ходе иллирийской кампании получил ранения (App. Illug. 20).

В 32–31 гг. до н. э. Агриппа с Октавианом снова занимаются общим делом: вместе готовятся к войне против Марка Антония и Клеопатры, затем Агриппа захватывает ряд стратегически важных пунктов в Греции (Oros. VI. 19. 6; Cass. Dio L. 11), а решение о начале сражения друзья принимают вместе, причём Октавиан соглашается с мнением Агриппы, отказавшись от своего первоначального плана (Cass. Dio L. 31. 1–2).

Положение Агриппы в государстве в последующие годы подробно рассматривается в третьей главе, здесь же достаточно резюмировать основные моменты: Агриппа разделил с Октавианом консульство в решающие 28 и 27 гг. до н. э., вместе с ним обладал цензорскими полномочиями, в 23 г. до н. э. был публично обозначен Августом как желательный преемник, вскоре после этого получил обширный империй, который оставался в его руках до конца его жизни, а в 18 г. до н. э. был расширен на территорию всей империи; тогда же Агриппа получил трибунскую власть, превратившись в формально равного Августу

соправителя; а ещё ранее он переселился в дом принцепса и женился сперва на его племяннице, затем — на его дочери. Итак, Август разделил с Агриппой не только свои дела, должности, власть и положение в государстве, но также дом и семью. Очевидно, что собственного совета полководец не придерживался. Дела у них с Октавианом чаще всего были или общие или примерно равные по уровню сложности. В тени Агриппа тоже явно не держался: он писал мемуары, в которых рассказывал о своих достижениях, построенные им Термы на Марсовом поле Агриппа назвал собственным именем, трижды занимал консульскую должность, фактически был правой рукой Августа, а в конце жизни стал его формальным соправителем¹³⁰. При этом сведений о каком-либо недовольстве принцепса относительно успехов и славы своего друга в источниках не содержится.

Представляется, что взаимоотношения Августа и Агриппы больше соответствуют двум другим высказываниям, чем словам, которые пересказывает Дион Кассий.

Цицерон в речи в защиту Росция Америкского, утверждает (111): «Ведь мы не можем сами вести все дела; один может принести больше пользы в одном деле, другой – в другом. Поэтому мы и вступаем в дружеские отношения, чтобы взаимными услугами действовать ради общей выгоды». (Перевод В. О. Горенштейна)¹³¹. Именно эта общность в делах прослеживается во взаимоотношениях Августа и Агриппы с первых же упоминаний о них в источниках – совместного обучения в Аполлонии (Nis.

¹³⁰См. напр. Freudenburg K. Recusatio as Political Theatre: Horace's Letter to Augustus // JRS. 2014. Vol. 104. P. 105–107. Также см. Fullerton M. D. The Domus Augusti in Imperial Iconography of 13–12 B. C. // AJA. Vol. 89. 1985. P. 473–483 об изображениях на монетах, подтверждающих политическое партнёрство и соправление Августа и Агриппы.

¹³¹ Non enim possumus omnia per nos agere; alius in alia est re magis utilis. Idcirco amicitiae comparantur ut commune commodum mutuis officiis gubernetur.

Dam. FGrHist 127 F 16; Cass. Dio XLV. 3. 1) – и до последних лет жизни Агриппы – соправления (Cass. Dio LIV. 28. 1).

Сенека в трактате «О благодеяниях» пишет (7. 12): «Ведь у меня с другом все общее не в том смысле, как бывает общее с союзником, причем одна часть принадлежит мне, а другая – ему, но в том смысле, как у отца с матерью бывают общие дети. Хотя их и бывает у них двое, но каждому из них принадлежит не одно дитя, а оба...» (Перевод П. Краснова)¹³². Следует заметить, что к Августу и Агриппе это относится в полной мере, поскольку они делили не только государственные дела, полномочия и должности, войны, победы и поражения, но Агриппа был и членом семьи Августа, женившись сначала на его племяннице, а затем и на дочери, а также жил с 25 г. до н. э. в его доме по предложению самого принцепса.

В источниках, к сожалению, нет никаких высказываний Агриппы или Августа на эту тему, так что определить их личное (хотя бы официально заявленное) отношение к общности у друзей всего и дел в том числе, не представляется возможным. Однако, скорее всего, сходные по сути слова Цицерона, их старшего современника, и Сенеки, жившего на несколько десятилетий позже, где авторы говорят от лица некой группы, отражают отношение к этому вопросу римского общества в целом¹³³.

Итак, как свидетельствует деятельность Марка Агриппы, сам он своему совету не следовал. Вероятно, именно такое положение дел дало отдельным исследователям повод усомниться в достоверности рассказа Диона Кассия об этом совете и усмотреть в нём отголоски вражеской пропаганды, риторическое упражнение или собственные мысли древнего историка, вложенные в уста Агриппы. Однако, как говорилось выше, эти

¹³² Nonenim milli sic cum amico communia omnia sunt, quomodo cum socio, ut pars mea sit, pars illius, sed quomodo patri matrique communes liberi sunt, quibus cum duo sunt, non singuli singulos habent, sed singuli binos.

¹³³ Konstan D. Friendship in the Classical World. Cambridge, 1997. P. 127–130.

предположения не были в достаточной мере подкреплены доказательствами и аргументированы. В связи с этим представляется важным более внимательно отнестись к данному эпизоду. Если предположить, что Дион Кассий пишет правду и Агриппа действительно давал такой совет близким соратникам, то возникает закономерный вопрос: почему полководец говорил одно, а делал совсем другое? Этот вопрос действительно требует ответа. Но вместо того, чтобы сразу отбрасывать сведения источника об этом высказывании Агриппы, как недостоверные, следует убедиться, что нет никакой возможности объяснить этот совет Агриппы в рамках той линии поведения, которой придерживался сам полководец.

Для начала обратимся к адресатам Агриппы.

По словам Диона Кассия он говорил это πάνυ ἑταίρους. Любопытно, что Дион Кассий использует здесь именно слово ἑταίρους, тогда как отношения Августа и Агриппы он характеризует как φιλία (Cass. Dio LIV. 29. 1). Слово ἑταῖρος в древнегреческом означает товарища, соратника, сторонника, приятеля, но не личного друга. Друга личного означает как раз слово φίλος¹³⁴.

Таким образом, Дион Кассий в этой фразе подчёркивает, что совет этот Агриппа давал своим соратникам, товарищам по делу, которые, однако, не были ему личными друзьями в отличие от Августа. Теперь обратимся к самим πάνυ ἑταῖροι Агриппы.

¹³⁴ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. С. 676, 1733. Liddell H. D., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxf., 1996. P. 700, 1939. Следует отметить, что в книгах, посвящённых Августу Дион Кассий нигде не обозначает их взаимоотношения с Агриппой словом ἑταῖρος. Только в 56 книге (38. 3), когда историк пересказывает речь Тиберия на похоронах Августа и его рассуждения о том, что Август не позволял своим соратникам излишних вольностей, он включает Агриппу и Мецената в широкий круг ἑταῖροι правителя. Однако в данном случае Тиберия не интересуют личные взаимоотношения Августа с этими людьми, он описывает поведение принцепса с любыми его соратниками, независимо от степени их близости.

Интересное исследование на эту тему провёл Ж.-М. Роддаз в своей монографии, посвящённой Марку Агриппе¹³⁵. Историк предполагает следующих более или менее знатных людей в числе соратников или приятелей полководца: Марк Валерий Мессала Корвин, Гай Цестий, Марк Валерий Мессала Потит, Секст Аппулей, Публий Квинтилий Вар, Марк Виниций, Гай Марций Цензорин, «семья Юниев Силанов», Марк Лоллий, Квинт Эмилий Лепид (Барбула), Публий Силий Нерва (консул 20 г. до н. э.), Луций Кальпурний Пизон (консул 15 г. до н. э.), Публий Сульпиций Квириний (консул 12 г. до н. э.), Луций Тарий Руф, Павел Фабий Максим. Отдельно французский исследователь останавливается на взаимоотношениях Агриппы и Тиберия, доказывая, что они были дружескими, однако в рамках данного исследования будущий преемник Августа не представляет особого интереса. Едва ли можно себе представить, что в таком эпизоде именно Тиберия, будущего императора, Дион Кассий включил в число безликих *πάνο ἑταίροι* Агриппы. Настоящее исследование не позволяет подробно остановиться на личности каждого из предполагаемых Ж.-М. Роддазом знатных соратников полководца, поэтому очень кратко рассмотрим лишь тех из них, к кому теоретически мог быть обращён совет Агриппы, то есть, тех, кто благодаря происхождению, семейным традициям, воспитанию, собственным взглядам мог рассчитывать на большие почести и не был безусловно лоялен новому режиму. Иначе говоря, тех, у кого в ближайшей семейной истории или собственной биографии прослеживаются симпатии к республиканским порядкам.

Марк Валерий Мессала Корвин прежде, чем перейти на сторону Октавиана, был легатом у Брута (Cic. *Ad Brut.* I. 12; 15), потом попал в проскрипционные списки. По просьбам родственников триумвиры исключили его из них, но Мессала остался в армии республиканцев (App. BC. IV. 38). После разгрома Брута и Кассия при Филиппах он бежал, затем

¹³⁵ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 541–548.

присоединился к Марку Антонию (Vell. II. 71. 1 (где ошибочно утверждается, что Мессала уже тогда присоединился к Октавиану); Plut. Brut. 40–42, 45, 53; App. BC. IV. 38). Мессала был близким другом Кассия, одного из убийц Цезаря, и уже после окончания гражданских войн продолжал открыто называть его своим полководцем (Tac. Ann. IV. 34). Вероятно, из-за сближения Антония с Клеопатрой он принял решение перейти на сторону Октавиана (App. BC. IV. 38) и в Сицилийской войне уже воевал вместе с ним (App. BC. V. 102)¹³⁶. После этого Мессала участвовал в войнах Октавиана против иллирийцев и Марка Антония, управлял Сирией и Аквитанией и в 27 г. до н. э. отпраздновал триумф¹³⁷. Примерно 4 года Мессала делил с Агриппой бывший дом Марка Антония на Палатине (Cass. Dio LIII 27, 5). Однако можно отметить и один инцидент, произошедший уже в 26 г. до н. э.: по предложению Августа Мессала принял только что созданный пост префекта города, но через несколько дней отказался от него, будто бы потому что не понимал, что должен делать (*quasi nescius exercendi*, Tac. Ann. VI. 11), но в действительности, видимо, потому, что считал такую должность в государстве неуместной (*incivile messe potestatem contestans*; Hieron. Chr. 188. 3). По-видимому, этот поступок Мессалы свидетельствует о том, что он не стремился открыто поставить своё имя и репутацию на службу режиму Августа и желал продемонстрировать независимость¹³⁸.

О Гае Цестии не известно почти ничего. О связи с Агриппой свидетельствует лишь надпись на пирамиде Цестия, где полководец назван одним из наследников (CIL. VI. 1375). Друг Августа, однако, от наследства отказался в пользу брата умершего. Ж.-М. Роддаз высказал предположение,

¹³⁶ О переходе Мессалы от республиканцев к Антонию и затем к Октавиану см. подробнее: Syme R. *The Augustan Aristocracy*. Oxf., 1986. P. 201–202, 205–209; Р. Сайм допускает, что Корвин сохранял лояльность Антонию до 33 г. до н. э.

¹³⁷ Подробнее см. *ibid.* P. 202–205, 210–211.

¹³⁸ *Ibid.* P. 212. Подробнее это назначение рассматривается в третьей главе.

что отношения Агриппы и Гая Цестия могут восходить к эпохе проскрипций, поскольку среди Цестиев был проскрибированный. Французский историк предполагает, что Агриппа мог в своё время за него вступиться.

Публий Квинтилий Вар, потерпевший знаменитое поражение в Тевтобургском лесу, приходился Агриппе зятем – он был женат на одной из его дочерей¹³⁹, занимал консульскую должность одновременно с Тиберием в 13 г. до н. э., в этом же году устроил игры в честь возвращения Августа из Галлии (Cass. Dio LIV ind.; 25, 1). Основная часть карьеры Вара приходится уже на период после смерти соправителя Августа, и, рассматривая Квинтилия Вара, как одного из возможных адресатов совета Агриппы, подробно останавливаться на ней нет смысла. Любопытно при этом, что отец Публия Квинтилия – Секст Квинтилий Вар, последовательно находился во враждебном Августу окружении. В гражданской войне Цезаря и Помпея он воевал на стороне помпеянцев, попал в плен при взятии Корфиния, но Цезарь отпустил его (Caes. BC. I. 23). Затем Вар-старший отправился в Африку, пытался там переманить у Куриона войско, возможно, повторно побывал в плену (Cic. Phil. XIII. 30). В 42 г. до н. э. он сражался при Филиппах на стороне Брута и Кассия, после поражения приказал вольноотпущеннику себя убить (Vell. II. 71).

«Семья Силанов», о которой пишет французский историк, имела очень тесные родственные и идеологические связи с противниками Октавиана: Сервилия, мать Брута, вторым браком была замужем за Децимом Силаном; одна из их дочерей вышла замуж за Гая Кассия, другая – за Марка Лепида¹⁴⁰. Их родственник Марк Силан в 43 г. до н. э. служил под командованием Лепида и, согласно его тайному указанию, принимал участие в битве под

¹³⁹ Reinhold M. Marcus Agrippa's Son-in-Law P. Quinctilius Varus // CPh. 1972. Vol. 67. P. 119–121.

¹⁴⁰ Münzer F. Roman Aristocratic Parties and Families / T. Ridley (transl.). Baltimore; L., 1999. P. 318–325.

Мутиной на стороне Антония (Cic. Fam. X. 30; 34; Dio XLVI. 38. 50–51). Позднее он бежал на Сицилию к Сексту Помпею (Vell. II. 77), а после Мизенского мира стал сторонником Антония и лишь в 31 г. до н. э. из-за разногласий с Клеопатрой и ее окружением перешел к Октавиану (Plut. Ant. 59)¹⁴¹. Ж.-М. Роддаз предполагает тесное сотрудничество Агриппы с этой семьёй на основании эпизода, рассказанного Иосифом Флавием (Joseph. AJ. XVI. 6. 4). Автор приводит текст одного из постановлений Агриппы, в конце которого полководец пишет, что послал претору Силану письменный приказ о запрете вызывать иудеев на суд в субботние дни. Несколько сомнительно, что данное письмо свидетельствует о каких-то приятельских отношениях Агриппы с Силаном, но, поскольку есть прямое указание источника на их сотрудничество хотя бы в одном лишь этом вопросе, Силана тоже можно предполагать в качестве адресата рассматриваемых слов Агриппы.

Далее Ж.-М. Роддаз упоминает обоих консулов 21 г. до н. э. – Марка Лоллия и Квинта Эмилия Лепида (Барбулу). Аппиан (BC. IV. 49) рассказывает, что Марк Лоллий был включён триумвирами в проскрипционные списки, а Барбула через Агриппу упросил Октавиана исключить его. Позднее, когда спасённый Лоллий воевал на стороне Октавиана против Антония, ему представилась возможность отплатить Барбуле взаимностью. Последний сражался при Акции на стороне Антония, попал в плен и Лоллий затем добился для него милости от младшего Цезаря¹⁴².

Что же касается нескольких последних персонажей, то у них отсутствуют косвенные признаки нелояльности к режиму или какие-либо республиканские традиции в семье, но совет Агриппы мог быть обращён и к ним, поскольку они в разное время занимали должность наместника одной из

¹⁴¹ Syme R. The Augustan Aristocracy. P. 190.

¹⁴² Подробнее об этом свидетельстве Аппиана и идентификации упомянутых в нём лиц см.: Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985. P. 487–488.

провинций, подчинённых империи Августа¹⁴³: Публий Силий Нерва – императорский легат в Ближней Испании во время кантабрийской войны (Vell. II. 90. 4; CIL. II. 3414), Луций Кальпурний Пизон, легат Галатии-Памфилии в 14 г. до н. э., (Cass. Dio LIV. 34. 6). Луций Тарий Руф был легатом пропреторского ранга Македонии в 17–16 гг. до н. э. и, возможно, одержал там победу над вторгшимися сарматами¹⁴⁴. Если Нерва, Пизон и Тарий не могли претендовать на триумф по формальным основаниям, то Публий Сульпиций Квинрий, который в 15 г. до н. э. был проконсулом Крита и Кирены (Flor. II. 31), мог, однако не решился на это. В этом же отрывке Флор сообщает любопытную деталь, перекликающуюся с рассматриваемым советом Агриппы быть скромнее в успехах: «Покорение мармаридов и гарамантов поручил (Август – С. Т.) Квинрию. Он мог бы получить титул Мармарийский, но оказался более скромным в оценке победы»¹⁴⁵ (выделение курсивом моё).

Таким образом, очевидно, что в окружении Марка Агриппы было немало людей, от которых по разным причинам можно было ожидать болезненной реакции на ущемление собственного честолюбия ради укрепления нового режима.

Дион Кассий не уточняет, в какое именно время Агриппа говорил это своим «соратникам», но слова εἰώθει λέγειν указывают на то, что полководец говорил это неоднократно и в течение длительного промежутка времени. И судьба, постигшая в 26 г. до н. э. Корнелия Галла, подтверждает, что

¹⁴³ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 548.

¹⁴⁴ ILGR. 230; Cass. Dio LIV. 20. 3, ср. Syme R. Lentulus and the Origin of Moesia // JRS. 1934. Vol. 24. P. 127 (о предполагаемой победе, со ссылками на предшествующую литературу), Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 391, n. 1 (о его должности); Syme R. The Augustan Aristocracy. P. 223, 321, 333, 393.

¹⁴⁵ Marmaridas atque Garamantas Quirinio subigendos dedit. Potuit et ille redire Marmaricus, sed modestior in aestimanda victoria fuit.

проблема, на которую указывал Агриппа, не была надуманной. В научной литературе до сих пор ведутся споры, действительно ли наместник Египта провинился перед Августом или нет¹⁴⁶. Однако для настоящего исследования важно лишь то, что сам Август расценил чрезмерное самопрославление Корнелия Галла в Египте, как враждебные действия и ответил ему тем же, отозвав наместника из Египта и запретив ему появляться в императорских провинциях (Cass. Dio LIII. 23. 5).

Теперь же вернёмся к последовательным отказам Агриппы от неоднократно предлагавшихся ему триумфов. Выше уже рассматривался триумф за победу над аквитанами, отклонённый Агриппой в 38 г. до н. э. из-за нежелания праздновать победу, когда Октавиан терпит поражения. Второй триумф был предоставлен Агриппе в 18 г. до н. э., вновь по просьбе Августа, теперь за победу над кантабрами (Cass. Dio LIV. 11. 6). В отличие от предыдущего случая, когда Дион Кассий прямо называет причину отказа полководца, здесь историк ограничивается общими словами о скромности Агриппы. О третьем триумфе, постановленном полководцу в 14 г. до н. э. за подавление мятежа племён Киммерийского Боспора (Cass. Dio LIV. 24. 7), Дион Кассий пишет, что Агриппа даже не потрудился направить в сенат донесение о происшедшем. Следовательно, триумф вновь был предоставлен при некотором содействии Августа, который наверняка получил от Агриппы донесение. О причинах такого поведения Агриппы на сей раз античный автор не сообщает ничего.

Гипотеза о природной скромности полководца уже рассматривалась выше, и её нельзя признать удовлетворительной. Но даже если предположить, что Дион Кассий прав, и Агриппа отказался из скромности, возникает вопрос: неужели Август настолько плохо знал своего ближайшего соратника и друга детства, что оставался в неведении относительно этого его

¹⁴⁶ См., напр., Парфенов В. Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб, 2001. С. 56–59.

качества? И даже если так, то по какой причине в 14 г. до н. э. Август повторяет ошибку? Зачем вновь предоставляется триумф человеку, который последовательно отказывается его праздновать? И почему Август и Агриппа, у которых в остальных делах царит согласие (см. выше), именно в этом случае никак не могут ни до чего договориться? Представляется, что ответ на эти вопросы даёт сам же Дион Кассий (Cass. Dio LIV. 24. 8): «И из-за этого (из-за отказа Агриппы – С. Т.) никому другому из равных ему самому, по крайней мере, как я полагаю, не разрешали этого делать, но только лишь получать триумфальные отличия»¹⁴⁷. Следствием поведения Агриппы стало то, что после него никто уже больше не праздновал триумфы, все почести сконцентрировались в руках императора и его семьи. Вряд ли можно счесть простой случайностью, что именно после последнего отказа Агриппы полководцы, не принадлежащие к императорской семье, больше не празднуют триумфы. В таком случае легко объясняется кажущаяся несогласованность действий Агриппы и Августа: император и его ближайший соратник «играли в четыре руки», чтобы с одной стороны, добиться концентрации всех почестей в руках Августа, а с другой – не дать повода подозревать императора в стремлении к тирании. Метод, избранный Агриппой и Августом отвечал обоим условиям: при полной внешней добровольности отказов Агриппы и внешнем же стремлении Августа эти триумфы ему обеспечить, император и его друг создали такое положение, при котором не прозвучало никаких приказов или запретов, но все поняли – отныне триумфы – это привилегия императора¹⁴⁸.

¹⁴⁷ καὶ διὰ τοῦτο οὐδ' ἄλλω τινὶ ἔτι τῶν ὁμοίων αὐτῷ, ὥς γε καὶ ἐγὼ κρίνω, ποιῆσαι τοῦτο ἐδόθη, ἀλλὰ μόναις ταῖς ἐπινικίοις τιμαῖς ἐγαυροῦντο.

¹⁴⁸ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 93; Eck W. Senatorial Self-Representation: Developments in the Augustan Period // Caesar Augustus: Seven Aspects / F. Millar, E. Segal (eds.). Oxf., 1984. P. 138–139; Hickson F. V. Augustus «Triumphator»: Manipulation of the Triumphal Theme in the Political Program of Augustus // Latomus. 1991. T. 50. P. 124–138. Также см.

Таким образом, излагаемый Дионом Кассием совет Агриппы содержит тот же посыл, что и его отказы от триумфов, сформулированный в более общем виде: необходимо умерить честолюбие и оставлять почести императору. С учётом всего вышеизложенного, представляется, что Агриппа действительно мог давать своим «соратникам» такой совет, чтобы предотвратить появление новых «Корнелиев Галлов» и мягко предупредить нобилей, что времена изменились и теперь необходимо оглядываться на принцепса и умерять собственное честолюбие. Слова τὸν ἄνδρα τὸν σωτησόμενον звучат несколько предостерегающе. В таком случае становится ясным, почему сам Агриппа этому совету не следовал. Агриппе не было никакой необходимости так поступать – полководец, как и сам Август, не просто принял новый порядок, он же его и создавал. И понятно, почему Август не требовал от Агриппы такого поведения – император доверял полководцу и не предпринимал усилий, чтобы застраховать себя на случай предательства Агриппы, причём не только в этом случае, но и вообще за всё время их сотрудничества, начиная с 44 г. до н. э.

Wardle D. Op. cit. P. 58–64 со ссылками на предыдущие исследования по этому вопросу. Уордл, возражая Хиксону, задаётся вопросом (Ibid. P. 63) – если постепенно образ триумфатора монополизировался для императора и членов его семьи, то почему отказывался в 19 г. до н. э. и в 14 г. до н. э. от триумфов Агриппа, на тот момент уже являвшийся членом семьи Августа и его фактическим соправителем, хотя позднее Тиберий, занявший его место, триумфы праздновал? Представляется, что в дополнение к ответу самого Уордла о том, что отчасти такая политика была выработана совместно Августом и Агриппой, а отчасти была вызвана враждебностью сенаторов к полководцу, можно добавить ещё одно соображение: именно Агриппа взял на себя задачу воплотить в жизнь эту идею, заставить всех остальных отказаться от празднования триумфов, при этом не выставив Августа тираном. Тиберию же не приходилось подавать другим пример такого рода, к тому времени, как пасынок принцепса отпраздновал первый триумф (в 7 г. н. э.) план Августа и Агриппы уже был успешно реализован.

Таким образом, слова, которые приписывает Дион Кассий Агриппе, никак не соотносятся с поведением полководца только на первый взгляд. Последовательный отказ Агриппы от триумфов показывает, что друзья, по меньшей мере, однажды уже разыграли спектакль, чтобы добиться сходного итога: обеспечить в руках Августа максимальную концентрацию почестей и влияния. Вероятно совет, данный Агриппой своим «соратникам», преследовал ту же цель и был спланирован Августом и Агриппой совместно. Конечно, отказ Агриппы от первого триумфа в 38 г. до н. э. во многом был обусловлен неблагоприятным стечением обстоятельств, однако всё же он положил начало целенаправленной политике по превращению столь яркой и зрелищной почести, как триумф, в личную прерогативу императора и членов его семьи.

2.2. Идеологические мотивы на монетах Агриппы

А. Избранный консул: галльская чеканка 38 г. до н. э.

Теперь обратимся к чеканке Агриппы, которую тот проводил в годы своего галльского наместничества и, по аналогии с предыдущим параграфом, посмотрим, во что трансформировалась эта деятельность Агриппы в годы принципата.

В 38 г. до н. э.¹⁴⁹ Марк Агриппа, избранный консул на 37 г. до н. э. выпустил серию монет с одинаковым реверсом, но разными аверсами. Легенда на реверсе во всех случаях гласит:

¹⁴⁹ И. Ромео передатирует этот выпуск 39 г. до н. э. на основании того, что Октавиан изображён с бородой, которую он сбрил как раз в 39 г. до н. э. (Dio Cass. LXVIII. 34. 3): Romeo I. Ingenuus Leo. L'immagine di Agrippa. Roma, 1998. P. 20. Но ее аргумент опровергает выпуск RRC 540, где Октавиан также изображен с бородой (в последний раз), а легенда указывает на датировку этой чеканки после 37 г. до н. э., после Тарентского

М · AGRIPPA · COS

DESIG

Что любопытно, на реверсах монет этой серии нет никакого изображения, только легенда. Аверсы на монетах, однако, различаются.

На аверсе аурея этой серии изображена голова омоложенного Цезаря в лавровом венке¹⁵⁰, рядом с его лбом – звезда, легенда гласит: IMP · DIVI · IVLI · F · TER · III · VIR · R · P · C (Imperator Divi Iuli filius tertium triumvir rei publicae constituendae, перевод: Император сын Божественного Юлия в третий раз триумвир по восстановлению республики), см. Илл. 1 (RRC 534/1):

Илл. 1.

Фотография принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 46, lot 457 (c).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

На денарии этой же серии на аверсе изображены голова Цезаря в венке и голова Октавиана с бородкой лицом друг к другу, позади Цезаря легенда:

мира: IMP · CAESAR · DIVI · F · III · VIR · ITER · R · R · C. Поэтому я придерживаюсь традиционной датировки этого выпуска: 38 г. до н. э.

¹⁵⁰ Идентификация изображенного вызывает некоторые проблемы, подробнее о которых см. ниже.

DIVOS · IVLIVS (Божественный Юлий), надпись направлена снизу вверх, позади Октавиана легенда: DIVI · F (сын Божественного), надпись направлена уже сверху вниз, см. Илл. 2 (RRC 534/2):

Илл. 2.

Фотография принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 51, lot 125 (c).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

На втором денарии этой же серии на аверсе изображена голова Октавиана с бородой, легенда: IMP · CAESAR · DIVI · IVLI · F (Император Цезарь сын Божественного Юлия), см. Илл. 3 (RRC 534/3):

Илл. 3

Фотография принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 73, lot 265 (с). Воспроизводится с разрешения правообладателя.

Монеты этой серии привлекают внимание сразу по нескольким причинам: необычное употребление слова «Император» на аверсах аурея и одного из денариев, первое использование на галльских монетах лозунга DIVI F, изображение звезды, т.н. *sidus Iulium*, символа обожествления Цезаря, пропуск Марком Агриппой собственного номена на легенде реверса, сочетание на аурее портрета старшего Цезаря с легендой, посвященной его приемному сыну.

Как правило, специалистов в первую очередь интересует титулатура Октавиана на этих монетах, в особенности наименование «Император». Однако, как представляется, иные аспекты заслуживают не меньшего внимания. В частности, вопрос о том, почему именно на этом выпуске появляется изображение *sidus Iulium* у лба Цезаря, чего не было на предыдущих монетах? Какое место в чеканке Агриппы занимает Цезарь и его связь с сыном в сравнении с предыдущими выпусками сторонников Октавиана? Связаны ли как-то изображения на монетах с местом пребывания Марка Агриппы и обстановкой, сложившейся к тому моменту в Галлии? Наконец, что может рассказать эта чеканка о роли самого Агриппы в

пропагандистских¹⁵¹ мероприятиях Октавиана в тот период? Этими вопросами исследователи, как правило, не задаются.

Прежде чем приступать к анализу аверсов и реверсов монет этого выпуска и искать ответы на поставленные выше вопросы, попробуем выяснить, в какой мере на решение об изображениях и легендах влиял сам Марк Агриппа. Конечно, едва ли в эту эпоху изображения на монетах никак не контролировались триумвирами. Уже сами типы и легенды на монетах каждого из них свидетельствуют об обратном, демонстрируя порой хаотичную, но все-таки относительную систему и некое единство политики чеканки, по меньшей мере, в том, что использовались легенды и символы, прославляющие Цезаря, триумвиров (всех вместе или по отдельности), царящее между ними согласие, само установление триумvirата и т. д.¹⁵². И

¹⁵¹ В историографии высказывалось мнение о том, что термин «пропаганда» не подходит, когда речь идет об интерпретации изображений на римских монетах, см. подробнее: Levick B. Propaganda and the Imperial Coinage // *Antichthon*. 1982. Vol. 16. P. 105–107. Однако более обоснованным представляется мнение К. Сазерленда, который указывает, что, когда речь идет об античных монетах, едва ли следует придавать этому слову тот негативный оттенок, который оно приобрело в годы Второй Мировой Войны: Sutherland C.H.V. The Purpose of Roman Imperial Coin Types // *RN*. 1983. Т. 25. P. 74. См. также мнение Э. Уоллес-Хэдрилла, который избегает термина «пропаганда» лишь для того, чтобы не переводить обсуждение в спор о словах: Wallace-Hadrill A. Image and Authority in the Coinage of Augustus // *JRS*. 1986. Vol. 76. P. 67. Тематика диссертации не позволяет подробнее остановиться на данной дискуссии, но термин «пропаганда» в применении к изображениям и легендам на античных монетах использован здесь лишь в том значении, о котором пишет К. Сазерленд: идеи и информация, которые требуется продемонстрировать и распространить. Он не предполагает никакого негативного оттенка или лживости распространяемых сведений.

¹⁵² См. комментарии о прославлении триумvirата и отдельных триумвиров: Crawford M. *Roman Republican Coinage*. Cambridge, 1974. P. 510. Ясной и выработанной системы, конечно, не было, но все равно, даже на монетах разных магистратов, разных лет, даже в разных местах существует некоторое сходство типов и легенд, прославляющих

все же, какова была роль Марка Агриппы в выборе изображений для этого выпуска, хотя бы предположительно?

Прежде всего встает вопрос о месте чеканки этих монет. Г. Грубер считает эти монеты отчеканенными в Галлии, опираясь на их стиль¹⁵³. Более подробно этим вопросом занимался Ф. Хилл, который пришел к аналогичному, даже более конкретному выводу, что эти монеты выпущены монетным двором в Лугдуне¹⁵⁴. Составители каталога RPC также считают эту золотую и серебряную чеканку Агриппы галльской, а не италийской¹⁵⁵. М. Кроуфорд пишет несколько иначе. В описании самих монет (RRC 534) составитель каталога указывает, что они отчеканены на монетном дворе, который передвигался с Октавианом (*Mint – moving with Octavian*), а в подробном описании монет пишет, что этот выпуск чеканил Агриппа (*Agrippa produced an issue...*)¹⁵⁶; Агриппе приписан этот выпуск и в более ранней его работе, посвященной анализу кладов¹⁵⁷. Д. Сир также пишет, что нельзя исключать, что монеты чеканились не Агриппой, а Октавианом, когда монетный двор передвигался с ним по Италии, но более вероятным ему все

конкретного триумвира. См. например, о Марке Антонии: RRC 517, 521, 522, 527, 528 и др. монеты с его изображением в период существования триумvirата. Об Октавиане см. например: RRC 525, 526, 534, 535, 537 и др. Таким образом, как представляется, есть весомые основания полагать, что общий контроль над выбором типов и изображений у триумвиров (или их ближайших сторонников) был.

¹⁵³ Grueber H. A. Op. cit. P. 410–411, n. 1.

¹⁵⁴ Hill P. Coin-symbolism and Propaganda During the Wars of Vengeance // NAC. 1975. Vol. 4. P. 157–207, особ. 185–186. С Ф. Хиллом согласен и Ж.-М. Роддаз: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 594.

¹⁵⁵ Burnett A., Amandry M., Ripolles P. P. Roman Provincial Coinage. Vol. I: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC-AD 69). Part I. L., 1992. P. 161.

¹⁵⁶ Crawford M. Roman Republican Coinage... P. 744.

¹⁵⁷ Crawford M. Roman Republican Coin Hoards. L., 1969. P. 3, n. 7.

же представляется, что монеты чеканились в Галлии, но по инструкциям Октавиана¹⁵⁸.

Важно отметить, что ни М. Кроуфорд, ни Д. Сир не ссылаются на данные кладов при указании монетного двора, передвигавшегося с Октавианом, но учитывая большую мобильность населения в этот период¹⁵⁹, а также статистически небольшой объем найденных релевантных кладов и небольшое количество монет этого выпуска в них¹⁶⁰, представляется, что свидетельства этих кладов в данном случае не будут решающими. Кроме того, Г. Мэттингли указывает, что монеты требовались Октавиану в больших количествах и в Галлии, и в Италии, и где бы ни находился рассматриваемый монетный двор, он должен был обслуживать сразу оба этих региона¹⁶¹. Учитывая вышесказанное, для определения места чеканки этой серии монет, остается обратиться к их легендам и качеству чеканки.

Легенда на реверсе монет этого выпуска содержит имя Марка Агриппы и его должность: избранный консул. В эпоху гражданских войн общераспространенной была практика, когда младшие должностные лица при чеканке монеты ставили на нее, кроме своего имени, имя старшего должностного лица, для которого производился выпуск, но обратных примеров неизвестно. Например, в эти же годы так обстоит дело с монетами, отчеканенными на монетном дворе Рима избранными квесторами Воконием и Гракхом: на этих выпусках указано имя Октавиана (RRC 525, 526)¹⁶².

¹⁵⁸ Sear D. R. *The History and Coinage of the Roman Imperators, 49–27 BC*. L., 1998. P. 188.

¹⁵⁹ Osgood J. *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire*. Cambridge, 2006. P. 173–182.

¹⁶⁰ Cp. Crawford M. *Roman Republican Coin Hoards...* P. 35, 125–126.

¹⁶¹ Mattingly H. *Dives Anagnia* // *Numismatic Chronicle*. 1946. Ser. 6. P. 93–94.

¹⁶² Любопытную аналогию представляет и монета Силана 33 г. до н. э. (RRC 542/1), которая имеет явное типологическое сходство с рассматриваемым выпуском Агриппы (на реверсе – только легенда M(arcus) SILANVS AVG(ur) / Q(uaestor) PRO CO(n)S(ul), без изображения). Исходя из статуса Марка Антония (императора и триумвира) и Марка

Таким образом, легенды монет указывают, что непосредственным автором выпуска был именно Агриппа, а не Октавиан¹⁶³.

Остается понять, где находился Агриппа в 38 г. до н. э. – в Галлии или в Италии? Представляется, что на этот вопрос убедительно ответил еще М. Рейнхолд. Он опирается на сведения о том, что вести о победе Агриппы над аквитанами пришли в Рим одновременно со сведениями о согласии Марка Антония оказать помощь Октавиану в войне против Секста Помпея – то есть, это произошло либо в самом конце 38 г. до н. э., либо в начале 37 г. до н. э.¹⁶⁴ М. Рейнхолд отмечает также, что, по словам Диона Кассия, отозвав Агриппу, Октавиан предложил ему триумф, а Агриппа, который тогда был консулом, отказался его праздновать, и это может указывать, что он прибыл в Италию уже в 37 г. до н. э. (Cass. Dio XLVIII.49.3)¹⁶⁵. Но представляется, что

Силана (квестора проконсула), ясно, что квестор мог чеканить монеты для своего консула и императора, но едва ли наоборот. Данное соображение можно привести как аналогию в пользу версии о том, что типологически сходные монеты в 38 г. до н. э. тоже чеканил Марк Агриппа для Октавиана, а не наоборот, хотя, конечно, эта аналогия не может служить решающим доказательством – хронологическая разница между монетами составляет 5 лет, к тому же, ранг Марка Агриппы, избранного консула был выше, чем ранг квестора проконсула Марка Силана.

¹⁶³ Агриппу инициатором этого выпуска считает и М. Грант: Grant M. *From Imperium to Auctoritas*. Cambridge, 1969 (repr. 1946). P. 41.

¹⁶⁴ Reinhold M. *Marcus Agrippa...* P. 26–27, n. 34. Подтверждение своей точки зрения автор находит также в X Эклоге Вергилия, где поэт рассказывает о возлюбленной Галла, которая сбежала к другому, служившему в войске в Галлии и в стихотворении явно говорится о зимнем сезоне (строки 45–48): «Tu procul a patria (nec sit mihi credere tantum) // Alpinas, a, dura, niues et frigora Rheni // me sine sola uides», но это свидетельство представляется не слишком надежным, сходные выражения встречаются и в других произведениях Вергилия, см. подробнее: Clausen W.V. *Virgil: Eclogues*. Oxf., 1994. P. 305. Ж.-М. Роддаз также считает, что Агриппа вернулся лишь в конце 38 г. до н. э. или самом начале 37 г. до н. э.: Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...*: 68 и n. 209.

¹⁶⁵ καὶ ὅς (ὕπατερε δὲ μετὰ Λουκίου Γάλλου) τὰ μὲν ἐπινίκια οὐκ ἔπεμψεν...

греческий текст можно истолковать просто в том смысле, что Агриппа стал консулом, а триумф так и не отпраздновал. Поэтому нельзя уверенно утверждать, что Агриппа вернулся в Италию именно в 37 г. до н. э., но даже если он прибыл в 38 г. до н. э., то явно в последние месяцы и вряд ли осуществил эту чеканку именно в этот краткий промежуток времени. Таким образом, легенда на монетах Агриппы указывает указывает, скорее всего, на Галлию как место чеканки.

По качеству чеканки эти монеты гораздо примитивнее монет, отчеканенных монетариями на римском монетном дворе, и стоят в одном ряду с некоторыми другими выпусками Октавиана (ссылки см. ниже). В частности, для них характерны широко раскрытый глаз, выполненный как цельный шарик, часто обращенный вверх, тонкая шея, неровные буквы¹⁶⁶. Ф. Хилл называет этот стиль линейным и связывает его с монетным двором, расположенным в Лугдуне. Провинция Галлия попала в руки Октавиана ранней весной 40 г. до н. э., после смерти наместника-антонианца Калена (App. BC. V. 51; Cass. Dio XLVIII.20.3), а вместе с ней, по мнению Ф. Хилла, молодой Цезарь завладел и этим монетным двором¹⁶⁷. Поэтому Ф. Хилл датирует 40 г. до н. э. отчеканенные в линейном стиле монеты Октавиана с конной статуей (RRC 490/3) и курульным креслом (497/1–2), а также чеканку Бальба (RRC 518)¹⁶⁸. Однако на основании кладовых находок М. Кроуфорд относит эти выпуски к 43-му, 42-му и 41-му гг. до н. э. соответственно. Следовательно, они производились не в Галлии, а на монетном дворе Октавиана, однако не в Риме, так как качество чеканки монет, выпущенных в городе, заметно выше. Этот неримский монетный двор Октавиана М. Кроуфорд и обозначает как *moving with Octavian*. Следует отметить, что в

¹⁶⁶ Hill P. Op. cit. P. 177.

¹⁶⁷ Ibid. P. 174.

¹⁶⁸ Ibid. P. 174–178.

описаниях монет данное выражение указывает не столько на географическое место чеканки, сколько на конкретный монетный двор.

Рассмотрим продукцию этого двора, выпущенную после битвы при Филиппах. Прежде всего, это чеканка пропретора Бальба в 41 г. до н. э. (RRC 518/1)¹⁶⁹. О местопребывании Бальба в это время нет никаких иных свидетельств, однако он не мог находиться в Галлии: эта провинция еще принадлежала Антонию и ее наместником был Кален¹⁷⁰. Вполне правдоподобна гипотеза Д. Сира, по мнению которого Бальб в это время находился в Италии и чеканил монеты для Октавиана в начале Перузийской войны; он мог занимать претуру годом ранее и сохранить после нее пропреторские полномочия¹⁷¹.

Следующий выпуск данного монетного двора – это монеты, отчеканенные в 40 г. до н. э. Сальвидиеном Руфом (RRC 523). После того, как весной 40 г. до н. э., после окончания Перузийской войны, Галлия попала под контроль Октавиана, Сальвидиен действительно был назначен ее наместником (App. BC. V. 66). Поэтому его монеты могли быть выпущены как в первые месяцы года в Италии, как считает Д. Сир¹⁷², так позднее, уже в Галлии, как полагает Ф. Хилл¹⁷³.

Однако в конце 40 г. до н. э. и в 39 г. до н. э. на этом же передвижном монетном дворе снова чеканятся монеты Октавиана, прославляющие его примирение с Антонием в Брундизии (RRC 529). После Брундизийского

¹⁶⁹ Монеты RRC 518/2 не содержат упоминаний о Бальбе и выпущены от имени одного Октавиана, однако имеют общий аверс с монетами Бальба и, видимо, отчеканены им же. См. Crawford M. *Roman Republican Coinage...* P. 526–527; Sear D. *Op. cit.* P. 184.

¹⁷⁰ Т.Р.С. Броутон (Broughton T.R.S. *The Magistrates....* Vol. II. P. 380) допускает, что Бальб был наместником Испании, однако М. Кроуфорд (Crawford M. *Roman Republican Coinage...* P. 527) исключает возможность отнесения этих монет к Испании.

¹⁷¹ Sear D. *Op. cit.* P. 184.

¹⁷² Ibid. 185.

¹⁷³ Hill P. *Op. cit.* P. 178.

мира Сальвидиен был отозван из Галлии и казнен за измену, а его место занял Агриппа¹⁷⁴, но на монетах новый наместник пока не упоминается. Осенью 39 г. до н. э. Октавиан посетил Галлию; вполне вероятно, что монетный двор сопровождал его, и, по крайней мере, часть серии RRC 529 была отчеканена там. Д. Сир указывает, что в этой провинции пропаганда примирения триумвиров была особенно важна: Октавиан совсем недавно завладел ею в нарушение договоренности с Антонием, а первый его наместник в этой провинции – Сальвидиен Руф – чуть было не переметнулся на сторону Антония¹⁷⁵.

Далее этот монетный двор выпускает монеты Агриппы (RRC 534), место чеканки которых требуется определить, а затем в 37 г. м возобновляется чеканка монет от имени одного лишь Октавиана (RRC 537–538).

Исходя из этих данных, логичнее всего сделать вывод, что монетный двор, выпустивший монеты RRC 490, 497, 518, 523, 529, 534, 537–538, действительно перемещался с Октавианом, как и пишет М. Кроуфорд. В 40–39 г. до н. э. он находился в Италии, но в конце 39 г. до н. э. отправился вместе с молодым Цезарем в Галлию – и там был оставлен в распоряжение Агриппы, наместника провинции. Когда в конце 38 г. до н. э. или начале 37 г. до н. э. (о датировке см. выше) Агриппа был отозван из Галлии в Италию, монетный двор вернулся туда вместе с ним и вновь поступил под контроль Октавиана.

¹⁷⁴ Таривердиева С. Э. Военно-политическая деятельность Агриппы во время галльского наместничества 40–38 гг. до н. э. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 8 (16). Абз. 13–16.

¹⁷⁵ Sear D. *Op. cit.* P. 186–187. Д. Сир отмечает, что некоторые из этих монет Октавиана (RRC 529/4), с Конкордией на аверсе и рукопожатием на реверсе, являются квинариями, а эта деноминация, по мнению исследователя, традиционно ассоциировалась с Галлией.

О том, кто именно отвечал за выбор изображений на монетах, существуют различные мнения¹⁷⁶. Однако наиболее убедительным и соответствующим рассматриваемому случаю представляется мнение К. Сазерленда¹⁷⁷. Исследователь обращает внимание на то, что именно в случае провинциальной чеканки ввиду отсутствия там особых монетных триумвиров (как в Риме), следует искать человека, обладавшего в соответствующем регионе высшей военной или гражданской властью. И таким человеком К. Сазерленд считает самого наместника, который мог вмешиваться в процесс либо лично, либо через помощников. Следует, правда, отметить, что К. Сазерленд пишет уже об эпохе правления Августа, не о периоде гражданских войн. Но данное соображение представляется применимым и к галльской чеканке Агриппы. Ясно, что эти монеты, выпущенные в разгар гражданской войны и с легендами, так ясно прославляющими Цезаря и его фактического наследника, чеканились не по постановлению сената¹⁷⁸. Существует, однако, возможность, что в принятии решений об изображениях на данном выпуске принял более непосредственное участие и Октавиан. В нумизматических каталогах данные монеты датируются 38 г. до н. э. (RRC 534; BMCRR (Gaul), № 100–102; Sear D. Op. cit. №305–307) на основании легенды на реверсе, где Агриппа назван избранным консулом, каковым он стал после Мизенского мира (Cass. Dio XLVIII. 35.1). Однако, учитывая, что Мизенский мир был заключен летом 39

¹⁷⁶ См. библиографию вопроса: Levick B. Op. cit. P. 107, n. 13; 190; Соломатин М.Д. [Рец. на кн.:] М. Г. Абрамзон. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи // ВДИ. 1997. №3. С. 179, прим. 13.

¹⁷⁷ Sutherland C.H.V. Compliment or Complement? Dr Levick on Imperial Coin Types // Numismatic Chronicle. 1986. Vol. 146. P. 87–89.

¹⁷⁸ Такие выпуски (во времена гражданских войн) авторы даже называют «illegal», см: Burnett A.M. The Authority to Coin in the Late Republic and Early Empire // The Numismatic Chronicle. 1977. Vol. 137. P. 57; Crawford M. Roman Republican Coinage... P. 604.

г. до н. э.¹⁷⁹, можно с натяжкой допустить и датировку выпуска последними месяцами 39 г. до н. э. Сразу после заключения этого мира в Галлию поехал Октавиан (Арр. ВС. V. 75), однако уже в октябре 39 г. до н. э. он находился в Риме, где заключил с Ливией брак¹⁸⁰. Как уже говорилось выше, вероятно, во время этой поездки Октавиан передал свой передвижной монетный двор в распоряжение Агриппы. Ввиду недостаточности данных не представляется возможным точно понять, кто именно определил изображения и легенды этого выпуска, однако даже если окончательное решение принял Октавиан за те несколько недель, которые пробыл в Галлии (что представляется маловероятным), реализация поставленной задачи ложилась на плечи Марка Агриппы. Конечно, некий общий идеологический посыл, перечень персоналий, которых необходимо изобразить на монетах, скорее всего, определял Октавиан, на что указывает, например, бронзовая итальянская чеканка этого же года, на которой также изображаются и прославляются старший Цезарь и его приемный сын и к которой Агриппа, судя по всему, никакого отношения не имел (RRC 535/1, 535/2 см. Илл. 4–5)¹⁸¹.

¹⁷⁹ Мизенский мир был заключен в августе, вероятнее, во второй его половине: Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*. L., 1982. P. 70–71.

¹⁸⁰ См. подробнее: Любимова О.В. Женитьба Октавиана на Ливии: выгоды или риски? // ВДИ. 2016. №1. С. 85–197.

¹⁸¹ Возможно, монета RRC 535/1 может служить некоторым аналогом совместного портрета Октавиана и Цезаря на монете 534/2 в галльской чеканке, но все же на бронзовой монете Цезарь и его приемный сын помещены на разные стороны монеты, в галльском выпуске – оба на аверсе. Также подробнее о таких совместных портретах и их интерпретации см. ниже.

Илл. 4 – RRC 535/1

Фотография принадлежит: Ira & Larry Goldberg Coins & Collectibles, Inc. (с).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

Илл. 5 – RRC 535/2¹⁸²

Фотография принадлежит: Numismatik Lanz München (с). Воспроизводится с разрешения правообладателя.

Но этот же выпуск, как представляется, свидетельствует и о том, что не было единого централизованного решения, как именно располагать портреты, какие конкретно изображения нужных персоналий выбрать, какие указать легенды, как оформить реверс, различается даже символика, сопровождающая портреты (на бронзовых монетах италийской чеканки звезда присутствует на портрете Октавиана, а не Цезаря). Вероятно, детальная разработка изображений и легенд принадлежит Марку Агриппе.

¹⁸² Возможно, тип этой бронзовой монеты восходит к монете 481/1, выпущенной в Риме в 44 г. до н. э.

Теперь обратимся к тщательно изученному вопросу о титулатуре Октавиана на этом выпуске. Следует сразу отметить, что преимущественно интерес исследователей привлекает легенда на аверсе аурея (IMP · DIVI · IVLI · F · TER · III · VIR · R · P · C). Сегодня все исследователи согласны в том, что слово TER на легенде аверса аурея может относиться только к слову IMP, то есть, к императорской аккламации Октавиана¹⁸³.

Примечательно, что именно на этой серии постепенно меняется именование Октавиана. До того он звался на галльских монетах «Гай Цезарь» или «Цезарь». На монетах серии RRC 529 он назван CAESAR · IMP, но в этом случае слово IMP несомненно является титулом, тем более, что на этих же монетах аналогично поименован и Марк Антоний: ANTON · IMP или ANTONIVS · IMP (см. Илл. 6):

¹⁸³ Иное мнение высказывает только Э. Бабелон, который считает, что слово TER относится к словам III · VIR · R · P · C, то есть, к возобновлению триумвирских полномочий Октавиана: Babelon E. *Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine*. P.; L., 1885. Т. II. P. 56–57, 555–556. Поскольку триумвират никогда не возобновлялся в третий раз, эта версия не получила признания в литературе. По вопросу о том, за что именно Октавиан получил эту третью аккламацию, существуют различные мнения. Следующие исследователи считают, что за победы Агриппы над аквитанами: Grueber H. A. *Op. cit.* P. 412; McFayden D. *Op. cit.* P. 34–35; Syme R. *Imperator Caesar...* P. 185–186; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 77–80; Sear D. *Op. cit.* P. 188. Однако Л. Шумахер датирует третью аккламацию 40 г: Schumacher L. *Die imperatorischen Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus* // *Historia*. 1985. Bd. 34. Hbd. 2. S. 194–208; Simpson C. J. *Imp. Caesar Divi filius. His Second Imperial Acclamation and the Evolution of an Allegedly Exorbitant Name* // *Athenaeum*. 1998. №86. Vol. 2. P. 422, n. 20. Эта проблема требует отдельного тщательного анализа, выходящего за рамки тематики настоящего исследования.

Илл. 6 – RRC 529/1

Фотография принадлежит:

Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 86, lot 29 (c).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

Но на выпуске Агриппы присутствуют три иных варианта: «Император сын Божественного» (534/1), «Сын Божественного» (534/2) и «Император Цезарь сын Божественного Юлия» (534/3). Любопытно, что, по всей видимости, монеты этого выпуска демонстрируют развитие именования Октавиана. На аурее слово «Император» *уже* не является просто титулом, но *еще* не является частью имени, то есть, представляет собой некий переходный вариант, на что указывает странное расположение слова TER(TIUM), которое стоит не сразу после титула «император», а после слов «Divi filius» (сын Божественного). Вариант имени, использованного на денарии «Император Цезарь сын Божественного Юлия» после этого использовался на монетах вплоть до 27 г. до н. э., когда младший Цезарь получил имя Августа¹⁸⁴.

Р. Сайм отмечает, что столь явное расположение слова «Император» в позиции преномена призвано показать всем, что такой преномен берет начало в императорской аккламации¹⁸⁵. Он доказывает также, что само слово

¹⁸⁴ Grueber H. A. Op. cit. P. 411.

¹⁸⁵ Syme R. Imperator Caesar... P. 185–186.

«император» имело более широкое значение, это наименование было более престижным чем, например, слово «проконсул», то есть, такой преномен Октавиана представлял его в первую очередь как военного лидера¹⁸⁶. Ж.-М. Роддаз связывает титулатуру IMP на монетах Агриппы с конкретными военно-политическими обстоятельствами, а именно, с необходимостью вновь повысить престиж Октавиана после поражений, которые последний понес от Секста Помпея, а также с попытками представить титул «Император» символом победы и сделать его исключительной прерогативой главы их партии¹⁸⁷.

Данные выводы представляются вполне обоснованными и не вызывают возражений, однако на дискуссии о возможном прецеденте для этого именования Октавиана следует остановиться подробнее. На первый взгляд, такой прецедент можно найти у Диона Кассия, который сообщает о предоставлении старшему Цезарю имени «Император» не в обычном смысле аккламации, а именно как постоянного имени (XLIII.44.2; LII.41.3), а также у Светония (Div. Iul. 76), который пишет, что Цезарю был предоставлен преномен «Император». Однако Р. Сайм пишет, что поскольку больше ни один античный автор не знает о таком нововведении, и нет ни единой монеты или надписи с именовани^{ем} диктатора Цезаря «Император Цезарь», сведения Светония и Диона Кассия вызывают сомнения. Кроме того, исследователь указывает на анахронизмы и ошибки, допущенные Дионом Кассием при перечислении почестей, предоставленных старшему Цезарю, и таким образом приходит к выводу, что для преномена «Император» не было цезарианского прецедента¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Ibid. P. 176–177.

¹⁸⁷ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 77–80.

¹⁸⁸ Syme R. Imperator Caesar... P. 176–177.

Р. Сайму возразил С. Вайншток¹⁸⁹. С. Вайншток сам признает, что для Цезаря такого случая, где слово «Император» ясно стоит на месте преномена, как у Октавиана, нет, и аналогию можно найти, только если принять, что в нескольких надписях, где сказано «Император Гай Юлий, сын Гая, Цезарь» преномен «Гай» сохранен по ошибке. В единственной надписи, которая могла бы свидетельствовать в пользу его концепции, CIL VI 2298: «...feriae quod hoc die Imp(erator) Caesar Hispaniam citeriorem vicit...» по мнению самого же С. Вайнштока перепутаны Цезарь с Августом, поскольку в других календарях запись имеет вид «С. Caesar» или «Caesar»¹⁹⁰. В целом аргументация С. Вайнштока в пользу подлинности сообщений Светония и Диона Кассия сводится к тому, что использование такого преномена хорошо вписывается в общую политику Цезаря по основанию монархии – так, как конструирует эту политику сам исследователь. Таким образом, аргументация С. Вайнштока по данному вопросу закольцована.

Но для того, чтобы понять, действительно ли имелся цезарианский прецедент, следует искать не абсолютно точное совпадение с тем, что сделал впоследствии Октавиан, как поступают и Р. Сайм и С. Вайншток, а нечто более или менее схожее. Именно этим путем идет К. Крафт, который доказывает, в том числе и при помощи нумизматических примеров, что у Цезаря слово «Император» также стало частью имени, пусть и не той же самой, что впоследствии у Октавиана¹⁹¹.

¹⁸⁹ См. подробно его аргументы: Weinstock S. *Divus Julius*. Oxf., 1971. P. 106–111.

¹⁹⁰ Ibid. P. 106, n. 4.

¹⁹¹ Kraft K. *Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyranen»*. Darmstadt, 1969. S. 64–71. Примеры именованя старшего Цезаря Императором в этом смысле: IMT 1541, RRC 480/3, 480/4, 480/5a, 480/5b (см. Илл. 8), 480/17. О том, что перечисленные монеты выпущены в период между выпусками с надписями DICT · QVART и DICT · (IN) PERPETVO, то есть, после триумфа Цезаря, когда он уже не мог именоваться императором в республиканском значении слова, см: Crawford M. *Roman Republican Coinage...* P. 492.

Развивая мысль К. Крафта, можно отметить, что оба автора (Светоний и Дион Кассий) сообщают о том, что Цезарь принял имя «Император» (Светоний даже говорит именно о преномене) (Suet. Div. Iul. 76¹⁹²; Cass. Dio XLIII. 44.2¹⁹³), но ни один из них не пишет, что Цезарь принял один преномен *вместо* другого и отказался от своего имени «Гай». И, по меньшей мере, в одной надписи (IMT 1541)¹⁹⁴ слово «Император» действительно стоит фактически на месте еще одного преномена Цезаря, непосредственно перед преноменом «Гай». Таким образом, представляется, что с выводом К. Крафта о наличии преемственности имени «Император» между Цезарем и Октавианом следует согласиться. Можно также добавить, что, насколько мне известно, до Цезаря не известны другие случаи использования двойного преномена, во всяком случае, формального¹⁹⁵. Таким образом, «Император», стоящий у старшего Цезаря перед его преноменом «Гай» тоже является неким переходным вариантом между титулом и именем, как и в случае с ауреом его приемного сына (см. выше)¹⁹⁶.

¹⁹² Non enim honores modo nimios receipt... insuper praenomen Imperatoris.

¹⁹³ Τό τε τοῦ αὐτοκράτορος ὄνομα... ἀλλὰ καθάπαξ τοῦτο δὴ τὸ καὶ νῦν τοῖς τὸ κράτος ἀεὶ ἔχουσι δίδόμενον ἐκείνῳ τότε πρῶτον τε καὶ πρῶτον, ὥσπερ τι κύριον, προσέθεσαν.

¹⁹⁴ Утверждение С. Вайнштока об ошибочности надписи CIL VI 2298 представляется несколько спорным, но в целях наиболее строгого отбора доказательств, исключим ее из рассмотрения.

¹⁹⁵ Случай с Марком Брутом, которого официально звали Квинт Цепион Брут в данном случае не совсем подходит, поскольку официально Брут называл себя либо одним преноменом (см. напр. RRC 502/1 (43–42 гг. до н. э.)), либо другим (напр. RRC 506/1 (43–42 гг. до н. э.)), но никогда – вместе.

¹⁹⁶ См. подробнее об именовании как старшего Цезаря, так и его приемного сына (в период триумvirата) в латинских и греческих нарративных источниках: Rubincam C. The Nomenclature of Julius Caesar and the Later Augustus in the Triumviral Period // Historia. 1992. Bd. 41. P. 88–103. Также по этому вопросу см. статью: Simpson C. J. Imp. Caesar... P. 419–437.

Следует отдельно отметить мнение К. Симпсона, который, как и С. Вайншток, считает, что в случае старшего Цезаря преномен «Император» все-таки вытеснил его преномен «Гай», хотя не приводит этому никаких дополнительных эпиграфических и нумизматических доказательств. Далее он убедительно показывает, что после обожествления Цезаря роль его преномена в именах его потомков стал играть эпитет *Divus*, и выдвигает гипотезу, что в связи с обожествлением Цезаря ранее предоставленный ему преномен *Imperator* был заменен преноменом *Divus*¹⁹⁷. Примечательно, что К. Симпсон приводит примеры надписей, где уже умерший Цезарь, как предок Октавиана упоминается с двумя преноменами (*Caius* и *Divus*). Как представляется, эти примеры могут подтверждать, что если после смерти Цезаря преномен *Divus* занял место преномена *Imperator*, то преномен *Imperator* при жизни Цезаря мог находиться на том же положении – дополнительного преномена, но не заменителя преномена «Гай»¹⁹⁸.

К. Крафт делает интересное наблюдение, что с 38 г. до н. э. в пропаганде Октавиана используется преномен (а не титул с указанием номера аккламации или без такового) *IMP*, а Секст Помпей и Марк Антоний этого не делают. Причину этого историк видит в том, о чем сообщает Дион Кассий (XLIII.44.2) – имя «Император» после старшего Цезаря должно было перейти к его потомкам. То есть, Октавиан единственный, кто имел на это формальное право. Также К. Крафт отмечает, что поскольку и использование слов *DIVI IVLI F* тоже начинается в этот же период, то оба лозунга – и *IMP* и *DIVI IVLI F* лежали наготове после смерти и обожествления Цезаря соответственно, но Октавиан раньше вынужден был оглядываться на Антония и поэтому не мог их использовать, однако с 38 г. до н. э. перестал

¹⁹⁷ Как показал С. Вайншток, обожествление смертного требовало изменения его имени: Weinstock S. Op. cit. P. 391–392.

¹⁹⁸ Simpson C. J. *Imp. Caesar...* P. 427–429. В частности, он цитирует часть Триумфальных Фаст: *Imp. Caesar Divi f. C. f. (...)*.

учитывать его мнение¹⁹⁹. Нумизматические свидетельства подтверждают, что в этот период Антоний и Октавиан постоянно соперничали «титулами».²⁰⁰

Таким образом, версия, предложенная К. Крафтом, представляется наиболее убедительной, поскольку она подтверждается эпиграфическими, нумизматическими свидетельствами, не требует отрицания сведений Светония и Диона Кассия и вполне встраивается в политический контекст событий того времени. Следовательно, идея об использовании титула «Император» как части имени принадлежит не Агриппе, как предполагает Д. Мак-Файден²⁰¹, не Октавиану, как считает ряд других исследователей²⁰², а старшему Цезарю. Октавиан лишь немного видоизменил и упрочил то, что начал делать его приемный отец.

Однако один из пунктов теории К. Крафта является уязвимым. Исследователь пишет, что с 38 г. до н. э. Октавиан перестал учитывать мнение Марка Антония и именно поэтому появилась данная титулатура. Но почему именно в 38 г. до н. э. Октавиан перестал оглядываться на Марка Антония и опасаться его недовольства? К. Крафт не даёт ответа на этот вопрос. К. Симпсон, высказывая сходное мнение, аргументирует его подробнее, хотя речь идет и о более раннем периоде²⁰³. Исследователь справедливо указывает, что в конце 40-х гг. до н. э. у Октавиана было слишком мало военных побед и престижа, чтобы с уверенностью взять имя «Император». К. Симпсон, как представляется, прав, что в этом случае не только Марк Антоний (который, к тому же занимал в то время ведущую роль), но даже солдаты могли счесть это чрезмерным. Также он пишет, что

¹⁹⁹ Kraft K. Op. cit. S. 69–70.

²⁰⁰ RRC 527–529.

²⁰¹ McFayden D. Op. cit. P. 34–35.

²⁰² Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 26, n. 31; Kraft K. Op. cit. S. 70; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 77–80.

²⁰³ Simpson C. J. Imp. Caesar... P. 422, 424.

уже после второй императорской аккламации, когда императором Октавиана провозгласило войско Луция Антония, его противника в гражданской войне (что было беспрецедентным случаем), а также после отъезда Марка Антония из Италии, младший Цезарь мог спокойно взять это имя, не опасаясь ни недовольства более влиятельного Марка Антония, ни недоумения солдат.

Следует, однако, учесть и еще один немаловажный фактор. Зимой 39/38 гг. до н. э. быстро обострились отношения Октавиана с Секстом Помпеем (Cass. Dio XLVIII. 45. 4–10 - 46; App. BC. V. 77–80) и едва ли младший Цезарь был заинтересован в том, чтобы именно в это время раздражать Марка Антония (даже отсутствовавшего), который в результате таких действий вполне мог окончательно принять сторону Секста Помпея. Как представляется, более вероятной причиной появления этой легенды на выпуске Агриппы в 38 г. до н. э. стала сама война с Секстом Помпеем, которая начиналась и происходила в весьма неблагоприятных для Октавиана условиях, поэтому заявка на более высокий военный престиж младшего Цезаря была нелишней²⁰⁴. Ж.-М. Роддаз высказывает сходное предположение о причинах появления этой легенды. Историк считает, что и преномен «Император» и слова «Сын Божественного» на монетах Агриппы являются неким ответом на чеканку Секста Помпея, где тот ставит слово «Магн» перед своим именем и именуется «Pius», т. е. «Благочестивый»²⁰⁵ (см. Илл. 7):

²⁰⁴ Более подробно о предвоенной обстановке этого периода см.: Любимова О.В. Указ. соч. С. 85–197.

²⁰⁵ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 77–80. П. Вальман также высказывает мнение, что слово «Император» на обсуждаемом выпуске используется как заявка на восстановление военного престижа, который Октавиан утратил в связи с поражениями, понесенными от Секста Помпея: Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.)*. Frankfurt am Main; N.Y., 1989. S. 174–175. Это возможно, однако нет оснований с уверенностью утверждать, что все эти

Илл. 7. – RRC 511/1

Фотография принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 62, lot 2006 (c).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

Изображение Октавиана с бородкой, то есть, в трауре²⁰⁶, можно рассматривать как аналогию этого «Pius». Престиж наследника Цезаря требовалось укрепить, и именование «Император», одновременно имевшее

монеты были отчеканены только после поражений флота Октавиана в 38 г. до н. э., а не в первые же месяцы этого года.

²⁰⁶ Assenmaker P. Guerre civile et guerre des images. La mise en scène de la légitimité politique sur les monnaies // Archéothéma. 2014. Т. 33. Р. 34. Дж. Поллини считает, что борода Октавиана здесь символизирует не траур по погибшему Цезарю, а мщение за него, так как это «военная борода» (military beard): Pollini J. From Republic to Empire. Rhetoric, Religion and Power in the Visual Culture of Ancient Rome. Oklahoma, 2012. Р. 168. Автор делает этот вывод на основании иконографических различий между траурной бородой и бородами, например, Марса и Диомеда. Не обладая необходимой компетенцией в искусствоведении, я не могу вдаваться в эту дискуссию, однако возникает вопрос, на который Дж. Поллини не дает ответа: способны ли были адресаты монетного выпуска (которыми преимущественно были легионеры) идентифицировать бородку Октавиана именно как военную и отличить ее от траурной? Впрочем, если ответить на этот вопрос положительно, то связь Октавиана с Цезарем и аналогия со словом «Pius» в чеканке Секста Помпея становится даже более явной.

тесную ассоциацию с военными победами, с одной стороны, и со старшим Цезарем, с другой – следует, видимо, понимать именно в этом духе.

Проанализируем и иные особенности выпуска Агриппы, как отмеченные предыдущими исследователями, так и не привлекавшие их внимания. Рассмотрим место старшего Цезаря на монетах этого выпуска и сопоставим его с другими монетами, чеканившимися Октавианом или его сторонниками в интервале с 43 по 31 гг. до н. э. Во-первых, больше нет монет, на аверсе или реверсе которых были бы изображены вместе старший Цезарь и его приемный сын²⁰⁷. Во-вторых, когда в выпусках присутствовало изображение Цезаря, то оно чеканилось только на денариях, даже если в выпуске были и ауреи, то есть, на монетах меньшего достоинства²⁰⁸. В чеканке Агриппы дело обстоит наоборот – Цезарь чеканится на более высоком номинале, чем Октавиан.

Теперь обратимся к вопросу об изображении звезды на аверсе аурея Агриппы. Изображение звезды вообще и вместе с портретом Цезаря в частности на этой монете является далеко не первым²⁰⁹. Р. Гурвал и Н. Панди указали на то, что подобная звезда еще до Цезаря часто изображалась на монетах и сначала символизировала близнецов – Кастора и Поллукса, а затем и иных богов римского пантеона²¹⁰. То есть звезда символизировала либо

²⁰⁷ Ср. монеты вышеуказанных лет, чеканившиеся сторонниками Октавиана, на которых имеется изображение старшего Цезаря: RRC 490, 494/16, 494/24, 494/39a, 525/3, 526/2, 4. Sear D. Op. cit. P. 187.

²⁰⁸ См. особенно показательный в этом смысле выпуск Квинта Вокония Витула: RRC 526/1–4. На ауреях чеканится только изображения Октавиана, на денариях – только старшего Цезаря. См. также прим. 207.

²⁰⁹ См. например, RRC 528/2a, RRC 521/2, 480/5b. Также анализ предыдущих монет с изображением звезды, см: Gurval R.A. Caesar's Comet: The Politics and Poetics of an Augustan Myth // MAAR. 1997. Vol. 42. P. 47–51; Pandey N.B. Caesar's Comet, the Julian Star, and the Invention of Augustus // TAPA. 2013. Vol. 143. P. 418–421.

²¹⁰ Pandey N. B. Op. cit. P. 417; Gurval R. A. Op. cit. P. 45–47.

божественность изображенного на монете персонажа, либо, как в случае с Марком Антонием (RRC 528/2a), его жреческий сан по отношению к конкретному божеству²¹¹. Если рассматривать аверс аурея Агриппы в этом ракурсе, то на первый взгляд, все достаточно понятно: отчеканен портрет обожествленного Цезаря и рядом с его лбом – звезда, символизирующая его нынешнее положение. Но на этом аверсе есть любопытная деталь, - ее отмечают и Р. Гурвал и Н. Панди, но не анализируют подробно, - которая не встречается на предыдущих монетах с одновременным изображением звезды и портрета самого Цезаря: звезда изображена не позади Цезаря, как на выпуске, например, Публия Сепуллия Макра (RRC 480/5b) (см. Илл. 8), а у его лба²¹².

Илл. 8.

Фотография принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG, Auction 63, lot 450 (c).

Воспроизводится с разрешения правообладателя.

²¹¹ Gurval R. A. Op. cit. P. 50. Также подробнее об изображении звезд на монетах, на других объектах, в эпоху Августа и позднее, см.: Pollini J. Op. cit. P. 412–455.

²¹² Любопытно и то, что на изображениях других богов звезда располагается либо за персонажем, либо под ним, либо даже в прическе, но никогда – у лба. Ср. краткую подборку изображений богов со звездами: Gurval R. A. Op. cit. P. 47.

Источники сообщают нам, что после того, как появившаяся на небе в 44 г. до н. э. комета была интерпретирована как знак божественности Цезаря²¹³, Октавиан поставил статую Цезаря со звездой надо лбом²¹⁴ (Cass. Dio XLV. 7. 1; Plin. HN. II. 23). Вероятно, именно в этом причина такого необычного расположения звезды на аурее Агриппы – теперь она не просто символизировала обожествление Цезаря, но изображение в целом вызывало в памяти ту статую, которую поставил в честь своего приемного отца Октавиан. Тем самым, изображение на аверсе этого аурея напоминало уже не только о самом Божественном Юлии, но и о его приемном сыне. Если это изображение ассоциировалось со статуей, то оно проводило ту же идею – связь между Божественным Юлием и Октавианом.

С портретом Цезаря на аверсе аурея Агриппы связано еще несколько проблем: во-первых, изображенный человек довольно молод, во-вторых, легенда на аверсе относится не к старшему Цезарю, а к Октавиану. На этом основании некоторые исследователи высказали мнение, что на аурее Агриппы изображен не Цезарь, а сам Октавиан²¹⁵. Недавно эту точку зрения ещё раз аргументировал Д. Бидерман, который, помимо вышеуказанных соображений, обращает внимание на траурную бородку изображённого и задаётся вопросом: зачем Цезаря надо было изображать в трауре?²¹⁶ Однако

²¹³ Как представляется, в статье Н. Панди достаточно убедительно доказано, что влияние Октавиана на подобную интерпретацию было не слишком значительным: Pandey N. В. Op. cit. P. 412–415.

²¹⁴ Где именно стояла статуя, вопрос спорный, либо на форуме (Плиний), правда, неясно, на каком именно, либо в храме Венеры Прародительницы на Форуме Цезаря (Дион Кассий): Ibid. P. 429, n. 64. В любом случае, статуя, судя по всему, была доступна для взора современников, если сведения о ней дошли до столь поздних авторов.

²¹⁵ McFayden D. Op. cit. P. 34. Р. Гурвал также допускает, что на аурее изображен Октавиан: Gurval R. A. Op. cit. P. 51–53.

²¹⁶ Biederman D. Ein verkanntes Portrait Octavians // H.-H. Nieswandt u. a. (Hrsg.), «Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!». Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag I

если согласиться с гипотезой Д. Бидермана и признать, что на аурее Агриппы изображен Октавиан, то количество проблем удваивается:

1. Почему звезда расположена столь необычно — возле лба? Такие прецеденты можно найти только на монетах эллинистических правителей²¹⁷. Таким образом, если положение звезды указывает не на статую Божественного Цезаря, как предполагалось выше, то приходится сделать вывод, что Агриппа в 38 г. до н. э. чеканил Октавиана с атрибутами эллинистических царей. Это представляется невероятным.

2. Лавровый венок Октавиана всегда изображается с лентами. Но человек, представленный на аурее Агриппы, носит венок необычной формы, без лент, который характерен именно для портретов Цезаря²¹⁸.

При таких исходных данных, можно предложить лишь два приемлемых варианта идентификации: либо это Цезарь, борода которого была задумана не как траурная, а как военная (ср. выше, прим. 206), либо это нечто вроде совмещенного портрета, призванного подчеркнуть преемственность между Октавианом и его приемным отцом. Последний вариант мне представляется

Marsberg/Padberg 2016. S. 1–12. Пользуясь случаем, хотелось бы высказать искреннюю благодарность автору за предоставленный экземпляр вышеуказанной статьи, а также за длительную, интересную и содержательную дискуссию в переписке.

²¹⁷ См. об этом подробнее: Biedermann D. Sterne in der Münzprägung der Römischen Republik. Zur Mehrdeutigkeit eines Symbols // *Nomismata*. 2014. № 8. S. 147. Anm 16. Д. Бидерман акцентирует внимание на том, что звезда у лба на монетах эллинистических правителей указывает не на абстрактную божественность, а на самих эллинистических царей, как на «видимых богов» (*theoi horatoi*). Но если на монете изображен Октавиан (как считает Д. Бидерман), то звезда у лба выглядит еще невероятнее — выходит, что Октавиан в 38 г. до н. э. сознательно велел (или позволил) изобразить себя как «видимого бога». Никакого дополнительного объяснения по этому поводу Д. Бидерман не приводит, но считает, что на этом аурее звезда символизирует Венеру и/или род Юлиев и оставляет в стороне уникальность расположения звезды на этой монете.

²¹⁸ Babelon E. *Op. cit.* P. 555; Kraft K. *Op. cit.* P. 77–78; Sear D. *Op. cit.* P. 188.

маловероятным ввиду отсутствия прецедентов, но исключать его нельзя. Кстати, необычное сочетание легенды и портрета на аверсе, как представляется, преследует ту же цель, что и звезда надо лбом: объединить Октавиана и его обожествленного отца, показать их вместе, подчеркнуть имеющуюся между ними связь и преемственность. В качестве аналогии можно привести монету Секста Помпея с таким же соотношением легенды и изображений на реверсе: RRC 511/1 (см. Илл. 7), легенда относится к самому Сексту, а изображены там лицом друг к другу его отец и старший брат. Однако идентифицировать портрет на аурее Агриппы с Октавианом, как предлагает Д. Бидерман, возможным не представляется. В своих рассуждениях, как приведённых выше, так и последующих, я исхожу все-таки из теории, представляющейся мне более вероятной, о том, что на аурее изображён Цезарь.

Интересно сравнить портреты Цезаря на аверсе аурея Агриппы и на аверсе его же денария, где Цезарь изображен вместе с приемным сыном (см. Табл. 1).

Аурей (RRC 534/1)	Денарий (RRC 534/2)
	

Таблица 1.

Действительно, заметно, что на золотой монете изображен более молодой человек, хотя и далеко не юноша, на денарии же портрет человека старшего возраста. Достаточно правдоподобное объяснение такому расхождению предложил Э. Бабелон, который объясняет молодость Цезаря на аурее Агриппы его обожествлением²¹⁹. Версию Э. Бабелона можно расширить и дополнить. Учитывая, что обе монеты выпущены в одно и то же время, в одном и том же месте и при одном и том же наместнике, такое расхождение в портретах едва ли может быть случайным. Но зачем Агриппе потребовалось изображать Цезаря таким разным? Как представляется, ответ могут подсказать сопутствующие портрету Цезаря изображения на обоих аверсах. На аурее с Цезарем изображена звезда – атрибут божества. На денарии никаких божественных атрибутов нет, зато есть портрет приемного сына Цезаря - Октавиана (см. Илл. 2). Если на аурее изображен новый бог, омоложенный и со звездой, то на денарии Цезарь выступает в первую очередь не как божество, а как отец Октавиана и его предшественник. На эту же связь указывают и легенды: DIVOS · IVLIVS и DIVI · F без упоминания каких-либо дополнительных имен, титулов и полномочий²²⁰.

²¹⁹ Babelon E. Op. cit. P. 555.

²²⁰ В пользу версии о том, что совместный портрет на одной стороне монеты подчеркивает именно родственные отношения изображенных свидетельствуют монеты примерно этого же периода с совместными портретами Антония и Октавии, см. напр.: HCR I №263 (конец 39 г. до н. э.), 273, 275, 276, 279, 281, 282, 285 (все монеты датируются концом 38 г. до н. э.) или даже Антония, Октавиана и Октавии вместе, см. напр.: HCR I №274, 280, 286, 288 (конец 38 г. до н. э.). Примечательно при этом, что родственники могли изображаться также и на разных сторонах одной и той же монеты (напр: HCR I №268), но подобным образом также могли изображаться, например, коллеги: Марк Антоний и Лепид: RRC №492 – 43 г. до н. э. или Лепид и Октавиан: RRC №495 – 42 г. до н. э. На совместных же портретах в эти годы изображены только родственники, то есть, на выпуске Агриппы (на денарии RRC 534/2) родство Цезаря с Октавианом подчеркнуто сильнее, чем на бронзовой итальянской чеканке этого же периода (RRC 535/1–2). См. также выше о монете Секста

Что касается портретов Октавиана на аверсах денариев этого выпуска, то следует отметить одну их особенность: в обоих случаях Октавиан изображен с бородкой, которая символизирует траур по Цезарю. Примечателен тот факт, что к моменту этой чеканки Октавиан бородку уже сбрил (Cass. Dio XLVIII. 34. 3). Возможно, дело в том, что когда в 39 г. до н. э. он посещал Галлию, бородка еще была при нем и именно таким его там запомнили. Но более важным представляется то, что бородка является еще одним звеном в цепи графических и текстовых символов выпуска Агриппы, которые подчеркивают связь Октавиана с его приемным отцом.

Таким образом, место Цезаря в чеканке Агриппы, его портреты и атрибуты заставляют прийти к следующему выводу – целью этого выпуска было как можно сильнее и ярче подчеркнуть связь Октавиана с Цезарем, преемственность его положения, родство с покорителем Галлии, причем здесь эти идеи выражены, пожалуй, более ярко и отчетливо, чем в предыдущей чеканке от имени Октавиана.

Здесь следует отметить особое мнение Э. Рэмэджа, которое не пользуется особой поддержкой в историографии: по его мнению, изображения на одной монете Цезаря и Октавиана, причем первого в золотом венке, а второго – с непокрытой головой (RRC 534/2 и RRC 535/1 соответственно) подчеркивали контраст между двумя правителями – один с символом царской власти (золотым венком), второй – без подобных претензий, – или даже контраст между изображенными как между божеством и человеком²²¹. Младший Цезарь действительно никогда не изображался в таком золотом венке, как его приемный отец²²², однако заключение Э. Рэмэджа все же представляется необоснованным. Со стороны Агриппы было

Помпея, где на реверсе также изображены портреты Гнея Помпея Магна и его старшего сына лицом друг к другу: RRC 511/1.

²²¹ Ramage E. Augustus's Treatment of Julius Caesar // *Historia*. Vol 34. 2. 1985. P. 236–237.

²²² Kraft K. *Op. cit.* S. 91.

бы довольно непоследовательно чеканить на монетах, посвящённых Октавиану (о чём ясно свидетельствуют легенды и изображения)²²³, портрет того человека, которого он желал бы в негативном смысле противопоставить будущему принцепсу. Еще более странным это выглядит с учетом того, что в период гражданских войн Октавиан достаточно сильно подчеркивал свою преемственность с Цезарем. Одновременно на одном монетном выпуске выставить приемного отца Октавиана как негативный пример (поскольку, по мнению Рэмэджа, обожествление Цезаря воспринималось римлянами отрицательно), его самого — как позитивный, и тут же при помощи легенд подчеркивать их связь и родство, — это весьма противоречивая идея, которая едва ли могла быть корректно понята адресатами.

Далее, определенный интерес вызывает и необычный реверс этого выпуска. На нем отсутствуют изображения, только легенда «M · AGRIPPA · COS DESIG», причем надпись выполнена без каких-либо графических изысков²²⁴. С мнением Р. Сайма о том, что уже в это время пропуск Агриппой собственного номена был частью некоей политики и даже был задуман как параллель имени «Император Цезарь»²²⁵ согласиться сложно. Свой номен на монетах пропускали в это время далеко не только младший Цезарь и его друг, причем такие легенды встречаются задолго до эпохи второго триумvirата²²⁶. Мы не можем с уверенностью утверждать, по какой причине и с какой именно целью в данном случае Марк Агриппа опустил свой номен, но едва ли в самом этом факте следует искать глубокий скрытый

²²³ Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 68.

²²⁴ Ср. например, с монетой Гая Коссунция Маридиана, на реверсе которого тоже только легенда, без изображений, но она имеет необычное графическое расположение: RRC 480/19.

²²⁵ Syme R. *Imperator Caesar*... P. 185–186.

²²⁶ См. например: RRC 446/1 (Гней Пизон); RRC 506/1 (Марк Брут); RRC 507 (Луций Каска).

смысл, так как это было обычной практикой даже у людей знатных, у которых не было причин стесняться своего номена (см. прим. 226). В любом случае, учитывая множество аналогичных примеров этого же периода, вряд ли этот жест мог иметь какой-либо пропагандистский эффект – никто из адресатов просто не увидел бы ничего особенного в таком наименовании и, тем более, не провел бы аналогию между именами «Марк Агриппа» и «Император Цезарь», так как, в отличие от очень распространенного преномена Марк, преномен Император был в то время довольно необычен. Не следует полностью исключать возможность того, что именно эта чеканка Агриппы положила начало его позиции, согласно которой полководец и в дальнейшем пропускал свой номен почти всегда. Но даже если и так, то адресаты пропаганды этого монетного выпуска едва ли обратили бы на это внимание.

Но любопытно, что при таких богатых изображениях и легендами аверсах каждой из монет, реверс на них совершенно иной. В виде простой надписи указано лишь имя магистрата и его должность. Следует отметить, что за несколько предшествующих рассматриваемому выпуску лет отсутствуют монеты с настолько простым реверсом²²⁷. Вряд ли это художественное решение могло быть направлено на прославление самого Агриппы – по сравнению с другими выпусками такой реверс выглядел невзрачно. Прославление рода Випсаниев также исключено – этот номен на монете даже не назван, не говоря уже о каких-либо ассоциативных изображениях²²⁸. Едва ли невзрачность реверсов случайна. При настолько

²²⁷ Монеты с аналогично простым реверсом были выпущены М. Силаном, но значительно позже, в 33 г. до н. э.: RRC 542/1, 542/2.

²²⁸ См. такие ассоциативные изображения незнатных родов, например: RRC 472/1–3, 45 г. до н. э., монетарий Луций Папий Цельс и RRC 480/2, 23, 28, 44 г. до н. э., монетарий Марк Меттий, изображения прославляют ланувийское происхождение монетариев; RRC 486/1, 43 г. до н. э. монетарий Публий Акколей Ларискол, изображения связаны с арицийским

продуманных аверсах, на которых некоторые изображения и легенды вообще появляются впервые, такое невнимание к реверсам было бы крайне странным. Более вероятным представляется, что простота реверса была намеренной и своей целью имела как раз подчеркнуть аверсы каждой из монет²²⁹. Сам по себе реверс не привлекает особого внимания, которое в результате вынужденно сосредоточится на аверсе, но при этом реверс содержит важную с идеологической точки зрения информацию – должность Агриппы. Тем самым реверс повышает значимость изображений и легенд на аверсах, заставляет относиться к ним внимательнее, чем к другим – эти монеты чеканит не просто очередной монетный триумвир, но избранный консул.

Рассмотрев изображения и легенды на монетах Агриппы, обратимся к последнему вопросу, который имеет важное значение для понимания идеологического посыла этого выпуска. Если на этих монетах были изображения, несущие некоторую пропагандистскую идею, то кому она была адресована? Кто должен был увидеть и интерпретировать эти изображения так, как было нужно Октавиану?

Судя по месту и времени чеканки, данный выпуск был военным и предназначался для выплат воинам, служившим в галльских легионах Октавиана под командованием Агриппы. Следует заметить, что и изображения, и легенды на монетах этого выпуска достаточно просты и понятны, они не содержат сложных многоступенчатых намеков, не

происхождением монетария; RRC 487/1, 43 г. до н. э. монетарий Петиллий Капитолин, изображения связаны с прославлением когномена. Также подробнее о прославлении своих родов как патрициями, так и плебеями не только при помощи монет, но и иных средств, см.: Wiseman T.P. *Legendary Genealogies in Late-Republican Rome* // *Greece & Rome*. 1974. Vol. 21, № 2. P. 153–164.

²²⁹ Аналогичное мнение вскользь высказывает и П. Вальман: Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae...* S. 174.

обращены к образам далекого прошлого, малоизвестным мифам и легендам. Весь выпуск так или иначе посвящен Цезарю с Октавианом и их родству. Конечно, имя Цезаря в борьбе за власть в этот период было достаточно значимым, но, как уже было показано выше, на этом выпуске старшему Цезарю уделяется больше внимания, чем прежде: половина выпуска принадлежит ему, причем его портрет чеканится на монете большего достоинства, чем портрет Октавиана. Также на монетах этой серии постоянно подчеркивается преемственность между Цезарем и его приемным сыном: этому служат такие средства, как необычное сочетание изображения и легенды на аверсе аурея, портреты Октавиана и Цезаря на одном аверсе лицом друг к другу, траурная борода Октавиана, легенда *DIVI F.* Изображение *sidus Iulium* у лба Цезаря не только символизирует обожествление покорителя Галлии, но и напоминает о той статуе, которую Октавиан поставил в память о своем приемном отце. Преномен *IMP*, впервые встречающийся на монетах Октавиана, также является наследием Цезаря. Чем обусловлены все эти особенности?

Как представляется, ответ содержится в политической обстановке, сложившейся на тот момент в Галлии. Марк Агриппа приехал наместником в Галлию после того, как обнаружилось предательство Сальвидиена Руфа и легионы, находившиеся под его командованием Октавиан вынужден был отдать Марку Антонию, поскольку больше не мог им доверять (App. BC. V. 66). Вероятнее всего, в распоряжении Агриппы находилась часть италийских легионов Октавиана, то есть, среди войск с большой вероятностью были именно те люди, которые имели возможность в свое время видеть статую Цезаря со звездой надо лбом в Риме²³⁰. То есть, ситуация в Галлии была, по меньшей мере, нестабильной, на что указывает и восстание аквитанов (судя

²³⁰ См. подробнее о ситуации в Галлии на тот момент и о войсках, которые находились в распоряжении Агриппы: Таривердиева С. Э. Военно-политическая деятельность Агриппы... Абз. 15–17.

по Аппиану, были и другие более мелкие восстания: BC. V. 75), которое пришлось подавлять Агриппе (Eutrop. VII. 5.1; Dio XLVIII. 49; Suet. Aug. 21.1). Такое внимание к старшему Цезарю и его связи с Октавианом на этом выпуске, как представляется, было вызвано именно этими событиями. Чеканка Агриппы была призвана вновь обратить внимание войск на преемственность младшего и старшего Цезарей, напомнить о том, кто покорил Галлию и кто является его законным наследником. Интересно, что если верна гипотеза Д. Сира о том, что осенью 39 г. до н. э., во время посещения Галлии Октавианом, там были отчеканены монеты, прославляющие согласие между ним и Антонием²³¹, то чеканка Агриппы представляет собой новый этап монетной пропаганды в этой провинции. Если в 39 г. до н. э. требовалось сообщить legionерам о том, что между триумвирами царит согласие, то в 38 г. до н. э. их начали убеждать в том, что Октавиана как истинного преемника Цезаря следует предпочесть Антонию.

Таким образом, анализ галльской чеканки Агриппы в 38 г. до н. э. позволяет увидеть в нем не только талантливого военного, но также политика и пропагандиста. Вероятно, идеологическое содержание для галльской чеканки 38 г. до н. э. в общем и целом определял сам Октавиан, Агриппа же занимался более детальной его проработкой, выбором конкретных изображений, их расположения, возможно, даже легенд. То есть, Агриппа занимался практическим воплощением задач, поставленных Октавианом, и именно он облек важные идеологические послы в форму конкретных монетных типов, простых и понятных рядовым legionерам.

В. Соправитель: чеканка 20–13 гг. до н. э.

При рассмотрении вопроса о роли и месте Агриппы в развитии целенаправленной политики Августа в области чеканки в период принципата следует проанализировать монеты, которые одновременно отвечают

²³¹ Sear D. Op. cit. P. 186–187.

следующим признакам: 1) они так или иначе связаны с Марком Агриппой; 2) они отчеканены при жизни Марка Агриппы; 3) их выпуски с наибольшей вероятностью контролировались принцепсом²³². Для выделения монет последней категории используются ориентиры, которые дал в своей работе К. Сазерленд, а именно: сюда относятся золотые и серебряные монеты (за исключением монет зависимых царств вроде Боспора), а также выпуски из более дешёвых металлов, но только в таких объёмах, которые явно предназначались для циркуляции за пределами одного города или даже одной провинции, а значит, чеканились по прямому или косвенному распоряжению императора и являлись проводником той идеологии, которую желал транслировать Август²³³.

Сразу бросается в глаза, что после галльского выпуска 38 г. до н. э., инициатором которого выступал Агриппа в качестве промагистрата, в течение многих лет не осуществлялось никакой централизованной чеканки, на которых Агриппа бы присутствовал хоть в каком-то виде. Есть только провинциальные бронзовые монеты, но очень малое число из них поддаётся датировке. Поэтому эти монеты будут лишь кратко перечислены (за исключением посмертных и подделок), но не проанализированы подробно. На Западе есть монеты из Араузиона (31–27 гг. до н. э.), Нового Карфагена (18–17 гг. до н. э.), Гадеса (датировка неизвестна), Тинги (датировке не поддается), Агригента (21 г. до н. э.). На Востоке есть монеты из Никополя

²³² Перечень и описание всех монет, связанных с Агриппой, в том числе провинциальных и посмертных, которые здесь рассматриваться не будут, см., напр. в следующих работах: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 593–610; Romeo I. Op. cit. P. 19–40; Powell L. Marcus Agrippa. Right-hand Man of Caesar Augustus. Barnsley, 2015. P. 242–247. Монета с портретом Агриппы и титулом *praefectus classis* здесь не учитывается, поскольку, по всей видимости, она является подделкой, см. об этом: Romeo I. Op. cit. P. 170–171.

²³³ См. The Roman Imperial Coinage. Vol. 1. From 31 BC to AD 69. / Ed. by C.H.V. Sutherland, R. Carson. L., 1984. P. 19.

(после 27 г. до н. э.), Спарты (16 г. до н. э.)²³⁴, Крита и Кирены (18–12 гг. до н. э.), Кносса (датировка неизвестна), Боспора (14 г. до н. э.), Агриппии-Фанагории (датировка неизвестна), Пария (после 27 г. до н. э.), Апамеи (после 27 г. до н. э.)²³⁵. Учитывая, что даже предположительные датировки крайне неточны и не слишком надежны, никакие выводы на основании столь разрозненной чеканки сделать невозможно — тем более, что у нас нет оснований считать, что эти провинциальные выпуски в какой-либо мере контролировались Августом или самим Агриппой и, соответственно, нельзя их учитывать для реконструкции централизованной идеологии, связанной с Агриппой и распространявшейся с помощью монет.

Однако есть провинциальная монета, которая, в отличие от вышеназванных выпусков, могла иметь не только местное значение, ибо она отчеканена из серебра: речь идет о денарии монетного двора Северного Пелопоннеса. Согласно датировке К. Сазерленда, он был выпущен в 21 г. до н. э.²³⁶, хотя И. Ромео датирует его 16 г. до н. э.²³⁷

²³⁴ Портрет идентифицирует с Агриппой И. Ромео (см. прим. 235), однако составители каталога RPC, например, полагают, что это Атратин (RPC 1101).

²³⁵ Каталог монет и их примерные датировки указаны по работе: Romeo I. *Op. cit.* P. 167–177.

²³⁶ The Roman Imperial Coinage... P. 79; Sutherland C. H. V. L'attribution des deniers augustéens aux types du «temple», de la «couronne» et du jeune taureau // *Revue numismatique*. 1974. T. 16. P. 49–58.

²³⁷ Romeo I. *Op. cit.* P. 172.

Денарий. RIC I (Augustus) 473. Изображение принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=973274>

Аверс: Август с непокрытой головой, вправо, легенда: AVGVSTVS

Реверс: Лавровый венок с рострами, ленты распложены по центру.

И. Ромео указывает, что в эпоху Августа ростральный венок ассоциировался с Марком Агриппой, а значит, тип реверса указывал именно на него²³⁸. Возможно, она права, тем более, что на нимских монетах (см. ниже) Агриппа изображён в точно таком же венке: лавровом, с лентами и рострами. Вышеуказанный денарий входит в состав серии монет этого монетного двора, на реверсе другого типа денария шестиколонный храм с легендой IOVI - OLVM (подробное описание реверсов см. RIC (Augustus) I 472 (денарий), 474 (квинарий)). К сожалению, больше никаких конкретных выводов на основании этой монеты сделать невозможно. Агриппа здесь может вновь выступать как бы «подписантом» монеты, как это было в случае галльского выпуска 38 г. до н. э. (см. выше). Может быть, венок указывает на деятельное участие Агриппы в реконструкции храма Зевса в Олимпии, как считает И. Ромео (см. прим. 237). Может быть, венок здесь намекает на

²³⁸ Romeo I. Op. cit. P. 28–29, 34, 172.

победу при Акции, как считает К. Сазерленд²³⁹. А может быть, инициаторы выпуска имели в виду все эти ассоциации одновременно.

В любом случае, можно увидеть, что после галльской чеканки 38 г. до н. э. Агриппа надолго пропадает с римских монет и встречается только на провинциальных; серебряные монеты Северного Пелопоннеса (RIC I (Augustus) 473) можно не брать в расчёт, так как единственное напоминание об Агриппе здесь – венки; не названо даже его имя, то есть, здесь он уходит даже в более глубокую тень, чем на галльских выпусках 38 г. до н. э. Однако на одном из провинциальных выпусков следует остановиться подробнее, так как его судьба была необычной. Речь идет о нимской чеканке.

Нимские бронзовые монеты с двойным портретом Августа и Агриппы делятся на три группы: 1) те, где Август изображен с непокрытой головой; 2) те, где он в венке; 3) те, где на легенде присутствуют буквы Р.Р., означающие титул «Отец Отечества». Монеты 2 и 3 групп были отчеканены уже после смерти Агриппы, поэтому нас интересует только первая группа (RIC I (Augustus) 154–157; RPC I 522–523).

Бронзовая монета Нима²⁴⁰. RIC I (Augustus) 154. Изображение принадлежит: Leu Numismatik AG и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=100904>

²³⁹ Sutherland C. H. V. *L'attribution des deniers augustéens...* P. 58.

²⁴⁰ Достоинство монет является спорным, П.-А. Бесомб доказывает, что это не дупондии, а ассы: Besombes P.-A. *L'ouverture de l'atelier «imperial» de Nîmes et la première émission d'as*

Аверс: IMP. DIVI F. Голова Агриппы влево²⁴¹, голова Августа вправо, они изображены спина к спине, Агриппа в комбинированном ростральном и лавровом венке или просто ростральном венке²⁴², Август с непокрытой головой.

Реверс: COL. NEM. слева и справа от верхушки пальмы, сама верхушка наклонена вправо, за ней прикованный крокодил, над верхушкой пальмы венки с длинными завязками.

Вопрос о том, когда началась чеканка этих монет, долгое время являлся спорным. На основании данных кладов и сходства изображений с другими монетами, которые датируются концом 30-х гг. до н. э. — началом 20-х гг. до н. э., в частности, с некоторыми галльскими монетами с двойными (RPC 514–515 (Лугдун), 517 (Виенна), 533 (Араузион)) и монет с крокодилом и легендой AEGYPTO CAPTA (RIC I (Augustus) 275, 544–545) К. Крэй датировал их не позднее конца 20-х гг. до н. э.²⁴³; однако К. Сазерленд относит их к 20 г. до н. э. или позднее, и за ним следует Г. Штерн²⁴⁴. М.

au crocodile // *Del imperium de Pompeyo a la auctoritas de Augusto: homenaje a Michael Grant*. Madrid, 2008. P. 235–243.

²⁴¹ М. Грант отмечает, что на этом выпуске портрет не похож на Агриппу, а борода может указывать, что это диктатор Цезарь, но сам автор признаёт, что на остальных выпусках Нима уже определённо изображён Агриппа, а здесь на него может указывать ростральный венок, даже если черты лица не похожи: Grant M. *Op. cit.* P. 73–74. Должна признать, что борода, действительно, вызывает некоторое недоумение и других портретов Агриппы с бородой неизвестно; может быть, здесь снова следует вспомнить предположение Дж. Поллини о «военной бороде» (см. выше, прим. 206). Но ростральный венок на монетах этого времени принадлежит именно Агриппе, поэтому следует согласиться с традиционной интерпретацией, что здесь изображён именно он.

²⁴² Bergmann B. *Op. cit.* P. 84, n. 35.

²⁴³ Kraay C. The Chronology of the Coinage of Colonia Nemausus // *Numismatic Chronicle*. 1955. Vol. 15. P. 85. Данные о кладах см.: Crawford M. *Roman Republican Coin Hoards...* P. 136–137 (клады 27–2 гг. до н. э.).

²⁴⁴ Roman Imperial Coinage... P. 51; Stern G. Augustus, Agrippa, the Ara Pacis and the Coinage of 13 BC // *AAntHung*. 2015. T. 55. P. 63; Stern G. Women, Children, and Senators on the Ara Pacis Augustae: A Study of Augustus' Vision of a New World Order in 13 BC. PhD. diss.

Кристол и К. Гудино относят нимский выпуск к 16 г. до н. э., основываясь на том, что именно в период 16–13 гг. до н. э. Август проводил преобразования в Галлии и Испании, а также на собственной интерпретации аверса и реверса²⁴⁵. Однако данные кладов, особенно — клада Порт-Халиген, указывают на более раннюю датировку — 28–27 гг. до н. э.²⁴⁶ Сегодня эта датировка ещё раз подтверждена исследованием П.-А. Бесомба и Ж.-Н. Баррандона, в котором проанализированы химический состав сплава и метрологические характеристики нимских монет, а также их географическое распространение²⁴⁷.

Первоначально нимские бронзовые монеты представляли собой обычную провинциальную чеканку довольно небольшого масштаба, слабо представленную в кладах и сопоставимую с вышеназванными выпусками

California, 2006. P. 109–110. Г. Штерн прочно связывает эту чеканку с основанием колонии Немауз в 20 г. до н. э., но не совсем ясно, почему он датирует последнее событие именно 20 г. до н. э. Латинская колония Немауз была выведена, вероятно, ещё в 45–44 гг. до н. э.; Август повторно основал её, но неизвестно, когда именно: исследователи предполагают 28–27 гг. до н. э., когда производилось расселение ветеранов, или 16–15 гг. до н. э., когда Август проводил реорганизацию Галлии, но нет никаких причин связывать повторное основание колонии Немауз именно с 20 г. до н. э. См.: Christol M., Goudineau Ch. Nîmes et les volques arécomiques au Ier siècle avant J.-C. // Gallia. 1987–1988. T. 45. P. 87–103, особ. 87–98; Burnett A., Amandry M., Ripolles P. P. Op. cit. P. 152–153.

²⁴⁵ Christol M., Goudineau Ch. Op. cit. P. 99 f.

²⁴⁶ Giard J.-B. Le trésor de Port-Haliguen. Contribution à l'étude du monnayage d'Auguste // Revue numismatique. 1967. P. 123–126. Данный клад был зарыт около 8 г. до н. э. и сильная изношенность части нимских монет указывает, что они были в ходу не менее 20 лет. Датировка 28–27 гг. до н. э. принята в работах: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 596; Romeo I. Op. cit. P. 23, 166–167; Burnett A., Amandry M., Ripolles P. P. Op. cit. P. 153; Suspène A. Monnaies locales et identités: Le cas du monnayage colonial de la Nîmes augustéenne // Revue numismatique. 2012. T. 168. P. 26.

²⁴⁷ Besombes P.-A., Barrandon J.-N. Les dupondii de Nîmes: datation, diffusion et nature du métal utilisé // Revue numismatique. 2001. T. 157. P. 305–328.

Вьенны, Нарбона или Араузиона. Однако начиная с 16–15 гг. до н. э. резко меняются как характеристики этих монет, так и объёмы чеканки: монеты становятся гораздо более лёгкими, изображения на них – менее качественными, а объёмы чеканки многократно возрастают. В Немаузе открывается императорский монетный двор, и нимская бронзовая чеканка с портретами Августа и Агриппы, внешне оставаясь провинциальной, приобретает масштаб императорской: теперь она удовлетворяет потребности всех галльских провинций, Рейнской области и, что важнее всего, рейнских легионов, причём выпуск этих монет не ограничивается 16–15 гг. до н. э., а продолжается в течение нескольких десятилетий²⁴⁸.

Рассмотрим, что можно сказать об изображениях и легендах на этих монетах²⁴⁹. Ранее Август изображался на аверсе либо в одиночку, либо со своим приемным отцом Цезарем, либо с коллегами-триумвирами²⁵⁰. То есть, на этой монете особое место Агриппы подчёркивалось уже самим расположением его портрета. Изображение на реверсе нумизматы чаще всего интерпретируют как указание на покорение Египта²⁵¹, Ж.-М. Роддаз добавляет еще, что эти монеты могут прославлять не только взятие Александрии, но и победу при Акции, и двойное консульство Августа и

²⁴⁸ Suspène A. *Op. cit.* P. 30–33. Об этом же пишет и М. Грант: Grant M. *Op. cit.* P. 70–79, 114–115.

²⁴⁹ См. также подробный анализ того, почему в нимских монетах, в отличие от других провинциальных, заметна рука принцепса: Suspène A. *Op. cit.* P. 23–34, особ. 32–33.

²⁵⁰ Эту же особенность отмечает и Г. Штерн: Stern G. *Augustus, Agrippa, the Ara Pacis...* P. 66.

²⁵¹ Напр.: Burnett A., Amandry M., Ripolles P. *Op. cit.* P. 152–153; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 207, 596; Puech P.-F., Puech B., Puech F. *The “As de Nîmes”, a Roman Coin and the Myth of Antony and Cleopatra: Octavian and Agrippa victorious over Antony* // OMNI. 2014. №8. P. 60–62.

Агриппы в 28–27 гг. до н. э.²⁵² Мне эта интерпретация также представляется убедительной. Таким образом, если в 38 г. до н. э. Марк Агриппа был некоторым образом в тени, выступал как инициатор чеканки, а его имя и должность избранного консула просто придавали дополнительный вес прославлению Октавиана и Цезаря, то на монетах Нима роль его кардинально меняется: теперь монеты прославляют уже самого Агриппу и ставят его рядом с принцепсом, а венок подчеркивает его воинские заслуги. Агриппа встает рядом с Октавианом на монетах, которые напоминают об окончании войн, о победе над последним противником – Египтом, о самых важных преобразованиях в государстве после окончания эпохи гражданских войн²⁵³. И все эти события связываются не только с Октавианом, но и с Агриппой. Разумеется, Агриппа занимает второе место по отношению к Октавиану²⁵⁴.

Спустя несколько лет после превращения нимской чеканки из провинциальной в императорскую, монеты с изображениями Агриппы начинает выпускать и римский монетный двор. Это следующие монеты: RIC I (Augustus) 397 (денарий Гая Мария из Троментинской трибы), RIC I

²⁵² Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 207. С ним согласны: Romeo I. Op. cit. P. 23; Suspène A. Op. cit. P. 27. Есть и дополнительные варианты истолкований, которые не противоречат указанным, а дополняют их, см. напр.: Bar M. La date et la signification symbolique des premiers bronzes de Nîmes au crocodile (LT 2778) // Actas del XIII Congreso internacional de Numismàtica / Ed. C. Alfaro et al. Madrid, 2005. P. 823–827 (некоторые предположения автора вызывают сомнения); Roman D. Apollon, Auguste et Nîmes // Revue archéologique de Narbonnaise. 1981. Т. 14. P. 207–214 (он интерпретирует пальму, как символ Аполлона).

²⁵³ Подробнее об их двойном консульстве в 28–27 гг. до н. э. см. в гл. 3 настоящей работы.

²⁵⁴ См. например, перечень монет этих лет различного достоинства, на которых изображен только Октавиан (в т.ч. монеты с легендой AEGYPTO CAPTA): Crawford M. Roman Republican Coin Hoards... Tab. XVII—XVIII.

(Augustus) 406–409 (аурей и денарии Гая Сульпиция Платорина)²⁵⁵. Данные выпуски датируются 13 г. до н. э.²⁵⁶ Рассмотрим их по очереди.

1. Денарий Гая Мария из Троментинской трибы.

²⁵⁵ Сюда сознательно не включены монеты этого же времени, связь которых с Агриппой является сомнительной, в частности — монеты 13–12 гг. до н. э. с изображением понтифика и жертвоприношения (RIC I 401, 411), которые, по мнению Г. Штерна, напоминают о том, что Агриппа был понтификом, см.: Stern G. Augustus, Agrippa, the Ara Pacis... P. 70. На гипотезе Г. Штерна (Ibid. P. 68–69) о том, что на денарии RIC I 404 изображены портреты Августа, Юлии и Агриппы (а не Гая и Луция Цезарей вместе с их матерью Юлией) будет сказано ниже. Штерн приходит к выводам, что чеканка 13–12 гг. до н. э. показывает, что Агриппа стал «junior emperor on an unofficial throne». На мой взгляд, этот вывод, основанный только на анализе чеканки и Алтаря мира, слишком глобален, однако представляется, что общую тенденцию Г. Штерн отмечает верно. Не рассматриваются также монеты, которые датируются 12 г. до н. э. Если они были выпущены до смерти Агриппы – то лишь подтверждают мои выводы о месте Агриппы в чеканке, а если после смерти – то они здесь нерелевантны.

²⁵⁶ См. напр. Romeo I. Op. cit. P. 161. Ранее предлагались иные датировки, напр., К. Пинк относит чеканку Гая Мария к 17 г. до н. э., Платорина – к 14 г. до н. э.: Pink K. The triumviri monetales and the structure of the coinage of the Roman Republic. N.Y., 1952. P. 47; Idem. Die Triumviri monetales unter Augustus // Numismatische Zeitschrift. 1946. Bd. 71. S. 123; см. также Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. Crawford M. Roman Republican Coin Hoards... Tav. XVIII.), мне представляется более вероятной датировка 13 г. до н. э.; её принимают также: RIC. I 397–409; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 599–601; Romeo I. Op. cit. P. 39–40, 161–162; Panvini Rosati F. Le emissioni in oro e argento di «Tresviri monetales» di Augusto // Archeologia Classica. 1951. Vol. III. P. 80–81. См. развернутую аргументацию в пользу датировки 13 г. до н. э.: Fullerton M. D. Op. cit. P. 473–483.

Денарий. RIC I (Augustus) 400. Изображение принадлежит: UBS Gold & Numismatics и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=498744>

Аверс: AVGVSVS. DIVI F. Портрет Августа с непокрытой головой вправо, все изображение окружено дубовым венком.

Реверс: C. MARIVS.C.F.TRO.PIVIR Август в лавровом венке и Агриппа (в комбинированном стенном и ростральном венке²⁵⁷), оба в тогах, стоят справа и слева, в руке у каждого свиток, у ног *capra*²⁵⁸.

Большинство исследователей согласны в том, что на реверсе изображено возобновление трибунских полномочий Августа и Агриппы²⁵⁹. Этот денарий отличается от рассмотренной выше монеты Нима, хотя общий идеологический посыл остаётся прежним — Август и Агриппа изображены вместе, но здесь они ещё и в момент исполнения своих обязанностей. Важное различие состоит в том, что аверс денария Мария безраздельно принадлежит

²⁵⁷ Б. Бергманн считает, что это просто ростральный венок, а башни — его часть, символизирующая башни на корабле, поскольку у нас нет никаких сведений о том, что Агриппа получал стеной венок: Bergmann B. Op. cit. P. 84, n. 35, аналогичное мнение: Vervae F. J., Dart Ch. J. Op. cit. P. 11, n. 41.

²⁵⁸ RIC I 400, 397; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 599–601; Romeo I. Op. cit. P. 39.

²⁵⁹ См. прим. 258. М. Фуллертон считает, что здесь изображён ценз: Fullerton M. D. Op. cit. P. 477. Эту гипотезу оспорила И. Ромео, указывая, что она основана на ошибочных сведениях Диона Кассия о цензе 13 г. до н. э.: Romeo I. Op. cit. P. 39. См. также ниже, прим. 263.

Августу. Если на дупондии Нима Агриппа с Августом поровну делили аверс и никого из них не было на реверсе (хотя легенда относилась, как и здесь, только к принцепсу), то здесь Август занимает уже намного больше места. А с другой стороны – если ранее мы говорили о бронзовой монете, выпущенной в Ниме, то сейчас речь идет уже о серебряном денарии, отчеканенном монетным двором Рима, что явно почетнее. Поэтому едва ли можно однозначно ответить на вопрос, какая из монет — нимская или денарий Гая Мария – отводит Агриппе более высокое место в государстве; можно лишь констатировать что в обоих случаях мы видим, что Август занимается государственными делами вместе с Марком Агриппой.

2. Выпуск Гая Сульпиция Платорина, состоящий из трех типов монет, на каждом из которых так или иначе присутствует Агриппа.

Денарий. RIC I (Augustus) 407. Изображение принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=973286>

Аверс: CAESAR AVGVSTVS — обнаженная голова Августа вправо.

Реверс: C. SVLPICIVS PLATORIN. — Август и Агриппа, с обнаженными головами, в тогах, сидят бок о бок, немного наклонившись влево, на биселлиуме (*bisellium*), сиденье на платформе, украшенной тремя роcтрами; слева — копье²⁶⁰ или посох аппаратора²⁶¹.

²⁶⁰ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 602; The Roman Imperial Coinage... P. 73.

Денарий. RIC I (Augustus) 408. Изображение принадлежит: Classical Numismatic Group, Inc. и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=432689>

Аверс: CAESAR AVGVSTVS — обнаженная голова Августа вправо.

Реверс: M. AGRIPPA PLATORINVS. III VIR — обнаженная голова Агриппы вправо.

Аурей. RIC I (Augustus) 409. Изображение принадлежит: Британскому музею и скопировано с сайта: <http://collection.britishmuseum.org/resource?uri=http://collection.britishmuseum.org/id/object/CGR87743>

Аверс: CAESAR. AVGVSTVS. Голова Августа в дубовом венке вправо.

²⁶¹ Grueber H. A. Op. cit. P. 96, n. 1.

Реверс: M.AGRIPPA.PLATORINVS.III VIR. Голова Агриппы вправо в комбинированном стенном и ростральном венке²⁶².

Денарий RIC I (Augustus) 407 по содержанию изображений необычайно похож на денарий Гая Мария (RIC I (Augustus) 400). Мы снова видим всё то же самое: Август полностью занимает аверс, ему посвящена легенда, а на реверсе он вместе с Агриппой вновь занимается государственными делами. Аурей (RIC I (Augustus) 409) и второй денарий (RIC I (Augustus) 408), в свою очередь, очень схожи между собой: на обоих портрет Августа занимает весь аверс, а Агриппы – весь реверс. И, в отличие от предыдущих случаев, на этих монетах в легенде реверса напрямую упоминается Агриппа. На аурее сопровителю изображены со знаками своей воинской доблести: Август в дубовом венке, Агриппа – в комбинированном стенном и ростральном. На денарии же (RIC I (Augustus) 408) их изображения тоже аналогичны, но на сей раз Август и Агриппа с непокрытыми головами и без каких-либо дополнительных атрибутов. Большинство авторов связывают чеканку Платорина, как и выпуск Гая Мария, с возобновлением трибунских полномочий Августа и Агриппы²⁶³. Иначе считает Грубер, который пишет, что изображения эти относятся к дружбе Октавиана и Агриппы, продолжавшейся всю жизнь²⁶⁴. При том, что сомневаться в их дружбе не приходится, все-таки маловероятно, что в чеканке римского монетного двора из драгоценных металлов Август прославлял только личные свои отношения с ближайшим другом. И. Ромео скорее склонна связывать чеканку 13 г. до н. э. с династической политикой, ссылаясь на то, что Гай Марий тогда же чеканил монеты с портретами Юлии и Гая и Луция Цезарей (RIC I (Augustus) 404), а Агриппа, по её мнению, был «инструментом» передачи власти, а не

²⁶² См. прим. 257.

²⁶³ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 603; The Roman Imperial Coinage... P. 72.

²⁶⁴ Grueber H. A. Op. cit. P. 96, n. 1.

рассматривался как непосредственный преемник Августа в случае его смерти²⁶⁵. Об этой гипотезе относительно роли Агриппы в династических планах Августа см. подробно гл. 3 настоящей работы, но на монетах с тройным портретом следует остановиться подробнее.

Денарий. RIC I (Augustus) 404. Изображение принадлежит: Numismatica Ars Classica NAC AG и скопировано с сайта: <https://www.acsearch.info/search.html?id=1589014>

На аверсе этой монеты – Август с авгурским жезлом, а на реверсе три портрета (два мужских, один – женский) и дубовый венок над головой женщины. Большинство исследователей сейчас считают, что на реверсе изображены Юлия и Гай и Луций Цезари²⁶⁶. Но с ними не согласился Г. Штерн, который считает, что здесь помещены портреты Августа, Юлии и Агриппы²⁶⁷. Аргументы Г. Штерна вкратце сводятся к следующим тезисам:

²⁶⁵ Romeo I. Op. cit. P. 40.

²⁶⁶ Romeo I. Op. cit. P. 40; RIC I 404; Fullerton M. D. Op. cit. P. 476; Pollini J. Op. cit. P. 420–421.

²⁶⁷ Stern G. Augustus, Agrippa, the Ara Pacis... P. 68–69; Idem. Women, Children... P. 117–125.

– Головы на реверсе одинакового размера, а поскольку Гай и Луций – дети, то их головы должны были быть меньшего размера, как, например, на аурее RRC 541, где голова Антиллы на реверсе явно меньше головы его отца Марка Антония на аверсе (а также на многих последующих монетах императорского времени);

– Изображение на монете Гая и Луция было бы слишком явным намёком на монархию, чего Август старался избегать;

– Если на денарии изображены Гай и Луций, то неясна роль Юлии. Поскольку Гай и Луций были усыновлены Августом, Юлия как посредница не требовалась — как никогда не требовалась Атия в качестве посредницы между самим Октавианом и Божественным Юлием. Зато если там изображены Август и Агриппа, то чеканка Мария имеет прецедент: бронзовая чеканка Л. Атрatina 34 г. до н. э. (RPC 1454), где на аверсе изображены Октавиан, Антоний и Октавия, которая соединяла их, являясь сестрой Октавиана и женой Антония.

Начнём с первого аргумента Г. Штерна. Чеканка Марка Антония с его сыном Антиллом является единственным до 13 г. до н. э. прецедентом изображения детского портрета на римской монете. Голова Антиллы на аурее RRC 541 действительно меньше, чем голова его отца; однако, например, на аурее RRC 528 (39 г. до н. э.) голова Октавиана тоже заметно уступает в размерах голове Марка Антония. Едва ли это может означать, что Октавиан изображен ребенком. Детские головы на монетах последующих императоров действительно меньше, чем головы взрослых людей²⁶⁸, но к 13 г. до н. э. никакой традиции изображения детей на монетах ещё не существовало.

²⁶⁸ Г. Штерн также приводит в пример монеты, на которых фигуры изображены в полный рост (и дети, естественно, ниже взрослых, причём младшие дети – ниже старших: RIC I 206, 210; RIC II Trajan 759), однако такая аналогия не представляется корректной.

Что касается второго тезиса, то Г. Штерн не пояснил, почему весьма обширная монетная чеканка, на которой аверс прочно занят Августом, не воспринималась аудиторией как свидетельство его единовластия, а единственный денарий с портретами его сыновей сразу стал бы таковым, причем оказался бы неприемлем до такой степени, что Август никак не мог на это решиться. Можно отметить, что соображения подобного рода Августа не останавливали: нам известны бесспорные монеты с изображением Гая и Луция Цезарей (RIC I (Augustus) 198–199; 206–212).

Что же касается третьего тезиса, то отчасти с ним можно согласиться – если Гай и Луций – сыновья Августа, то Юлия как посредница между ними действительно не нужна. Тогда зачем же она здесь? Представляется, что ответ кроется в детали, которую Г. Штерн комментировать не стал – *согопа сівиса* над головой женщины. Как известно, над входом в дом Августа был прикреплен именно гражданский венок (RGDA 34). И, на мой взгляд, именно этот венок свидетельствует против гипотезы Г. Штерна. Если бы на монете были изображены Август, Юлия и Агриппа, то дубовый венок должен находиться не над головой Юлии, а над головой Августа, которому он был дарован.

Можно согласиться с Г. Штерном в том, что при интерпретации монетных типов нам следует исходить не только из того, что хотел изобразить монетарий, но и из того, что увидела бы аудитория. И представляется крайне сомнительным, что хоть кто-то из жителей Рима стал бы тщательно сравнивать величину портретов друг с другом и с аналогичными монетами – ещё не отчеканенными – как делает это сам Г. Штерн. Если на этом денарии изображен Агриппа, то как люди должны были его опознать? Ни рострального венка, ни легенды с упоминанием Агриппы на монетах нет, а портрет далеко не столь высокого качества, как, например, на денарии RIC I (Augustus) 408, где лицо Агриппы узнается сразу. Но если взглянуть отдельно на реверс, на дубовый венок и три портрета над ним, то напрашивается самое простое объяснение: здесь изображены трое детей

Августа, трое членов его дома, символом которого служит дубовый венок, размещённый над входом. И именно равным статусом Гая, Луция и Юлии как трёх детей Августа может объясняться одинаковый размер их голов.

Наконец, мне неизвестны другие случаи, чтобы и на аверсе, и на реверсе монеты был изображен портретный бюст Августа. Иногда принцип действительно присутствует на обеих сторонах монеты, но если на аверсе мы видим его портрет, то на реверсе изображена его фигура в полный рост (напр., RIC I (Augustus) 200–201; 272; 401; 415 и др.). Но примеров «двойного» портрета на одной и той же монете мне отыскать не удалось, и Г. Штерн их тоже не приводит.

Также существует и другая точка зрения, согласно которой здесь могли иметься в виду либо Август, Ливия, Агриппа²⁶⁹, либо же Ливия с сыновьями²⁷⁰. Первая из этих гипотез не представляется правдоподобной отчасти из-за приведённых выше аргументов, а отчасти потому, что не совсем понятно, какова связь между Ливией и Агриппой. Точка зрения же Б. Бакстон о том, что три портрета изображают Тиберия, Ливию и Друза представляется весьма убедительной и хорошо аргументированной. В частности, она хорошо объясняет внешний вид изображённых (которые действительно выглядят как взрослые люди, а не как дети), присутствие на аверсе литууса (который, по мнению Б. Бакстон, указывает на то, что победы Тиберия и Друза одержаны под ауспигиями Августа), и дубовый венок над головой женщины (ибо Тиберий и Друз принадлежали — неформально — к дому Августа именно потому, что являлись сыновьями его жены Ливии). Впрочем, вне зависимости от того, какая версия верна — «Гай-Юлия-

²⁶⁹ Kleiner D., Buxton B. Pledges of Empire: The Ara Pacis and the Donations of Rome // AJA. 2008. Vol. 112. P. 75–76.

²⁷⁰ Buxton B.A. Rome at the Crossroads: Ph.D.diss. Berkeley, 2003. P. 262–272.

Луций» или «Тиберий-Ливия-Друз»²⁷¹, — к Агриппе данная монета отношения, по-видимому, не имеет, и поэтому она не будет приниматься во внимание.

Итак, учитывая, что с рассмотренными выше монетами связано немало сложностей, начиная от их датировки и заканчивая интерпретациями изображений, выводы можно сделать лишь самые общие. Мы видим, что постепенно от подписанта монет (галльский выпуск 38 г. до н. э.) Агриппа все больше и больше выступает из тени и, наконец, на серии монет Платорина 13 г. до н. э. изображается стилистически так же, как Август — занимая весь реверс и с собственной легендой. Разумеется, принимая во внимание объёмы чеканки Августа, на которой принцепс изображён в одиночку, никакой речи идти не может о том, что Агриппа встаёт с ним на один уровень. Но при этом достаточно уверенно можно говорить, что Агриппе принадлежит второе место — причём, второе из двух.

А теперь перейдем к следующей сфере, где преобразования Августа и участие в них Агриппы были достаточно значительными.

2.3. Строительная деятельность Агриппы²⁷².

Нельзя сказать, что строительная деятельность Агриппы обделена вниманием исследователей: например, Ф. Шипли посвятил небольшую монографию строительной деятельности Агриппы в Риме²⁷³, П. Цанкер

²⁷¹ Решение этого вопроса потребовало бы анализа положения Гая и Луция, с одной стороны, и Тиберия и Друза, с другой, в идеологии, пропаганде и династических планах Августа по состоянию на 13 г. до н. э., что выходит за рамки настоящего исследования.

²⁷² К сожалению, на данный момент мне осталась недоступной новейшая работа по топографии древнего Рима: *Lexicon Topographicum Urbis Romae*: in 6 vol. Roma: Edizioni Quasar, 1993–2000.

²⁷³ Shipley F. Op. cit. 97 p.

пишет о строительной программе Агриппы в контексте общей идеологии принципата²⁷⁴, Ж.-М. Роддаз высоко оценивает вклад Агриппы в организацию водоснабжения Рима²⁷⁵. Однако П. Цанкер рассматривает формирование идеологии Августа в целом и не останавливается на личном вкладе Агриппы и его особенностях²⁷⁶, а Ф. Шипли и Ж.-М. Роддаз, напротив, очень подробно рассказывают о работах Агриппы, но почти оставляют в стороне их идеологическую составляющую. Впрочем, в другой работе Ж.-М. Роддаз рассматривает строительную деятельность Агриппы в контексте идеологии, однако его интересует не то, какое воздействие эти работы оказали на повседневную жизнь римлян, не то, как они воспринимались жителями города и даже не то, каким образом они вписывались в августовскую пропаганду, а то, какую интерпретацию деятельность Агриппы получила в этой пропаганде и как эта пропаганда повлияла на последующую литературную традицию и образ Агриппы в ней. Разница между строительными программами Августа и Агриппы в этой статье также не рассматривается²⁷⁷. Описательный подход преобладает в

²⁷⁴ Zanker P. *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor, 1990. P. 141–143.

²⁷⁵ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 559, 567–587. На этих же аспектах деятельности Марка Агриппы останавливаются и многие другие авторы: Gardthausen V. *Op. cit.* S. 735–761; Shipley F. *Op. cit.* P. 1–83; Reinhold M. *Marcus Agrippa...* P. 141–149 и др.

²⁷⁶ Д. Фавро, исследуя строительную политику Августа, также не анализирует особую роль Агриппы в ней: Favro D. *Making Rome a World City* // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / Ed. K. Galinsky. Cambridge, 2005. P. 234–263; Я. Ю. Межерицкий кратко останавливается на участии Агриппы в строительной политике Августа и пишет, что Агриппа с его «практической хваткой неплохо дополнял Августа»: Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 579 и далее.

²⁷⁷ Roddaz J.-M. *Un theme de la «propagande» augusteenne: l’image populaire d’Agrippa* // *MEFRA*. 1980. T. 92, № 2. P. 947–955.

работе В. Гардтхаузена²⁷⁸, и лишь анализируя отношение Агриппы к религии, автор отмечает любопытную особенность построек Агриппы: большинство из них имеет светский, а не религиозный характер — за исключением Пантеона, который первоначально был задуман как Августей²⁷⁹. М. Рейнхолд излагает биографию Агриппы в хронологическом порядке, так что сведения о его строительных проектах рассредоточены и не исследуются как единое целое²⁸⁰. Также в сборнике, посвящённом Агриппе, вышла статья Э. Торторичи, где автор ставит себе задачу заново подробно рассмотреть сведения об отдельных постройках Агриппы, поскольку в общих работах зачастую опираются на устаревшие данные²⁸¹. Автор приходит к довольно интересным выводам, о которых будет сказано ниже.

Рассмотрим подробнее идеологическое значение общественных сооружений и зданий, которые были построены в Риме Агриппой и закончены при его жизни. Он много строил и в провинциях, например, в Галлии и Греции, однако трудно установить, каков его личный вклад в эти проекты, поэтому здесь анализируется только его строительная деятельность в Риме. Кроме того, постройки Агриппы в других городах рассматривались как дар народу конкретного города, а постройки в Риме, практически предназначавшиеся для римского плебса, идеологически рассматривались как дар всему римскому народу.

Поскольку речь идет об идеологическом наполнении строительной программы Агриппы в Риме, представляется целесообразным начать с наиболее простой в этом смысле и наиболее практической стороны его

²⁷⁸ Gardthausen V. Op. cit. S. 751–761. Следует отметить, что археологические данные, на которые он опирается, серьезно устарели.

²⁷⁹ Ibid. S. 746–747, 799; Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 163.

²⁸⁰ Ibid. P. 46–51, 74–77, 95–96, 162–163.

²⁸¹ Tortorici E. L'attività edilizia di Agrippa a Roma // Il bimillenario di Agrippa. Genova, 1990. P. 20.

деятельности — с организации водоснабжения и мероприятий во время эдилитета в 33 г. до н. э. Деятельность Агриппы в этом году, не сводившаяся к строительству, но включавшая также организацию игр, щедрые раздачи и предоставление в бесплатное пользование бань, была нацелена на то, чтобы в предстоящей войне с Марком Антонием максимально перетянуть симпатии римского народа на сторону Октавиана²⁸². Марк Агриппа взялся за эту задачу, «спустившись» по карьерной лестнице от консуляра до эдила; на мой взгляд, это объясняется тем, что консульские места на эти годы были распределены еще при заключении Мизенского мира в 39 г. до н. э. (App. BC. V. 73), а когда в 37 г. до н. э. в Таренте решался вопрос о том, кем заменить Секста Помпея на должности консула 33 г. до н. э., Агриппа как раз был действующим консулом и вряд ли мог претендовать на эту позицию.

Рассмотрим сообщения источников. Плиний рассказывает, что Агриппа построил в Риме 700 водохранилищ, 500 фонтанов и 130 распределительных резервуаров и великолепно украсил их тремя сотнями статуй, как бронзовых, так и мраморных, и четырьмя сотнями мраморных колонн (Plin. HN. XXXVI. 24)²⁸³. Подробности известны, однако, лишь об одном из таких украшений: Фест пишет, что Агриппа украсил озеро Сервилия, находившееся возле Базилики Юлия, фигурой гидры (Fest. 290). Ф. Шипли предположил, что выбор пал именно на гидру, поскольку она, как многоголовое существо, хорошо подходила для многоструйного фонтана²⁸⁴. Помимо строительства фонтанов Агриппа заботился и об акведуках. Во время своей претуры или

²⁸² В историографии, насколько мне известно, царит согласие: см., напр. Osgood J. Op. cit. P. 330–331, со ссылками на предшествующие работы.

²⁸³ В других источниках также упоминаются фонтаны, построенные Агриппой, однако без каких-либо подробностей, см. напр.: Strab. V. 3. 8.

²⁸⁴ Shipley F. Op. cit. P. 83.

эдилитета он построил Юлиев акведук и отремонтировал акведук Тепула²⁸⁵. Он занимался реставрацией и других акведуков — Аппиа, Старый Аниен и Марция, кроме того, построил еще один — акведук Дева, который был завершен в 19 г. до н. э.

До вмешательства Агриппы вода в акведук Тепула была тепловатой (о чем свидетельствует название) и объем воды составлял 445 квинариев в сутки (Front. De Aquis. II. 68). Взявшись за ремонт, Агриппа не просто отреставрировал акведук Тепула, но и объединил его с Юлиевым акведуком, который построил выше по местности. Подобной мерой он одновременно пустил по старому акведуку более холодную и чистую воду и увеличил напор воды почти в три раза (Front. De Aquis. II, 69)²⁸⁶. Агриппа также реставрировал Марциев акведук, который был негоден из-за неисправности труб, и провел от него трубы во многие части города (Cass. Dio XLIX. 42. 2).

Г. Эванс высказал любопытную мысль об акведук Юлия. Автор считает, что этот акведук был построен специально для того, чтобы обеспечивать водой постройки Августа в тех районах, через которые проходил. Г. Эванс замечает, что ограниченное количество распределительных резервуаров, приписываемых к этому акведуку, предполагает скорее распределение воды по отдельным объектам, чем снабжение большого числа построек на обширной территории. Автор считает, что воду из акведука Юлия получали, например, форумы Цезаря и Августа, сады Мецената, портик и мясной рынок Ливии на Эсквiline и

²⁸⁵ Фронтин датирует эти работы 33 г. до н. э., т. е. эдилитетом Агриппы. Дион Кассий же относит их к 40 г. до н. э., т. е. к претуре Агриппы. Аргументы в пользу датировки Диона Кассия см.: Shipley F. Op. cit. P. 28. В пользу датировки Фронтинна см.: Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 49, n. 23; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 149, n. 59; Evans H. Agrippa's Water Plan // AJA. 1982. Vol. 86. P. 406, n. 30.

²⁸⁶ О технических особенностях акведука Тепула и археологических данных о нем см. Evans H. Op. cit. P. 403–406.

постройки Августа на Римском Форуме. Основываясь на этом предположении, Г. Эванс приходит к выводу, что акведук Юлия играл важную роль в программе Агриппы по организации водоснабжения в Риме и что акведуки Юлия и Тепула, снабжая водой общественные здания и частные дома соответственно, удачно дополняли друг друга²⁸⁷.

Поскольку никаких подробностей или особенностей о деятельности Агриппы в отношении акведуков Аппия и Старый Аниен в источниках не сохранилось, можно предположить, что в этих случаях дело ограничилось обычным ремонтом (Front. De Aquis, I, 9).

Поскольку построенный Агриппой акведук Дева в первую очередь предназначался для того, чтобы снабжать водой его же Термы на Марсовом поле, представляется целесообразным рассмотреть подробно этот акведук ниже, вместе с Термами Агриппы²⁸⁸.

Г. Эванс высказал интересную мысль о том, что Марк Агриппа не просто строил акведуки, откликаясь на непосредственные нужды жителей города, но с самого начала имел ясный план по улучшению ситуации с водоснабжением в Риме и тем самым продемонстрировал совершенно новый подход к делу. Если его предшественники улучшали ситуацию в отдельных районах, то Агриппа имел в виду весь город в целом²⁸⁹. Здесь проявляется характерный для Агриппы комплексный подход, проявившийся также в обустройстве Марсова поля (ср. ниже). При этом водоснабжение представляло единый комплекс с системой канализации (подвод свежей воды с отводом использованной).

Мероприятия Агриппы по строительству акведуков и фонтанов в первую очередь имели практическое значение. Страбон пишет, что в Риме

²⁸⁷ Ibid. P. 408.

²⁸⁸ Технические сведения об акведуках Агриппы см: Coarelli F. Rome and Environs. An Archaeological Guide. Berkeley; Los Angeles; L., 2007. P. 446–448.

²⁸⁹ Evans H. Op. cit. P. 410

благодаря Агриппе почти в каждом доме имелись цистерны, трубы и фонтаны (Strab. V. 3. 8)²⁹⁰. Как отмечает Дж. Осгуд, организация водоснабжения для римского плебса была важнее предпринятой в это же время обширной реконструкции храмов, поскольку Агриппа построил для жителей Рима множество прекрасных фонтанов по всему городу и избавил их от необходимости добывать воду из менее удобных источников²⁹¹. Однако едва ли можно допустить, что за этой деятельностью не стояло никакой идеологической подоплеки. П. Цанкер справедливо замечает, что фонтаны и акведуки должны были ясно продемонстрировать римлянам, что с приходом Октавиана к власти жизнь действительно улучшилась, причем именно благодаря ему и его соратникам. Кроме того, эта деятельность выгодно подчеркивала различие между Октавианом и Марком Антонием: пока последний тратил свое состояние в Александрии, Октавиан старался что-то сделать для сограждан²⁹².

Однако представляется, что эти мероприятия Агриппы в Риме имели еще один идеологический посыл. В источниках подчеркивается, что во время эдилитета Агриппа за свой счет, не обращаясь к средствам из государственной казны, отремонтировал общественные здания, улицы и привел в порядок канализационную систему (Cass. Dio, XLIX. 43). По поводу акведука Дева Дион Кассий особо подчеркивает, что Агриппа построил его за свой счет (Cass. Dio, LIV, 11, 7)²⁹³. Поскольку эти сведения дошли до столь позднего автора, можно предположить, что при жизни или вскоре после

²⁹⁰ Страбон несколько преувеличивает, свой водопровод имелся только в богатых домах, а для его проведения было необходимо разрешение принцепса (Front. De Aquis. 105).

²⁹¹ Osgood J. Op. cit. P. 330–331, см. также: Beachem R. The Emperor as Impressario // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / Ed. K. Galinsky. Cambridge, 2005. P. 158.

²⁹² Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 46–47; Zanker P. Op. cit. P. 71; Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch / Aufl. 4. Darmstadt, 2009. S. 412.

²⁹³ О технических характеристиках акведука Дева и археологических данных о нем см. Evans H. Op. cit. P. 408–409.

смерти Агриппы²⁹⁴ информация об этом факте, вероятно, специально распространялась. В 43 г. до н. э. Агриппа предъявил обвинение по Педиеву закону Гаю Кассию, одному из убийц Цезаря (Vell. II. 69. 5), и добился его осуждения, а, следовательно, получил имущество осужденного или хотя бы его часть (Cass. Dio, XLVI. 49. 3)²⁹⁵. Проскрипции, начатые триумвирами в том же году, также дают основания предположить, каким образом в руках Агриппы сконцентрировались средства, достаточные для ремонта «всех» общественных зданий, улиц, канализации и строительства акведука Дева²⁹⁶. В любом случае, даже если денежные средства Марка Агриппы имели иное происхождение, имя ближайшего сподвижника Августа не могло не ассоциироваться с проскрипциями и конфискациями эпохи второго триумvirата. Строительные мероприятия, тем более такие масштабные, позволяли отвлечь римлян от воспоминаний о тяжелых событиях и одновременно продемонстрировать, что даже средства, изъятые у сограждан в эпоху проскрипций, Август и его соратники тратят не на собственную роскошь, а на улучшение жизни сограждан. Особенно выгодно смотрелись

²⁹⁴ В завещании Марк Агриппа предусмотрел для граждан возможность бесплатно пользоваться его Термами за счет своего состояния и оставил Августу своих обученных рабов для поддержания акведуков и фонтанов в рабочем состоянии Cass. Dio. LIV. 29. 4; Front. De Aquis. II. 98.

²⁹⁵ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 42, n. 69. Во времена Республики награда обвинителя, как правило, состояла в повышении его общественного статуса; материальное вознаграждение из имущества осужденного, вероятно, впервые было установлено законом Педия: Galsterer H. The Administration of Justice // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. 2 ed. Cambr., 2008. P. 402, n. 19.

²⁹⁶ Вопрос об имуществе Агриппы и его происхождении требует отдельного исследования, однако сложно поверить, что ближайший сподвижник Августа ничего не получил в результате масштабных проскрипций второго триумvirата Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 42, n. 69; P. 62, 135, 551–552.

эти мероприятия на фоне поведения Марка Антония, который также принимал участие в проскрипциях, однако предпочитал тратить свои богатства на Востоке²⁹⁷. Если его сторонники все-таки возвели в Риме некоторые сооружения (хотя и не в том количестве и не того масштаба, как соратники Октавиана), то сам Марк Антоний не строил там ничего²⁹⁸. Разумеется, отчасти это объясняется отсутствием триумвира в Риме²⁹⁹, однако следует отметить, что когда Цезарь-диктатор начал строить свой форум, он тоже находился не в Риме, а в Галлии (Suet. Iul. 26. 2; Cic. Att., IV, 16, 8)³⁰⁰.

Теперь подробнее остановимся на отдельных проектах. Ж.-М. Роддаз высказал мнение, что дельфины, установленные в Большом Цирке Агриппой (Cass. Dio XLIX. 43. 2), — это тоже фонтан, который обеспечивал воду для постановок морских баталий³⁰¹. Можно предположить, что Марк Агриппа не случайно выбрал именно дельфинов: они довольно тесно ассоциировались с ним самим и напоминали зрителям о его морских победах³⁰², их чеканили на монетах с его портретом³⁰³. Самые знаменитые морские победы Агриппа одержал при Милах, Навлохе и Акции. Если согласиться с выводами П. Цанкера, что изображение дельфинов использовалось для напоминания об

²⁹⁷ Mottershead G. The Constructions of Marcus Agrippa in the West. Melbourne. 2005. P. 207.

²⁹⁸ Osgood J. Op. cit. P. 328–330

²⁹⁹ Ibid. P. 328

³⁰⁰ Дж. Суми указывает еще на одну идеологическую цель строительных мероприятий Агриппы в 33 г. до н. э. — Октавиан стремился возродить и поддерживать в людях надежду, что гражданские войны закончились: Sumi J. S. Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2008. P. 210.

³⁰¹ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 150, 153; см. также: Fantham E. Julia Augusti: the Emperor's Daughter. L.; N.Y., 2006. P. 49

³⁰² Zanker P. Op. cit. P. 71

³⁰³ RPC. I. 1367, ср. RIC I (Gaius) 58.

этих победах, то эти же дельфины сразу наводили на мысль и о поражениях противников Агриппы — Секста Помпея и Марка Антония³⁰⁴.

В 33 г. до н. э. Марк Агриппа также очистил канализационную систему Рима и лично проконтролировал результаты реконструкции, проплыв по Большой Клоаке на лодке до Тибра (Cass. Dio, XLIX. 43; Plin. HN. XXXVI. 104). Едва ли в распоряжении эдила не нашлось людей, которые могли бы проверить качество выполненной работы. Представляется, что и это мероприятие содержало идеологический намек, довольно ясный и недвусмысленный: римскому народу предоставлялась возможность убедиться в том, что ближайшее окружение Августа вообще и Агриппа в частности не ограничивается простыми распоряжениями и детально вникает в процесс работы и контролирует ход и качество ее выполнения. То есть тщательно печётся о благе римского народа.

В источниках сохранилось еще одно любопытное свидетельство об этой программе Агриппы. Когда жители Рима жаловались Августу на дороговизну и нехватку вина, принцепс ответил: «Довольно позаботился мой зять Агриппа о строительстве акведуков, чтобы никто не страдал от жажды» (перевод мой). Данный эпизод свидетельствует о том, что эти работы Агриппы воспринимались как крупное благодеяние римскому плебсу: благодаря ему в общественных фонтанах вода текла днем и ночью (Front. De

³⁰⁴ Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 60–61, n. 48. Об особом значении воды и водной символики в строительной программе Агриппы и ее связи с его морскими победами см.: Grüner A. Das Pantheon des Agrippa: Architektonische Form und urbaner Kontext // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9–12, 2006 / Hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 2009. S. 49–53. О сакральном значении текущей воды в Древнем Риме см.: Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность: очерки. М., 1986. С. 30–84.

Aquis. II. 103–104)³⁰⁵; и, сославшись на него, принцепс имел возможность устыдить городской плебс за его чрезмерные требования, не опасаясь обвинений в скупости.

Перейдем к другим архитектурным проектам Агриппы в Риме. Хронологически первый объект, о котором имеются сведения — Септа Юлия. Септа представляла собой огороженный прямоугольник, освященный авгурскими обрядами как *templum* и разделенный перегородками на проходы и секции для удобства голосования по куриям, трибам или центуриям, который Агриппа завершил и посвятил в 26 г. до н. э. на Марсовом поле³⁰⁶. В Септу были перенесены трибутные комиции, возможно, и центуриатные тоже (Cic. Att. IV. 16. 8; Cass. Dio LIII. 23. 2)³⁰⁷. Проект этого строения принадлежал Цезарю, который не успел его закончить (возможно, не успел даже начать). В течение некоторого времени зданием занимался Лепид, однако к моменту разрыва с Октавианом работы еще не были завершены. Украсил и посвятил Септу Агриппа.

Наиболее подробные сведения об этих украшениях содержатся у Плиния (Plin. HN. XXXVI. 29), который упоминает Олимпа с Паном и Хирона с Ахиллом в Септе. О Хироне с Ахиллом говорит и Марциал (Mart. II. 14. 5–6). Из источников неясно, что это были за предметы искусства — картины или скульптурные группы. Плиний сообщает еще об одном любопытном предмете, хранившемся в Септе (Plin. HN. XVI. 201), о большом

³⁰⁵ Ср. отзыв современника — Горация (Hor. Serm. II. 3. 185–186): *scilicet ut plausus quos fert Agrippa feras tu, / astuta ingenuum volpes imitata leonem?* (Уж не мечтаешь ли ты сравняться в успехе с Агриппой, / Словно проныра лиса, благородному льву подражая?).

³⁰⁶ Shipley F. Op. cit. P. 38; Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore, L., 1992. P. 340; Demougin S. Quo descendat in campo petitor. Élections et électeurs à la fin de la République et au début de l'Empire // L'Urbs: espace urbain et histoire (Ier siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C). Rome, 1987. P. 306

³⁰⁷ Taylor L. R. Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966. P. 47; Sumi J. S. Op. cit. P. 52–53.

бревне, которое сочли слишком крупным, чтобы использовать его при строительстве Дирибитория — здания, функционально связанного с Септой, где проводились подсчеты голосов³⁰⁸. В длину оно составляло 100 футов, а в ширину — полтора фута. По словам Плиния, Агриппа оставил это бревно в Септе, как диковинку. Видимо, Агриппу занимали необычные вещи, и он стремился показать их другим. Дион Кассий называет Дирибиторий самым большим сооружением под единой крышей, и когда она разрушилась, ее уже не смогли восстановить (Cass. Dio LV. 8. 4). Д. Фавро считает, что строительство столь огромного здания и демонстрация бревна символизировали превосходство Августа над Цезарем, поскольку диктатор не покрыл Септу крышей³⁰⁹. Однако такая точка зрения не представляется убедительной. Во-первых, как говорилось выше, неизвестно даже, приступил ли Цезарь к строительству Септы, и, вероятнее всего, почти все строительство осуществили Лепид и Агриппа. Во-вторых, Септа была названа в честь Августа, поэтому противопоставление принцепса и диктатора вряд ли предполагалось (Cass. Dio, LIII. 23. 2). В-третьих, утверждение Диона Кассия не означает огромных размеров самого здания, но лишь уникальную конструкцию его крыши. Дирибиторий был существенно меньше Септы: он примыкал к ее короткой стороне и лишь ненамного ее превышал по высоте, а в ширину составлял около 43 м, тогда как сама Септа имела размеры 310 на 120 м³¹⁰ и в силу своей величины и назначения вряд ли вообще предполагала наличие крыши. Наконец, выставленное Агриппой бревно оказалось слишком велико для строительства Дирибитория — однако в Септу поместилось; следовательно, оно не подчеркивало размеры Дирибитория, но представляло интерес само по себе, как причуда природы. Вероятно, в Септе

³⁰⁸ Shipley F. Op. cit. P. 40–43; Richardson L. Op. cit. P. 109–110.

³⁰⁹ Favro D. The Urban Image of Augustan Rome. Cambridge, 1996. P. 181

³¹⁰ Richardson L. Op. cit. P. 110, 340

имелись и другие украшения, однако о них не сохранилось никакой информации³¹¹.

Самое очевидное идеологическое значение этой постройки Агриппы — показать связь и преемственность нынешнего режима с планами и проектами Цезаря. Октавиан с самого начала всячески подчеркивал и демонстрировал связь с приемным отцом и старался показать себя его наследником³¹². Особенно ярко этот тезис использовался в пропаганде эпохи гражданских войн, однако и во времена принципата, когда Август вводил непопулярный налог на наследство, он сослался на то, что выполняет распоряжение Цезаря (Cass. Dio, LV. 25. 5). Примечательно, что это заявление помогло. Завершение проекта, по меньшей мере, разработанного, пусть и не начатого, Юлием Цезарем, привлекало дополнительные симпатии цезарианцев к Октавиану и укрепляло лояльность тех, кто уже был на его стороне³¹³.

Прославление имени Цезаря и завершение его проекта могло вызвать одобрение ветеранов, плебса, италийцев, возможно, новых членов сената, которых ввел туда Цезарь. Однако едва ли в конце 30-х гг. до н. э. были основания рассчитывать, что столь же добрую память о диктаторе хранит и римский нобилитет. Можно предположить, что в это время Октавиан и

³¹¹ О колоннаде Септы см. Favro D. The Urban Image... P. 174

³¹² Zanker P. Op. cit. P. 33–37

³¹³ Л. Тэйлор высказала мнение, что Септа, по замыслу Цезаря, должна была соперничать с огромным комплексом Помпея на Марсовом поле: Taylor L. R. Roman Voting Assemblies... P. 48, однако представляется, что этих целей скорее достигал комплекс Марка Агриппы, построенный на том же Марсовом поле. В целом об увековечивании памяти о Цезаре-диктаторе в строительной программе Августа см.: White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. 1988. Vol. 42. No. 4. P. 336–340; Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 4–7; Zarrow E. M. The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate (44 BCE — CE 14): PhD Diss. New Haven, 2007. P. 147–199. О местонахождении Септы и ее функционировании по прямому назначению см.: Demougin S. Op. cit. P. 305–317.

Агриппа были больше заинтересованы в поддержке и симпатии армии, плебса и италийцев, чем римской аристократии. Кроме того, Септа, как помещение для голосований, демонстрировала один из пунктов пропаганды Октавиана — возрождение свободных выборов и опоры на народное собрание³¹⁴. Септа, названная именем Юлия, вероятно, должна была наводить на мысль об особых отношениях между Цезарем и его приемным сыном с одной стороны, и римским народом с другой. Впрочем, вскоре Август превратил Септу в многофункциональное строение, там проводились не только народные собрания, но и гладиаторские бои и звериные травли (Suet. Aug. 43. 4; Cass. Dio, LV. 8. 5; 10. 7), заседание Сената во время проведения Столетних игр в 17 г. до н. э. (CIL. VI. 32323. 50), встреча Тиберия, прибывшего в 9 г. н. э. из Германии (Suet. Tib. 17. 2; Cass. Dio LVI. 1. 1)³¹⁵.

Следующая постройка Агриппы — Портик Аргонавтов, заверченный в 25 г. до н. э.³¹⁶ Дион Кассий сообщает, что Агриппа построил этот портик в память о своих победах на море и украсил его картинами с изображением путешествия Аргонавтов (Cass. Dio, LIII. 27. 1)³¹⁷. Об этом же портике

³¹⁴ Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 163; Rich J. W., Williams J. H. C. *Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C.* // *The Numismatic Chronicle*. 1999. Vol. 159. P. 200–201, 206–207; библиографию см. P. 207, n. 109; Zanker P. *Op. cit.* P. 142; Sumi J. S. *Op. cit.* P. 190; Mottershead G. *Op. cit.* P. 209

³¹⁵ Demougin S. *Op. cit.* P. 316; Favro D. *The Urban Image...* P. 207; Sumi J. S. *Op. cit.* P. 52–53, 252. Э. Торторичи пишет, что украшения Септы превращали её в своеобразный музей-выставку живописи и скульптуры, который задумал Агриппа и что это очень хорошо перекликается с речью Агриппы о том, что предметы искусства следует выставлять для всеобщего обозрения, а не держать их в заточении на виллах: Tortorici E. *Op. cit.* P. 21–22.

³¹⁶ Richardson L. *Op. cit.* P. 312

³¹⁷ Подробнее о местонахождении портика, а также его связи с базиликой Нептуна см. Shipley F. *Op. cit.* P. 44–47; Reinhold M. *Marcus Agrippa...* P. 75, n. 61; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 260; Coarelli F. *Rome and Environs...* P. 285–289.

упоминает и Марциал (Mart. III. 20. 11). Ф. Шипли полагает, что выбор Аргонавтов был обусловлен скромностью Агриппы. По его мнению, подобный косвенный намек больше соответствовал характеру Агриппы, нежели ряд картин с изображением его собственных побед, которые прославляли бы их открыто³¹⁸. Однако из источников ясно, что связь между портиком Аргонавтов и победами Агриппы на море была очевидна и не скрывалась, Дион Кассий пишет об этом прямо. Возможно, Агриппа предпочел Аргонавтов не из личной скромности: если бы он украсил портик изображением собственных побед, подобное откровенное восхваление действительно выглядело бы слишком грубым в общей картине пропаганды Августа. Зато изображение Аргонавтов с одной стороны, прямо и ясно намекало на победы Агриппы на море, с другой — позволяло не раздражать недовольных режимом Августа (и прежде всего тех, кто в этих битвах сражался против его полководца) слишком навязчивой пропагандой. Сама идея украсить портик рядом картин на одну и ту же тему достаточно интересна. Это превратило его из простого строения, призванного защищать от палящего солнца или дождя, в некое подобие выставочной галереи. Также Э. Торторичи отмечает, что, по всей видимости, портик Аргонавтов служил одной из стен Септы и примыкал к Пантеону³¹⁹.

Агриппа построил еще одно здание, судя по всему, связанное с портиком Аргонавтов — базилику Нептуна. Сведения источников не дают возможности более подробно восстановить внешний вид базилики³²⁰, поэтому можно обратить внимание лишь на ее название³²¹. Примечательно, что Нептуна считал своим покровителем Секст Помпей (Cass. Dio. XVIII. 19. 2; 31. 5; 48. 5; App. BC. V. 100; RRC. 511/2–4). Выбрав для своей базилики

³¹⁸ Shipley F. Op. cit. P. 44

³¹⁹ Tortorici E. Op. cit. P. 42–44, 29 fig. 3.

³²⁰ См. подробнее Shipley F. Op. cit. P. 44–47.

³²¹ Различные предположения о происхождении этого названия см. Shipley F. Op. cit. P. 47.

именно такое название, Агриппа как бы объявлял, что отныне Нептун покровительствует Августу и его режиму, и одерживал еще одну, символическую победу над прежним противником³²². Конечно, для полководца, прославившегося своими морскими победами вполне естественно построить базилику, посвященную главному водному божеству античного пантеона, однако во время Сицилийской войны Секст Помпей так явно притязал на покровительство Нептуна и даже происхождение от него, что едва ли базилика, посвященная Агриппой тому же божеству, могла не напоминать о поражении младшего сына Помпея Магна.

Обратимся к самому знаменитому храму, который построил Агриппа — Пантеону. Пантеон, который и сегодня стоит на Марсовом поле и имеет на фронте надпись, указывающую, что его построил Агриппа — это храм времен Адриана. Долгое время считалось, что сохранившийся храм не имеет ничего общего с Пантеоном Агриппы³²³, однако новые раскопки показали, что Пантеон Адриана во многом повторял Пантеон Агриппы, который также имел прямоугольный портик, обращенный к северу, и круглую форму; впрочем, место ротонды Адриана занимал открытый священный участок (теменос) того же диаметра, огороженный примерно двухметровой стеной³²⁴.

³²² Примечательно, что Постум, сын Агриппы, именовал себя Нептуном Cass. Dio. LV. 32. 1; это тоже указывает на то, что в общественном сознании Агриппа был связан с морским богом.

³²³ Shipley F. Op. cit. P. 60–65; Richardson L. Op. cit. P. 283, Coarelli F. Rome and Environs... P. 285–289; Bleicken J. Augustus. Eine Biographie. Hamburg, 2010 (repr. 1998). S. 344.

³²⁴ Simpson C. J. The Northern Orientation of Agrippa's Pantheon: Additional Considerations // L'Antiquite Classique. 1997. T. 66. P. 169–176; Rehak P. Imperium and Cosmos. Augustus and the Northern Campus Martius. Madison. 2006. P. 21–22; Zarrow E. M. Op. cit. P. 186, n. 137; Broucke P. The First Pantheon: Architecture and Meaning // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference. Bern. November 9–12, 2006 / Hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 2009. P. 27; Grüner A. Op. cit. S. 42–44. Ср., однако, особое мнение А. Циолковского о том, что северную ориентацию имел Пантеон, построенный

А. Грюнер отмечает необычность этого сооружения: во-первых, сочетание круглого открытого двора с монументальным пронаосом; во-вторых, ориентация на север, то есть, в сторону от города³²⁵. Вторая особенность порой объясняется тем, что Пантеон расположен на одной оси с Мавзолеем Августа, на расстоянии половины римской мили к югу, оба здания были круглыми, а их входы были обращены друг к другу³²⁶; возможно, они задумывались как единый комплекс с династическим и религиозным подтекстом. Неподалеку находилась и гробница Юлиев, где был похоронен Цезарь³²⁷. А. Грюнер добавляет сюда еще одно соображение: между Пантеоном и Мавзолеем находилось обширное свободное пространство (Марсово поле в узком смысле слова), где постоянно скапливались большие массы народа, а в центре этого пространства стоял алтарь Марса, на котором совершались торжественные жертвоприношения во время церемонии люстра³²⁸. Таким образом, Пантеон и Мавзолей служили своего рода

Домицианом, а Пантеон Агриппы был обращен к югу, как и считалось ранее: Ziolkowski A. What did Agrippa's Pantheon Looked Like? New Answers to an Old Question // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference. Bern, November 9–12, 2006 / Hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler. Bern, 2009. P. 29–34. Данный автор также отстаивает гипотезу о том, что Пантеон первоначально представлял собой храм Марса, однако эта точка зрения, насколько можно судить, не встречает поддержки в научной литературе: Ziolkowski A. Was Agrippa's Pantheon the Temple of Mars «In Campo?» // PBSR. 1994. Vol. 62. P. 261–277; Ziolkowski A. What did Agrippa's Pantheon... P. 34–39. См. также комментарии Э. Торторичи о Пантеоне Агриппы: Tortorici E. Op. cit. P. 38–42.

³²⁵ Grüner A. Op. cit. S. 44–44.

³²⁶ Отмечается, впрочем, что вход в Мавзолей ориентирован чуть западнее линии, соединяющей его с Пантеоном: Rehak P. Op. cit. P. 22; Ziolkowski A. What did Agrippa's... P. 35.

³²⁷ Simpson C. J. The Northern Orientation... P. 73–74; Zarrow E. M. Op. cit. P. 192–193; Broucke P. The Pantheon of Agrippa and the Mausoleum of Augustus // AJA. 2000. Vol. 104. P. 366; Broucke P. The First Pantheon... P. 27–28; Grüner A. Op. cit. S. 53–55.

³²⁸ Grüner A. Op. cit. S. 58–62.

симметричным обрамлением и оформлением этого пространства (для чего Пантеону и потребовался столь монументальный пронаос), а алтарь Марса был третьим элементом комплекса: ось шла от общности богов в Пантеоне к алтарю Марса, покровителю Марсова поля и рода Юлиев³²⁹, а оттуда — к принцепсу и его династии в Мавзолее³³⁰ (ср. выше). Отмечается и еще одна любопытная деталь: Пантеон, вероятно, расположен на том месте, где, как полагали, Ромул исчез и стал богом³³¹. Если это предположение верно, то Пантеон связывал старую династию с новой, напоминал об апофеозе Цезаря и предвещал апофеоз Августа³³².

Дион Кассий сообщает, что Агриппа хотел поставить внутрь храма статую Августа и назвать храм в его честь, то есть Августеем, но император отказался и тогда Агриппа поставил внутрь статую Цезаря-диктатора, а в нишах возле входа — свою и Августа (Cass. Dio LIII. 27. 3)³³³. В литературе высказывалось мнение, что такое расположение статуй (Цезаря-диктатора внутри, Августа — снаружи) вновь подчеркивало разграничение между принцепсом и его приемным отцом³³⁴. Однако с этим трудно согласиться.

³²⁹ А. Грюнер пишет о Марсе как прародителе Юлиев: Gruner A. Op. cit. S. 63, однако это неверно; несмотря на важное значение Марса в идеологии Августа (см. об этом ниже), принцепс не притязал на прямое происхождение от него: Zanker P. Op. cit. P. 195–201

³³⁰ Gruner A. Op. cit. S. 62–63.

³³¹ Zarrow E. M. Op. cit. P. 193–194, nn. 163–164, где он ссылается на работы Ф. Коарелли и Дж. Стэмпера, которые мне остались, к сожалению, недоступны.

³³² Wood S. Urban Imagery and Visual Narrative: The Campus Martius in the Age of Augustus [Электронный ресурс] // The School of Historical Studies Postgraduate Forum e-Journal. Ed. 2. 2003. P. 9. Режим доступа: <https://www.societies.ncl.ac.uk/pgfnewcastle/files/2015/05/Wood-Urban-Imagery-and-Visual-Narrative.pdf> (дата обращения: 01.09.2018 г.); Zarrow E. M. Op. cit. P. 193–194.

³³³ О статуе Цезаря в Пантеоне Zarrow E. M. Op. cit. P. 185–195. Автор оспаривает мнение Д. Фишвика: Fishwick D. The Statue of Julius Caesar in the Pantheon // Latomus. 1992. Vol. 51. P. 329–336 о том, что это была почетная статуя, а не культовое изображение.

³³⁴ Ramage E. Augustus's Treatment of Julius Caesar // Historia. 1985. Bd. 34, Hbd. 2. P. 244.

Если бы принцепс желал отмежеваться от памяти приемного отца, следовало бы не помещать свою статую у входа в храм, где стояла статуя диктатора, а просто не ставить туда статую Цезаря. Сомнительно, что в этом случае Август сразу утратил бы симпатии всех цезарианцев.

Известны не все скульптуры, стоявшие в этом храме во времена Агриппы, но примечательно, что те пять статуй, о которых сохранились сведения, имеют отношение или к роду Юлиев или непосредственно к Августу (статуи Августа и Агриппы снаружи и статуи старшего Цезаря, Марса и Венеры внутри) (Cass. Dio LIII. 27. 2)³³⁵. Венера считалась родоначальницей и покровительницей рода Юлиев. С Марсом ассоциировалась месть Октавиана за убийство Цезаря, а также возвращение парфянских знамен, которым Август очень гордился³³⁶. По-видимому,

³³⁵ М. Рейнхолд предполагает, что Пантеон был посвящен Марсу и Венере, богам-покровителям рода Юлиев: Reinhold M. Marcus Agrippa... P.76

³³⁶ О связи Венеры с родом Юлиев см.: Weinstock S. Op. cit. P. 15–18; о Венере в пропаганде Цезаря см.: Weinstock S. Op. cit. P. 80–93. О Марсе в пропаганде Цезаря см.: Weinstock S. Op. cit. P. 128–132, где высказывается предположение, что идея культа Марса как мстителя парфянам за поражение Красса принадлежала диктатору. О значении Марса в пропаганде Августа см.: Rich J. W. Augustus's Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum // PBSR. 1998. Vol. 66. P. 79–97, с библиографией; Таривердиева С. Э. Храм Марса на форуме Августа: Bis Ultor // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / Под ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2015. С. 160–172. Правда, в этой статье я исходила из общепринятой точки зрения, что статуя Цезаря стояла в самом храме Марса, но, возможно, она стояла в зале Колосса, см.: Galinsky K. [Rev. op.:] V. Goldbeck, *Fora augusta. Das Augustusforum und seine Rezeption im Westen des Imperium Romanum*. Regensburg, 2015 [Электронный ресурс] // BMCR. 2016. 19 Sept. Режим доступа: <http://bmcr.brynmawr.edu/2016/2016-09-19.html#t2> (дата обращения: 01.09.2018 г.); Papini M. [Recensione] // BJ. 2001. Bd. 201. P. 575–578; Hurlet F. [Compte rendu] // REA. 2002. T. 104, №1–2. P. 286 — рецензии на книгу: Spannagel M. *Exemplaria Principis. Untersuchungen*

Пантеон изначально был построен для прославления рода Юлиев и Августа лично³³⁷.

Об архитектурных украшениях Пантеона сохранилось всего несколько упоминаний. Плиний сообщает, что Пантеон Агриппы украшал Диоген из Афин и что кариатиды на колоннах храма «на редкость прекрасны», как и статуи на фастигии, но последние не слишком знамениты из-за того, что очень высоко расположены (Plin. HN. XXXVI. 38)³³⁸. Капители храма были изготовлены из сиракузской бронзы (Plin. HN. XXXIV. 13). От строения Агриппы сохранилось также несколько фрагментов фриза с изображением жреческой утвари и морскими мотивами, вновь напоминающими о его знаменитых победах³³⁹. Если верно предположение П. Брука о том, что круглое здание на рельефе из гробницы Гатериев — это Пантеон Агриппы, то его фронтоном украшал гражданский венок — и такой же венок был прикреплен над дверью дома Августа согласно постановлению сената, принятому в 27 г. до н. э.³⁴⁰; это украшение еще раз характеризует Пантеон как храм, первоначально задуманный в качестве Августея. А. Грюнер, впрочем, полагает, что фронтоном Пантеона Агриппы изображен на фрагменте

zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums. Heidelberg, 1999, которая, к сожалению, осталась мне недоступна.

³³⁷ Platner S. B., Ashby T. A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L., 1929. P. 382; Taylor L. R. The Divinity of the Roman Emperor. Philadelphia, 1975. P. 166–167; Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.—Л.. 1949. С. 599; Шифман И. Ш. Указ. соч. С.164; Richardson L. Op. cit. P. 283; Favro D. The Urban Image... P. 108–109; Kienast D. Augustus und Caesar... S. 6; Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. S. 229–230; 416

³³⁸ Возможно, некоторые из кариатид были перенесены Адрианом на его виллу в Тиволи и сохранились до сих пор Broucke P. The Caryatids from Hadrian's Villa at Tivoli and the Pantheon of Agrippa // AJA. 1999. Vol. 103. P. 312; Broucke P. The First Pantheon... P. 27–28.

³³⁹ Broucke P. The First Pantheon... P. 28.

³⁴⁰ Ibid.

рельефа из Римского национального музея и его украшали фигуры Марса, Реи Сильвии и волчицы с близнецами³⁴¹. Исследователи отмечают сходство украшений Пантеона с украшениями форума Августа: диаметр экседра форума соответствовал диаметру Пантеона; оба сооружения содержали культовые статуи Марса и Венеры и были украшены кариатидами³⁴². Интересную подробность о статуе Венеры сообщают Плиний и Макробий (Plin. HN. IX. 121; Macrobi. Sat. III. 17. 17). По их словам, серьги для нее были изготовлены из половинок крупной и знаменитой жемчужины, которая ранее была вставлена в серьгу, принадлежавшую Клеопатре. Вторую из этой пары жемчужин царица, как сообщается, растворила в уксусе и выпила, чтобы устроить обед стоимостью в десять миллионов сестерциев и таким образом выиграть пари у Антония. Поэтому украшение Венеры в Пантеоне, с одной стороны, напоминало римлянам о вызывающем и недостойном поведении Клеопатры и Антония, об их тщеславии и расточительности, а с другой стороны — намекало на подчинение Египта Риму, поскольку добыча, отобранная у иноземной царицы, была передана богине-родоначальнице римского народа и рода Юлиев.

Наконец, следует подробнее остановиться на своего рода развлекательном комплексе, в который Агриппа превратил Марсово поле. Термы — одно из самых знаменитых его сооружений. Вероятно, Агриппа начал возводить их в 25 г. до н. э., однако завершено строительство было лишь в 19 г. до н. э.³⁴³ Интересное мнение высказал Ж.-М. Роддаз: он

³⁴¹ Grüner A. Op. cit. S. 61–62

³⁴² Zarrow E. M. Op. cit. P. 194–195; Broucke P. The First Pantheon... P. 28. А. Леск полагает, что в августовском Риме кариатиды несли двойную смысловую нагрузку: подражание классическим Афинам и их покорение: Lesk A. «Caryatides probantur inter pauca operum»: Pliny, Vitruvius, and the Semiotics of the Erechtheion Maidens at Rom // Arethusa. 2007. Vol. 40. P. 42.

³⁴³ Richardson L. Op. cit. P. 386; Cass. Dio, LIII. 27. 1; Front. De Aquis. I. 10. Но см. мнение Э. Торторичи, который считает, что слова Диона Кассия «πυριαιτήριον τὸ Λακωνικόν»

указывает, что подобный банный комплекс был для Рима новшеством и, опираясь на Диона Кассия (Cass. Dio, LIII. 27. 1), предполагает, что, возможно, именно Агриппа сделал доступным и популярным времяпровождение, сочетающее телесные удовольствия с культурным досугом³⁴⁴.

Подробнее всего об украшениях Терм рассказывает Плиний: «...в самом горячем помещении своих Терм он вправил в мраморные плиты маленькие картины...»³⁴⁵ (Plin. HN. XXXV. 26) «Агриппа в Термах, которые он построил в Риме, глиняную работу в горячих помещениях расписал энкаустикой, остальное украсил побелкой, хотя он, несомненно, сделал бы стеклянные своды, если бы это было придумано раньше...»³⁴⁶ (Plin. HN. XXXVI. 189).

Отдельно стоит упомянуть статую «Апоксиомен» работы скульптора Лисиппа, которую Агриппа поставил возле Терм. Статуя очень нравилась народу, и когда император Тиберий забрал ее к себе в комнату, люди подняли в театре крик, требуя вернуть статую на место, и принцепсу пришлось уступить (Plin. HN. XXXIV. 62). По-видимому, возмущение народа было вызвано не только тем, что его лишили прекрасного зрелища, но и тем, что Тиберий попытался отобрать у народа произведение искусства, которое

означают не часть Терм, а гимназий, где можно было заниматься физическими упражнениями и вести философские беседы: Tortorici E. Op. cit. P. 47–48.

³⁴⁴ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 278–279; Tortorici E. Op. cit. P. 49 (он не считает, что Термы Агриппы были первыми публичными термами в Риме, но тоже видит в его комплексе некоторые новаторские особенности).

³⁴⁵ ...in thermarum quoque calidissima parte marmoribus incluserat parvas tabellas, paulo ante, cum reficerentur, sublatas.

³⁴⁶ ...Agrippa certe in thermis, quas Romae fecit, figlinum opus encausto pinxit in calidis, reliqua albario adornavit, non dubie vitreas factururus camaras, si prius inventum id fuisset aut a parietibus scaenae. Энкаустика — техника росписи восковыми красками горячим способом — С. Т.

было передано ему в дар и, соответственно, воспринималось как его законная собственность.

Канал и искусственное озеро (Euripus и Stagnum) также входили в состав банного комплекса. До Агриппы подобного в Риме не строили. Канал получал воду из акведука Дева, который также построил Марк Випсаний, и который, вероятно, снабжал водой искусственное озеро, а затем выходил в Тибр. Таким образом, вода и в самом канале и в озере постоянно менялась. Благодаря этому она все время оставалась холодной и чистой, и там многие купались (Sen. Ep. 83. 5).

Искусственное озеро и канал были окружены парком — садами Агриппы (Cass. Dio LIV. 29)³⁴⁷. Сохранились сведения только об одной из скульптур, украшавших эти сады — «Павшем льве» Лисиппа, которого Агриппа привез из Лампсака и поставил в парке между озером и каналом (Strab. XIII. 1. 19)³⁴⁸.

Весь комплекс построек превратил Марсово поле в зону отдыха, каких ранее в Риме не было. Более поздние авторы часто упоминают эти строения как весьма посещаемые места и, судя по этим сообщениям, римляне высоко оценили усилия Агриппы. Марсово поле оставалось местом гимнастических и военных упражнений молодежи (Hor. Carm. III. 7. 25–27; Strab. V. 3. 8)³⁴⁹, однако теперь там появилось много новых возможностей для досуга и развлечений. В трактате «Об ораторе» Цицерон рассказывает забавную историю о том, что «когда другие упражнялись на Марсовом поле, то Марк

³⁴⁷ Shipley F. Op. cit. P. 55

³⁴⁸ О технических и топографических характеристиках этих сооружений см.: Lloyd R. B. The Aqua Virgo, Euripus and Pons Agrippae // AJA. 1979. Vol. 83. P. 193–204; Coarelli F. Rome and Environs... P. 285–289

³⁴⁹ В. Гардтхаузен предполагает, что по завершении строительных работ эти упражнения проводились только на поле Агриппы: Gardthausen V. Op. cit. S. 753. Авл Геллий, впрочем, говорит о нем как о месте для прогулок Gell. XIV. 5. 1

Лепид разлегся на траве и заявил: “Вот так бы, по мне, и работать!”» (Cic. De Or. II. 287)³⁵⁰. Катон Старший, суровое воплощение нравов и обычаев предков, вряд ли одобрил бы подобные устремления (ср. Plut. Cat. Mai. 20), однако сам Лепид, несомненно, приветствовал бы преобразование Марсова поля, которое осуществил Агриппа.

Преобразование Марсова поля в «двор для отдыха»³⁵¹, конечно, служило целям пропаганды мира Августа: наступления Золотого века, эпохи мира и спокойствия. На поле, предназначенном для физических упражнений и сбора войск, теперь был устроен парк отдыха, который символизировал, что отныне враги побеждены и больше не грозят Риму³⁵². Марсово поле теперь стало местом общенародного отдыха и досуга. Раньше лишь богатые римские аристократы на своих виллах могли наслаждаться роскошными термами, парками и портиками, украшенными шедеврами искусства. Теперь такую возможность получил весь римский народ³⁵³. Любопытно, что у Плиния сохранились сведения о публичном выступлении Агриппы на сходную тему (Plin. HN XXXV, 26): «Его великолепная и достойная

³⁵⁰ ut M. Lepidus, cum, ceteris se in campo exercentibus, ipse in herba recubisset, “vellem hoc esset”, inquit “laborare”.

³⁵¹ По выражению С. Вуда: Wood S. Op. cit. P. 5

³⁵² Ф. Коарелли высказал предположение, что Агриппа вел свое строительство на месте частных садов, которые принадлежали сперва Помпею, затем Антонию, а после битвы при Акции перешли в его собственность: Coarelli F. Il Campo Marzio occidentale. Storia e topografia // MEFRA. 1977. Т. 89, № 2. P. 816–818. Однако В. Жоливе справедливо отмечает, что это предполагало бы неправдоподобно огромные размеры садов Помпея Jolivet V. Les jardins de Pompee: nouvelles hypotheses // MEFRA. 1983. Т. 95, № 1. P. 127–128; представляется более вероятным, что сады Помпея на Марсовом поле оставались в частной собственности Агриппы до его смерти, после чего по завещанию перешли в публичное пользование Cass. Dio LIV. 29. 4.

³⁵³ Смышляев А. Л. Рим: эпоха принципата // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 622.

величайшего гражданина речь о том, что все картины и статуи должны стать общественным достоянием, и это было бы лучше, чем удалять их в изгнание по виллам»³⁵⁴. Преображение Марсова поля, инициированное и осуществленное Августом и Агриппой можно рассматривать как продолжение политики, начатой Помпеем (он построил большой постоянный театр) и Цезарем (он завещал свои сады римскому народу)³⁵⁵. Еще Цицерон отмечал, что народ ненавидит роскошь у частных лиц, а в общественных делах ценит ее (Cic. Mur. 76). Очевидно, Август и Агриппа также понимали эту особенность и тем самым с помощью преобразования Марсова поля привлекли к себе дополнительные симпатии плебса.

Мы знаем еще об одной постройке Агриппы на Марсовом поле — о его гробнице (Cass. Dio, LIV. 28. 5). На сегодняшний день неизвестно ни как выглядела эта гробница, ни где конкретно она находилась, ни когда была построена. Едва ли при почти полном отсутствии этих данных можно делать выводы об идеологическом значении этого строения, единственное, что можно сказать — такая гробница подчеркивала особую роль Марка Агриппы в государстве. Интересно, что местом для своей гробницы Агриппа выбрал именно Марсово поле: с одной стороны, оно являлось почетнейшим местом для похорон³⁵⁶, а с другой — сам же Агриппа украсил и перестроил его так, что оно полностью преобразилось.

Другие постройки, связанные с Агриппой, в частности, его мост или портик Випсания, в котором хранилась его карта, в диссертации не рассматриваются, поскольку мост, являясь сугубо практическим строением, едва ли представляет большой интерес с идеологической точки зрения, а

³⁵⁴ ...exstat certe eius oratio magnifica et maximo civium digna de tabulis omnibus signisque publicandis, quod fieri satius fuisset quam in villarum exilia pelli.

³⁵⁵ О преемственности с Цезарем см.: Tortorici E. Op. cit. P. 54–55.

³⁵⁶ Честь погребения там присуждалась особым разрешением сената за выдающиеся заслуги: Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. Санкт-Петербург, 2000. С. 207, прим. 20.

здания, построенные после смерти Агриппы, не позволяют оценить, насколько идеологический подтекст этого строения был задуман самим Агриппой³⁵⁷.

П. Цанкер справедливо пишет, что основной целью всей строительной деятельности Агриппы в Риме было прославление Октавиана-Августа и режима принципата. Однако интересно заметить, что эта деятельность была поручена именно Агриппе, уже имевшему ко времени своего эдилитета славу победоносного полководца и флотоводца. В 30-е гг. до н. э. и позднее многие дороги ремонтировались и храмы реставрировались другими аристократами в соответствии с предложениями Августа. Однако только с именем Агриппы ассоциируется столь широкое строительство. Сам Август тоже строил в Риме достаточно много, однако между его мероприятиями и программой Агриппы существует различие — постройки Агриппы носят несколько более бытовой и практический характер³⁵⁸ или предназначены для развлечения и отдыха плебса. Нам неизвестно никаких подробностей о масштабных ремонтных работах, проведенных Агриппой во время эдилитета в 33 г. до н. э., источники лишь сообщают, что он отреставрировал «все» общественные здания и улицы. Поскольку не сохранилось никаких названий, можно сделать вывод, что здания эти и дороги были не слишком знамениты, и все же именно их реставрацию взял на себя Марк Агриппа. Строения же Августа носили в большинстве своем более «официальный» характер и скорее находились постоянно перед глазами более высоких слоев римского общества — сената и всадников, например, арки на Римском Форуме в честь побед Августа, курия Юлия, базилика Юлия, храм Божественного Цезаря, Алтарь Мира Августа, Форум Августа со всеми постройками и так далее.

³⁵⁷ Об идеологическом подтексте складов Агриппы, см. мнение П. Цанкера: Zanker P. *Op. cit.* P. 143.

³⁵⁸ Это кратко отмечают М. Рейнхолд и Дж. Моттершед: Reinhold M. Marcus Agrippa... P. 162, Mottershead G. *Op. cit.* P. 209.

Разумеется, нельзя говорить о том, что все здания Агриппы построены только для плебса, а Августа — только для высших слоев общества. Речь может идти лишь о некоторых преобладающих тенденциях в строительных программах. Эти тенденции отражаются также в территориальном размежевании их деятельности: если Август вел масштабные строительные работы в политическом и деловом центре старого республиканского Рима, на Палатине, Капитолии, Форуме и прилегающих к ним территориях (хотя, конечно, ими не ограничивался), то Агриппа сосредоточил свои усилия на Марсовом поле, центральная часть которого прежде оставалась почти незастроенной, а теперь превратилась в «виллу для простого народа»³⁵⁹.

В чем причины такого различия? Возможно, все объясняется достаточно просто и дело в том, что Агриппа взял на себя заботы об организации водоснабжения в Риме, что повлекло за собой ремонт и строительство ряда функциональных сооружений. Однако возникает вопрос: почему эти заботы не взял на себя Август? Более вероятным представляется иное объяснение. В отличие от Августа, имевшего кровное родство с одним из знатнейших патрицианских родов — Юлиями и усыновленного Цезарем, Марк Агриппа ни знатностью, ни наличием столь знаменитых родственников не отличался. Несмотря на свои заслуги, военные победы и должности, в глазах римского нобилитета Агриппа все равно оставался «новым человеком». Однако Агриппа был вторым человеком после Августа в государстве, обладал огромным влиянием и, вероятно, этим еще больше раздражал представителей римской аристократии.

Можно предположить, что несколько разная расстановка акцентов в строениях Августа и постройках Агриппы позволяла императору и его другу приобрести тем самым симпатии и плебса и нобилитета: если плебс, вероятно, откликнулся бы на заботу любого из них, то привлечь к себе нобилитет Августу, пожалуй, было проще, чем Агриппе. Плебеи могли

³⁵⁹ Gardthausen V. Op. cit. S. 979; Zanker P. Op. cit. P. 141; Grüner A. Op. cit. S. 46–47.

убедиться, что Агриппа заботится об их интересах и развлечениях, а Август имел возможность чаще демонстрировать представителям римской аристократии плоды своих трудов, которые настроили бы их в его пользу. Важное исключение составляет, конечно, Пантеон, однако если он должен был восприниматься, как храм Августа (Августей), то понятно, что сам Август не мог заниматься его строительством и должен был кому-то его поручить.

Стоит отметить, что со времен гражданских войн и в эпоху принципата никто не мог сравниться с Агриппой и Августом по масштабу строительных мероприятий. Интересно разобраться, как соотносятся между собой их вклады. На этот счет высказывалось два мнения. Дж. Моттершед полагает, что строительные программы Августа и Агриппы соответствовали их иерархии в государстве, а именно: Агриппе позволялось помогать Октавиану в деле привлечения на свою сторону народа, но Агриппа не мог принимать участия в строительстве памятников, имевших политическое или религиозное значение для нового режима, эта привилегия принадлежала принцепсу³⁶⁰. Совершенно иного мнения придерживается А. Грюнер. Он подробно рассматривает взаимное расположение Пантеона и мавзолея Августа и приходит к выводу, что оба эти строения символизировали равное положение в государстве Августа и Агриппы, на что намекали, по его мнению, и статуи у входа в Пантеон; более того, поскольку в постройках Агриппы часто и многократно присутствует тема воды, это постоянно напоминало римлянам о победах Агриппы, а соответственно, нельзя рассматривать его постройки лишь как прославление Августа.

Обе версии, однако, представляются излишне категоричными. А. Грюнер прав в том, что строительная программа Агриппы принесла ему славу и популярность у плебса. Полководец называл строения своим

³⁶⁰ Mottershead G. Op. cit. P. 210. Ср. Favro D. The Urban Image... P. 113, где также утверждается, что слава за строительные проекты Агриппы доставалась Августу.

именем³⁶¹, открыто напоминал о своих победах и заслугах, поэтому вряд ли можно сводить его роль лишь к помощи принцепсу. Кроме того, представляется несколько спорным мнение Дж. Моттершеда, что постройки Агриппы имели меньшее политическое и религиозное значение для нового режима, чем строения Августа. Можно ли однозначно отдать предпочтение в этом смысле храму Марса Мстителя перед Пантеоном? Действительно ли базилика Юлия или курия Юлия были политически более значимы для нового режима, чем Септа или организация водоснабжения в Риме? Представляется, что однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Постройки эти выполняли столь разные функции, что крайне сложно отыскать даже критерий, по которому можно провести сравнение. Кроме того, идеология эпохи Августа — явление комплексное, многогранное и очень сложное, и не всегда следует рассматривать значение каждой постройки изолированно. Выше упоминались работы, в которых исследуется изменение облика Рима в целом при Августе — Д. Фавро, С. Вуд, П. Цанкер и др. Без подобного тщательного анализа едва ли возможно признать вывод Дж. Моттершеда обоснованным и убедительным.

Однако точка зрения А. Грюнера также вызывает некоторые сомнения. Агриппа действительно напоминал своими постройками о собственных победах и заслугах, однако не следует игнорировать и, например, акведук Юлия или Септу Юлия, названные им в честь Августа. Сложно также согласиться с выводом автора, что Пантеон составлял идеологически симметричную пару с мавзолеем Августа. Во-первых, А. Грюнер справедливо замечает, что у входа в Пантеон стояли статуи и Агриппы и Августа, однако при этом автор игнорирует сообщение источника (Cass. Dio LIII. 27. 3) о том, что изначально полководец собирался поставить статую Августа внутрь Пантеона и назвать его Августеем. Но нам ничего неизвестно

³⁶¹ Р. Ханслик отмечает, что Агриппа начинает называть строения своими именами с 25 г. до н. э., имея в виду Пантеон и Лаконик: Hanslik R. Op. cit. Sp. 1250.

о том, чтобы Август ставил возле своего мавзолея статую Агриппы хоть в каком-то виде, хотя его собственная статуя увенчивала это сооружение. Однако стоит отметить любопытный момент, который обходит вниманием А. Грюнер: после смерти Агриппы Август похоронил его в своем мавзолее, несмотря на то, что на Марсовом поле у друга принцепса была собственная гробница. Однако этот факт вряд ли можно считать подтверждением версии о равнозначности Пантеона и мавзолея, символизирующей равенство Августа с Агриппой: первым в мавзолее Августа был похоронен юный Марцелл, племянник императора. Едва ли это позволяет говорить о равном положении в государстве Августа, Агриппы и Марцелла. Поэтому точка зрения А. Грюнера также выглядит не вполне убедительной.

Представляется, что истина находится между этими позициями. Дж. Моттершед прав в том, что, несмотря на масштабность строительной программы Агриппы, на прославление его побед, на взаимное расположение Пантеона и Мавзолея, в строительной политике он все же занимал второе место после Августа, что соответствовало его положению в государстве. С другой стороны, вряд ли можно согласиться с Дж. Моттершедом в том, что задачей Агриппы была лишь помощь Августу в обретении любви плебса: несомненно, славу и популярность за свои проекты прежде всего приобрел сам Агриппа. Наконец, важно отметить, что Агриппа занимал второе место из двух. Третьего места в этой сфере не было. В области строительства принцепс и его друг настолько опередили всех остальных, что в данном случае «второе место» Агриппы, несомненно, является весьма почетным и исключительным. Поскольку общественное строительство в Риме при Августе велось в основном его друзьями и родственниками, масштабы строительной деятельности Агриппы должны были подчеркнуть, какая дистанция отделяла его от остальных друзей и родственников императора.

Материал, изложенный в этой главе, помогает проследить «горизонтальное» расширение компетенций Агриппы, а также позволяет увидеть, как единичные случаи постепенно превращались в опоры принципата.

Отказ Агриппы от триумфа в 38 г. до н. э., который ему предоставили по просьбе Октавиана, вероятнее всего, был обусловлен стечением обстоятельств и личными причинами: в 38 г. до н. э. положение Октавиана было настолько шатким, что продумывать систему построения единовластия было бы слишком рано. Но в 19 г. до н. э. ситуация, возникшая в 38 г. до н. э., была воспроизведена снова, уже намеренно: лучший и заслуженный полководец Августа получает триумф за сложнейшую победу — и отказывается от него. Наконец, в 14 г. до н. э. состоялось закрепление: Агриппа в третий раз отказался от предоставленного триумфа. После этого триумф безраздельно становится прерогативой императорской семьи, ибо прочие полководцы не решаются на него притязать. В более общем виде эта политика отражена в совете, который Агриппа совет своим соратникам: оставлять почести принцепсу. Этот совет отражает вовсе не опасения Агриппы насчёт его собственного будущего, но их с Августом общие пожелания относительно поведения честолюбивых нобилей.

Чеканка Агриппы позволяет нам проследить постепенную эволюцию его положения в государстве. В 38 г. до н. э., будучи наместником Галлии, Агриппа на своих монетах играет роль «подписанта», который отдаёт главное место Октавиану и Цезарю, а сам остается в тени. Однако данные выпуски имеют огромное идеологическое значение и способствуют укреплению авторитета Октавиана в тяжёлый для него период в чрезвычайно важной для него провинции. Затем Агриппа долгое время не появляется в централизованной римской чеканке и лишь время от времени появляется на провинциальных выпусках. Но после того, как в 18 г. до н. э. Агриппа получает трибунскую власть и проконсульский империй, картина постепенно меняется — и примечательно, что перемены начинаются в Немаузе, то есть в

том самом регионе, где Агриппа чеканил свои первые монеты. Начиная с 16–15 гг. до н. э. (см. прим. 248) нимские бронзовые монеты, посвящённые одновременно Августу и Агриппе, выпускаются на протяжении многих лет и в огромных количествах. Теперь Агриппа занимает место рядом с Августом уже не в местной чеканке, а в императорской — правда, бронзовой и предназначенной преимущественно для легионеров и жителей провинций (и это тоже роднит её с выпусками 38 г. до н. э.)³⁶², зато необыкновенно обширной. А уже в 13 г. до н. э., спустя всего лишь 2–3 года, портрет Агриппы появляется и на серебряных и золотых монетах, отчеканенных в самом Риме. На реверсах денариев Мария и Платорина Агриппа и Август изображены как коллеги и соправители, занятые государственными делами; на других выпусках Платорина реверс полностью посвящён Агриппе: мы видим его полноценный портрет и легенду с его именем, причём стилистически Агриппа изображен в том же виде, что и Август: на денарии они оба с непокрытой головой, на аурее — оба в венках. Б. Сивери, как представляется, справедливо отмечает, что в римской чеканке Агриппа предстаёт в образе соправителя Августа, как его коллега, но не как младший член династии, наследник или преемник³⁶³.

³⁶² Suspène A. Op. cit. P. 30–33; Besombes P.-A. Les ateliers de Nîmes et de Lyon sont-ils des ateliers militaires? // Actas del XIII Congreso internacional de Numismàtica / Ed. C. Alfaro et al. Madrid, 2005. P. 975–977.

³⁶³ Severy B. Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire. N.Y., 2003. P. 75–77. Иное мнение высказывает К. Ламп, которая указывает, что традиция изображать наследника на реверсе монет пошла именно от этой чеканки Августа: Lamp, K. S. A City of Marble: The Rhetoric of Augustan Rome [Электронный ресурс]. Columbia: Univ of South Carolina Press, 2013. Илл. 18 и текст к ней. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=Vf7DBwAAQBAJ> (дата обращения: 01.09.2018 г.). Но мне представляется более убедительной точка зрения Б. Сивери, поскольку очевидно, что на реверсах денариев RIC I (Augustus) 400, 407 Агриппа выступает в первую очередь как коллега Августа, который вместе с ним занимается государственными делами.

И, наконец, строительство — важнейшая часть идеологии Августа. Его анализ позволяет не только проследить положение самого Агриппы, не только увидеть, как их с Августом мероприятия приобретают всё больший размах, но и выявить своеобразное разделение сфер влияния, той аудитории, на которую они стараются произвести впечатление, чтобы в итоге приобрести симпатии как можно более широких кругов. Усилия Агриппы больше направлены на плебс, усилия же Августа — на высшие классы.

Теперь отступим от идеологической составляющей и попытаемся проследить становление соправления в 29–18 гг. до н. э., проанализировав реформы государственного устройства и оформление полномочий соправителей в этот период.

Глава 3. Становление соправления

(29–18 гг. до н. э.)

Во «Введении» к настоящей диссертации подробно рассмотрена историография исследуемой темы, поэтому здесь будут лишь кратко повторены самые важные пункты. В историографии выдвигались различные теории о природе соправления. В нём видели восстановление традиционной республиканской коллегиальности¹, «диархию» принцепса и соправителя², систему, при которой соправители являются помощниками императора, гоотовящими его наследников к власти³, тандем «государя мира» (сам принцепс) и «государя войны» (соправитель)⁴. Как уже говорилось выше, эти точки зрения уже подробно проанализированы и оспорены французским историком Ф. Юрле, но при этом сам исследователь является сторонником т.н. теории «регентства» Марка Агриппы, которая тоже представляется спорной⁵.

Также Ф. Юрле верно ставит вопрос о том, как соотносились соправление и наследование. Исследователь соглашается с гипотезой о том, что задачей соправителя было обеспечение спокойного перехода власти к

¹ Castritius H. Der Römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982. S. 9, 30–31.

² Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium romanum. Leipzig; B., 1930. S. 9, 12, 15–17, 179.

³ Grenade P. Essai sur les origines du principat. P., 1961. P. 440–441, 468–469, 476–478 и т. д. Ср. Brunt P. A. [Revue op:] Essai sur les origines du principat by P. Grenade // JRS. Vol. 51. 1961. P. 236–238.

⁴ Piganiol A. Les pouvoirs constitutionnels et le principat d'Auguste // JS. 1937. №4. P. 150–166, особ. 164–165.

⁵ Hurlet F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. Rome, 1997. P. 544; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 376; Sawiński P. Marcus Agrippa: Collega Imperii or successor to Augustus? The Succession Issue Between 23 and 12 BC // Palamedes. 2013. №8. P. 153–154.

кровным наследникам принцепса⁶. Но Агриппа занимал рядом с Августом второе место уже тогда, когда не встал еще даже вопрос о наследовании Марцелла, не говоря о Гае и Луции. И если, как считает французский исследователь, Агриппа с 21 г. до н. э. (после женитьбы на Юлии) стал «до некоторой степени инструментом на службе режима, который позволил Августу рассчитывать на кровных наследников», то кем Агриппа был до этого?

Представляется, что на эти вопросы можно найти ответы, если, опираясь на достигнутые результаты в изучении этой системы, рассмотреть динамику ее зарождения при Августе и Агриппе, проследить путь ее развития до 18 г. до н. э. и поворотные моменты, когда изначальная идея явно претерпевала изменения.

3.1. Становление нового порядка (29–27 гг. до н. э.)

Прежде чем рассматривать развитие соправления с 29 г. до н. э. (когда Август, победивший в гражданских войнах, вернулся в Рим), кратко остановимся на любопытном эпизоде в конце 31 г. до н. э. Дион Кассий (LI. 3.5) рассказывает, что через некоторое время после битвы при Акции в Италии заволновались ветераны, желавшие получить награды за свою службу. Октавиан опасался, что Меценату, как всаднику, не достанет влияния для разрешения ситуации и поэтому отправил в Италию Агриппу, консуляра и победителя при Навлохе. Греческий историк пишет, что младший Цезарь дал Агриппе и Меценату неограниченные полномочия – они могли вскрывать, читать и по своему усмотрению изменять его письма сенату и другим корреспондентам, и для этого отдал им дубликат своего

⁶ Он пишет это конкретно об Агриппе: Hurler F. Les collègues... P. 544.

перстня-печатки⁷. Для настоящего исследования этот эпизод представляется достаточно интересным по двум причинам. Во-первых, Октавиан явно считал, что более высокий социальный статус поможет Агриппе справиться с ситуацией успешнее, чем Меценату. При этом никаких дополнительных формальных полномочий он Агриппе не предоставил, в этом смысле полководец и покровитель поэтов находились в равном положении⁸. Различия лежали в иной плоскости - *auctoritas*. Разумеется, у Агриппы — блестящего полководца, получившего золотой венок в 36 г. до н. э. (причем источники сообщают об уникальности этой награды)⁹, сенатора и консуляра, — *auctoritas* была выше, чем у всадника Мецената. Во-вторых, если сведения об их полномочиях, в том числе о праве вскрывать и изменять письма, дошли до Диона Кассия, вряд ли в 31–30 г. до н. э. они были тайной. То есть младший Цезарь, не имея возможности самостоятельно прибыть в Италию для решения проблемы, рассчитывает на *auctoritas* Агриппы и усиливает ее при помощи дополнительного неофициального поручения¹⁰.

Теперь обратимся к 29 г. до н. э. Младший Цезарь вместе с Агриппой в этом году провели пересмотр списка сенаторов (Suet. Aug. 35; Cass. Dio LII. 42. 1; RGDA VIII). В этом же году Август занимает консульство в пятый раз, а Агриппа становится избранным консулом (во второй раз) на 28 г. до н. э. Оба они получили цензорские полномочия, не занимая при этом должностей

⁷ Hurler F. Les collègues... P. 184; Instinsky H. U. Die Siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1961. S. 25–26.

⁸ Т. Р. С. Броутон пишет, что сначала Агриппа был легатом Октавиана в Ахтийской войне, а потом в полной мере разделил с Меценатом полномочия «представителя» молодого Цезаря: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 422.

⁹ Возможно, уникальным был не сам венок Агриппы, а порядок его присуждения. Более подробно см. прим. 1 гл. II настоящей работы.

¹⁰ Однако Агриппе все же пришлось настоятельно вызывать в Италию Октавиана, поскольку справиться с ветеранами не удавалось: Plut. Ant. 73.

цензоров (CIL IX. 422): «Император Цезарь, консул в шестой раз, Марк Агриппа, консул во второй раз на основании цензорской власти провели люстр»¹¹. Эта запись в Венузийских фастах относится к 28 г. до н. э., то есть, они начали свою цензорскую работу в 29 г. до н. э. и продолжили в 28 г. до н. э. Список сената был пересмотрен в 29 г. до н. э., перепись и люстр проведены в 28 г. до н. э. (RGDA. 8).

В эпоху Республики цензура венчала senatorскую карьеру, должности выше в *cursus honorum* не было, а полномочия цензоров продолжались 18 месяцев (полтора года). Вопрос о том, на основании каких полномочий Август проводил последующие пересмотры списка сената и люстры (в 8 г. до н. э. и в 14 г. н. э.) — пользуясь консульской властью или же вновь на основании *ensoria potestas*, остаётся спорным¹².

Но для настоящей работы важен сам тот факт, что первый пересмотр списка сената, перепись и люстр будущий Август провёл именно вместе с Агриппой и почти сразу по возвращении в Рим из Египта. Возникает закономерный вопрос — почему? Как представляется, дело здесь в том, что это были первые «гражданские» мероприятия после победы над Антонием и Клеопатрой, символизировавшие окончание эпохи смут, к тому же, люстр означал еще и очищение римского народа и государства, имел важное

¹¹ Imp(erator) Caesar VI M(arcus) Agrippa II / idem censoria potest(ate) lustrum fecer(unt).

¹² См. библиографию вопроса у Дж. Шайда: Scheid J. *Commentaire // Res Gestae Divi Augusti*. P., 2007. P. 36–37. Однако в любом случае ценз 29–28 гг. до н. э. вместе с Агриппой Август проводил, обладая специальными цензорскими полномочиями. См. по этому вопросу также: Ferrary J.-L. *À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers Glotz*. 2001. T. 12. P. 125–127, особ. п. 98; Jones A.H.M. *Censorial Powers of Augustus // Idem. Studies in Roman Government and Law*. N.Y., 1968. P. 19–26; Astin A. E. *Augustus and «censoria potestas» // Latomus*. T. 22. F. 2. P. 231–232; Tarwacka A. «Censoria potestas» Oktawiana Augusta // *Zeszyty prawnicze*. 2011. T. 11, № 1. P. 360–375. Также см. библиографию: Castán S. *Marco Agripa y Augusto. Poder, imperium maius y problema sucesorio en el contexto de las tensiones República-Principado*. Madrid, 2013. P. 213, n. 58.

религиозное значение¹³. Поэтому младший Цезарь и старался провести их как можно скорее. В этом случае понятно, почему в качестве коллеги его устраивал только Агриппа, а не кто-то другой. Если проведенные мероприятия отчасти символизировали наступление мира, то осуществляя их вместе с Агриппой, будущий Август показывал, что новый порядок в государстве будет прочно связан с ним самим и его ближайшим соратником¹⁴.

Перейдем к 28–27 гг. до н. э. Оба года Агриппа и младший Цезарь были коллегами по консульству. На это время приходится значительный объем реорганизационных мероприятий¹⁵, но сосредоточимся лишь на тех эпизодах, которые имеют отношение к теме исследования.

Начнём с их совместных консульств в 28 и 27 гг. до н. э. Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаз согласны в том, что в эти годы Агриппа формально обладал равными с Августом полномочиями, причем в обеих составляющих консульского империя – *militiae* и *domi*¹⁶. Что же касается смысла и подоплёки этого двойного консульства, то оба исследователя считают, что таким способом Август старался поддержать фикцию коллегиальности,

¹³ О значении люстра см. напр.: Wiseman T. P. *The Census in the First Century B.C.* // *JRS*. 1969. Vol. 59. P. 64. Также религиозное значение люстра подтверждает и пассаж «Деяний» Августа, где он упомянут между перечислением его жреческих должностей и рассказе об обетах и молитвах за его здоровье (RGDA. 7–9).

¹⁴ Т. П. Уайзмен в более общем виде указывает, что этот люстр был необходим для последующего «восстановления Республики»: Wiseman T. P. *The Census...* P. 71.

¹⁵ При рассмотрении событий этих лет, я придерживаюсь хронологии, предложенной в статье: Rich J. W., Williams J. H. C. *Op. cit.* P. 169–213, поскольку новый обнаруженный аурей, который анализируют авторы, указывает на ошибочность хронологии Диона Кассия.

¹⁶ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 203–204; Roddaz J.-M. *Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire* // *Cahiers Glotz*. 1992. T. 3. P. 202–203; Hurlet F. *Les collègues...* P. 30–32.

продемонстрировать, что эпоха чрезвычайных полномочий окончилась, и все вернулось к республиканским порядкам¹⁷. Однако примечательны слова Диона Кассия, который пишет, что сам не знает, делил ли Август фасции с другими коллегами, поскольку (LIII. 1.1–2): «Агриппе он всегда исключительно благоволил» (здесь и далее в переводе А. В. Махлаюка, если не указано иное). Конечно, нельзя исключать, что будущий Август демонстрировал и возвращение коллегиальности и равенства полномочий консулов в управлении государством, но вряд ли это было его главной целью, учитывая, кого именно он взял коллегой¹⁸. Сомнительно, что такая фикция могла обмануть их современников, которые видели, что на протяжении пятнадцати лет Агриппа нерушимо сохранял лояльность Октавиану и одерживал для него важные победы. Эпоха гражданских войн и триумvirата закончилась, но во главе государства все так же оставался младший Цезарь, а ближайшим его помощником все так же оставался Агриппа. В этом отношении двойное консульство 28–27 гг. до н. э. ничего не изменило. Представляется, что если бы именно демонстрация возвращения к республиканским порядкам являлась главной целью Октавиана, второе консульское место было целесообразнее отдать какому-нибудь представителю республиканского нобилитета, как было сделано, например, в

¹⁷ Такого же мнения придерживается и Ф. Верват, который указывает, что хотя это была совершенно явная фикция, она значила много в глазах старого республиканского нобилитета: Vervaet F. J. *The Secret History. The official Position of Imperator Caesar Divi filius from 31 to 27 BCE* // *Ancient Society*. 2010. Vol. 40. P. 92.

¹⁸ Следует отметить, что Ф. Юрле в другой работе пишет, что, вероятно, в эти годы военный империй Агриппы был символическим и ограничивался предместьями Рима, но не предполагал, что Агриппа станет выезжать вслед за Августом из Италии: Hurlet F. *L'aristocratie augustéenne et la respublica restituta* // *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes, 1er-2 juin 2007* / Ed. F. Hurlet, B. Mineo. Rennes, 2009. P. 79–80.

23 г. до н. э., когда коллегой Августа стал Пизон, а не Агриппе, незнатному и неизменно верному стороннику Октавиана и его личному другу.

Ж.-М. Роддаз пишет, что, взяв своим коллегой Агриппу, Август показывал: консульская власть вновь становится высшей¹⁹. Представляется, что это мнение верно в ограниченных хронологических рамках – с 28 г. до н. э. по 26 г. до н. э. включительно, когда высшую власть с Августом делили его верные сторонники – Агриппа (28 и 27 гг. до н. э.) и, пусть не равный Агриппе по значимости, но второй после него – Статилий Тавр (26 г. до н. э.)²⁰. Но уже в 25 и 24 гг. до н. э. консульство занимали Марк Силан и Норбан Флакк соответственно — люди далеко не столь влиятельные.

Ф. Юрле толкует смысл этого двойного консульства так, что Август и Агриппа опробовали экспериментальную модель, которая предвещала будущее сотрудничество между этими двоими при осуществлении императорской власти²¹. Мнение Ф. Юрле выглядит более обоснованным, чем гипотеза Ж.-М. Роддаза, однако судя по тому, что окончательное становление этого «принципа будущего сотрудничества» он датирует 23 г. до н. э., французский историк подразумевает под ним наличие у Агриппы и Августа формальных полномочий. Однако в 26–24 гг. до н. э. Марк Агриппа остался без формальной должности, и причину этого источники не проясняют. Но тогда почему же именно Агриппа становится коллегой будущего Августа по консульству в 28 г. до н. э. и почему на два года подряд? Какую именно систему правления планировал в это время младший Цезарь?

Представляется, что ответить на эти вопросы возможно, если рассмотреть их совместное консульство несколько шире, в контексте проводившихся государственных реформ, изменившихся обстоятельств

¹⁹ См. прим. 16.

²⁰ Syme R. *The Roman Revolution*. Oxf., 1939. P. 237.

²¹ Hurlet F. *Les collègues...* P. 32.

личной жизни Марка Агриппы, а также последовавших четырёх лет, когда он не имел никаких формальных полномочий.

Сначала попробуем ответить на первые два вопроса – почему в 28–27 гг. до н. э. коллегой Августа по консульству становится именно Агриппа, и почему на два года подряд? Для Республики ситуация, когда два человека два года подряд являются консулами, была не слишком характерна, а пример Цинны и Карбона в 85–84 гг. до н. э. едва ли являлся удачным образцом. Если, как уже было показано выше, демонстрация возвращения к республиканским порядкам не была главной целью, тогда что ею являлось? 28–27 гг. до н. э. считаются неким рубежом, переходом от эпохи гражданских смут к мирному времени, и пограничными их описывает даже сам Август (RGDA 34). Дж. Рич и Дж. Уильямс на основании относительно недавно обнаруженного аурея убедительно показали, что значительная часть реформ пришлась на 28 г. до н. э., а в сумме весь процесс реорганизации занял как раз эти 2 года²². Соответственно, эти годы были крайне важны для Октавиана – он должен был одновременно отказаться от чрезвычайных полномочий (чтобы демонстративно покончить с эпохой триумvirата) и провести все необходимые реформы, причем в нужный срок и в нужной форме. Представляется, что в этом кроется причина его совместного консульства именно с Агриппой на протяжении 2-х лет. Младший Цезарь, по-видимому, был уверен, что такой коллега не только не станет ему мешать, но и поможет²³.

²² См. прим. 15.

²³ Сходного мнения придерживается и Ф. Верват, который считает, что выбор именно Агриппы в качестве коллеги показывает, как заботился Август о том, чтобы никто в это время не помешал его проектам: Vervaet F. J. *Op. cit.* P. 141. Также см. статью А. Джованини, который подробно анализирует надпись из Ким и приходит к выводу, что Агриппа и Август в эти годы имели формальное право и возможность давать указания наместникам провинций: Giovanini A. *Les pouvoirs d'Auguste de 27 à 23 av. J.-C. Une relecture de l'ordonnance de Kymè de l'an 27 (IK 5, № 17)* // ZPE. 1999. Bd. 124. P. 95–106.

Однако Агриппа был не единственным постоянным соратником Октавиана, существовал еще, по меньшей мере, Статилий Тавр, который был консулом-суффектом в 37 г. до н. э. (Агриппа в том же году был ординарным консулом). Почему младший Цезарь не выбрал его²⁴? Здесь мы подходим ко второму вопросу: какую именно систему правления планировал в это время Октавиан? Подсказать ответ может серьезное изменение в личной жизни Агриппы, случившееся примерно в это же время²⁵ – он женился на Марцелле, племяннице Октавиана²⁶, стал не просто его другом, но его родственником²⁷. И это еще больше должно было повысить *auctoritas* Агриппы, который к этому времени дважды уже был консулом, имел уникальные военные награды (см. выше) и обладал наравне с младшим Цезарем особыми цензорскими полномочиями. Но зачем Октавиану потребовалось в этот период повышать *auctoritas* Агриппы? Ответ на этот вопрос может подсказать ситуация, сложившаяся в 26–24 гг. до н. э., когда Агриппа остался в Риме без формальных полномочий.

²⁴ Возможно, конечно, что здесь сыграла роль личная привязанность Октавиана к другу детства и более высокая степень доверия к нему, но судить об этом с уверенностью нельзя.

²⁵ Скорее всего, в 28 г. до н. э. См. Cass. Dio. LIII. 1. 2.

²⁶ Неизвестно, что случилось с первой женой Агриппы – Цецилией: развод или смерть. Мне более вероятным представляется последний вариант, поскольку в рассказе Непота о смерти ее отца Аттика в 32 г. до н. э. упоминается его зять Агриппа, и не упоминается сама Цецилия, однако возможным остается и первый вариант. Nep. Att. 21–22.

²⁷ По всей видимости, Юлия, дочь Августа, предназначалась в жены более молодому человеку, который после смерти Августа сможет встать во главе государства. Рассчитывать в этом смысле на Агриппу вряд ли приходилось, поскольку Агриппа был ровесником Августа, и не было особых оснований считать, что он намного переживет своего друга. Подробнее об этом см. в статье: Таривердиева С. Э. Марцелл и династическая политика Августа в 29–23 гг. до н. э. // *Studia Historica*. 2013. Вып. 13. С. 158–177, особ. 176.

3.2. Марк Агриппа в статусе *privatus* (26–24 гг. до н. э.)

Летом 27 г. до н. э. Август уехал в Галлию, а в начале 26 г. до н. э. в Тарраконе принял восьмое консульство (Cass. Dio LIII. 22. 5; Suet. Aug. 26. 3). Агриппа в это же время находился в Риме и не имел никаких официальных полномочий. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что в эти годы Агриппа вновь неформально выполнял роль представителя Августа, как в 31–29 гг. до н. э.²⁸ Но это предположение представляется спорным, так как если для 31–29 гг. до н. э. у нас имеются ясные свидетельства о том, что Меценат и Агриппа выступали представителями младшего Цезаря, имели копию его перстня-печатки и могли от его имени писать письма сенату, то ничего подобного относительно 26–24 гг. до н. э. не известно. Кроме того, такая практика вновь напомнила бы всем о временах триумvirата и гражданских войн, что для Августа было нежелательно. Представляется, что мероприятия 28–27 гг. до н. э. отчасти были нацелены как раз на то, чтобы избежать повторения подобной ситуации.

Но если положение Агриппы в 26–24 гг. до н. э. не было таким же, как в 31–29 гг. до н. э., то каким оно было? Почему после двойного консульства ближайший соратник Августа остался без полномочий? Период 26–24 гг. до н. э. весьма важен для понимания того, какое место в системе правления Август планировал для своего друга. Чтобы найти ответ на этот вопрос, рассмотрим внимательнее политическую ситуацию, сложившуюся в это время, строительные мероприятия Агриппы в этот же период и попытаемся определить – имелись ли в его распоряжении какие-то неформальные механизмы, при помощи которых он мог влиять на политические процессы в Риме или же его руки были полностью связаны отсутствием официальной должности.

²⁸ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 231, Hurlet F. Les collègues... P. 32.

Начнем с должности префекта города. Первым префектом города был Мессала Корвин (Тас. Ann. VI. 11, Hieron. Chron. 188.3), назначенный как раз в этот период отсутствия Августа. Точная дата назначения Корвина является спорной – лето 27 г. до н. э. или 26 г. до н. э.²⁹ В дальнейшем взята за основу последняя датировка – лето 26 г. до н. э., поскольку Иероним ясно указывает на этот год³⁰, а все сомнения основаны на том, что в его «Хронике» содержится множество ошибок, а Августу логичнее было создать эту должность именно в 27 г. до н. э., когда он уезжал из Рима. Такие основания не представляются достаточными для опровержения прямого указания источника.

Спорным является и вопрос о том, имел ли префект города в своем распоряжении какие-то реальные силы. О создании городских когорт сообщает Светоний (Aug. 49. 1): «Остальные отряды он отобрал отчасти для охраны города, отчасти — для своей собственной» (перевод М. Л. Гаспарова)³¹. Д. Кинаст, например, считает, что уже у Мессалы могли быть под командованием городские когорты, но более вероятным ему кажется, что их получил только следующий префект, Статилий Тавр в 16 г. до н. э.³². С. Ручинский считает вполне вероятным, что когорты были созданы уже во время префектуры Мессалы Корвина, а потом, когда он оставил пост, вернулись в подчинение к своим командирам и императору³³. То есть, ясности в датировке создания городских когорт нет до сих пор. Если их еще не существовало, то должность префекта города была просто почетной без

²⁹ Библиографию см.: Ruciński S. Praefectus urbi. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain. Poznań, 2009. P. 49–50.

³⁰ Исходя из расчета годов Олимпиады (по которым ведет повествование Иероним), назначение относится к июлю 26 г. до н. э. (третий год 188 Олимпиады).

³¹ ...ceterum numerum partim in urbis partim in sui custodiam adlegit ...

³² Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch / Aufl. 4. Darmstadt, 2009. S. 330.

³³ Ruciński S. Op. cit. P. 162. См. у него же подробное изложение дискуссии о датировке создания городских когорт: P. 158–163.

каких-либо реальных полномочий и не имела бы для Агриппы никакого смысла. Но если городские когорты уже были созданы и находились в распоряжении городского префекта, почему Август не дал эту должность своему самому надежному стороннику, что укрепило бы положение последнего и одновременно дало ему возможность в случае кризиса действовать самостоятельно?

Важным представляется обратить внимание на следующее: во время отсутствия Августа в Риме, его коллегами по консульствам были следующие люди:

- в 27 г. до н. э.: Марк Агриппа, давний соратник, чья верность не вызывала никаких сомнений;

- в 26 г. до н. э.: Статилий Тавр, тоже относительно давний сторонник младшего Цезаря, не дававший повода заподозрить себя в нелояльности;

- в 25 г. до н. э.: Марк Юний Силан, который сначала находился у Секста Помпея, а после Мизенского мира присоединился к Марку Антонию и лишь в 31 г. до н. э. из-за разногласий с окружением Клеопатры перешел на сторону Октавиана (Plut. Ant. 59).

В таком контексте назначение Мессалы Корвина префектом летом 26 г. до н. э. выглядит любопытным. Корвин был более давним соратником Октавиана, чем Силан, но он был известен, как близкий друг Кассия, убийцы Цезаря, участвовал в битве при Филиппах на стороне Брута и Кассия (Plut. Brut. 40–41), а после разгрома республиканцы даже избирали его своим лидером (Vell. II. 71), но он отказался и убедил многих присоединиться к Антонию. Причиной его перехода к Октавиану, судя по всему, тоже стало недовольство влиянием Клеопатры.

Заглянем на несколько лет вперед и вспомним, что одним из действий Августа в 23 г. до н. э. был отказ от ежегодного занятия одного консульского

места, который расценивается в историографии как уступка нобилитету³⁴. Весьма вероятно, что зачатки этого недовольства начали проявляться несколько раньше – двухгодичное совместное консульство Августа и Агриппы, а затем консульство Августа и Статилия Тавра явно показывали, что эта высшая должность в государстве отныне безраздельно принадлежит только младшему Цезарю и его верным и давним сторонникам. Вряд ли нобили могли приветствовать такое положение дел. И назначение в 26 г. до н. э.³⁵ на должности консула и префекта города сразу двух политиков, имевших в прошлом весьма тесные связи с врагами Октавиана, могло быть своеобразной демонстрацией того, что он не пытается лишить сенаторов карьеры.

То есть в 26 г. до н. э. сложилась ситуация, когда дать консульскую должность Агриппе возможным не представлялось. Городскую префектуру, полученную Корвином, Агриппе нельзя было дать по той же причине, что и консульство. Какие оставались варианты? Другие доступные магистратуры не только не усилили бы его положение, но еще и уронили бы его *auctoritas* (тем более, Агриппа уже в 33 г. до н. э. совершил подобный «спуск» по карьерной лестнице, когда после консульства в 37 г. до н. э. стал в 33 г. до н. э. эдилом). Оставался единственный выход, который и был реализован: Агриппа должен был опираться на собственную *auctoritas*, поддерживавшуюся авторитетом и влиянием Августа. Г. Роу в статье, посвященной анализу фразы из *Res Gestae*, верно задается вопросом о

³⁴ Э. Грюен, однако, расценивает этот поступок Августа не как уступку, а как возможность оказывать более широкий патронат в сословии сенаторов, но и он признает, что это было сделано именно для того, чтобы облегчить нобилиям доступ к консульству: Gruen E. *Augustus and the Making of the Principate* // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / Ed. K. Galinsky. Cambr., 2005. P. 36.

³⁵ Оба назначения, видимо, состоялись в 26 г. до н. э., но префект вступил в должность сразу, а консул – только с 25 г. до н. э.

механизме реализации *auctoritas* применительно к Августу³⁶. Справедливо задаться аналогичным вопросом и в случае Агриппы.

В первую очередь, *auctoritas* Агриппы должна была проявляться в том, что в отсутствие Августа в сенате он, вероятно, высказывал своё мнение первым – он уже был три раза консулом, вместе с Августом проводил люстр и пересмотр списка сенаторов (что вероятно, соответствовало рангу цензория, тем более, что иных цензоров на тот момент в сенате не было), имел уникальные военные награды³⁷. Это право высказываться первым было достаточно важным, поскольку Август позаботился о том, чтобы получить его для себя (RGDA. 8).

Кроме того, как представляется, об особом упоре на *auctoritas* Агриппы свидетельствует его строительная деятельность, в первую очередь, постройка Пантеона. В третьем параграфе предыдущей главы были проанализированы различия в строительной политике Августа и Агриппы³⁸, на основании чего был сделан следующий вывод: в строительных проектах место Агриппы было вторым, но важно то, что оно было вторым из двух – третьего не существовало³⁹. В рамках рассматриваемого периода особенно примечательно помещение двух колоссальных статуй Августа и Агриппы в пронаосе Пантеона в 25 г. до н. э. Еще более примечательно, что решение

³⁶ Rowe G. Reconsidering the Auctoritas of Augustus // JRS. 2013. Vol. 103. P. 1–15.

³⁷ Отметим, что согласно Светонию (Aug. 66. 3), друзья Августа, в частности, Агриппа и Мecenат, почитались первыми в своих сословиях (*ordinis principes floruerunt*). Мecenат оставался всадником, но Агриппа входил в сословие сенаторов.

³⁸ Также см. статью: Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 6–25.

³⁹ Конечно, в правление Августа строения возводили и другие, например, Бальб-младший (театр), Статилий Тавр (амфитеатр) и др.: Suet. Aug. 29, но нет никого, кто вел бы строительную деятельность в Риме даже не равного, а хотя бы сопоставимого с Августом и Агриппой масштаба (даже если считать только Рим, без провинций).

принималось ими совместно, а сам Агриппа изначально собирался ставить статую принцепса внутрь (Cass. Dio, LIII. 27. 3). Пантеон при этом явно связывался с родом Юлиев. Представляется, что намек был достаточно ясен – Август занимал главенствующее положение, но вторым человеком был Агриппа. К тому же, обширное строительство помогало Агриппе завоевывать популярность у плебса, поддержка которого была очень важна для режима Августа⁴⁰. В 33 г. до н. э., в свой эдилитет, Марк Випсаний уже начал благоустраивать Рим – серьезно улучшил систему водоснабжения, отремонтировал улицы и общественные здания, очистил Большую клоаку. Тогда его работы служили интересам плебсу, но не слишком бросались в глаза, теперь же положение изменилось и Агриппа начинает строить большие, впечатляющие сооружения: Септа, Дирибиторий, портик Аргонавтов, базилика Нептуна. Эти здания не просто украшали город, приносили пользу плебсу и давали дополнительные рабочие места, но и напоминали о победах Агриппы (портик Аргонавтов и базилика Нептуна) или указывали на преемственность с Цезарем, который пользовался исключительной любовью римского плебса (Септа)⁴¹.

Еще одной демонстрацией того, что Агриппа по уровню влияния и месту в государстве приближается к Августу стало переселение прославленного полководца в дом Августа. В 25 г. до н. э. сгорел дом на Палатине, который Агриппа делил с Мессалой Корвином, и Август пригласил друга жить к себе, тогда как Мессале выплатил денежную компенсацию (Cass. Dio LIII. 27. 5). Разумеется, едва ли этот пожар был специально устроенным, но принцепс явно воспользовался подвернувшейся возможностью, как и в следующий раз, когда болезнь задержала его в

⁴⁰ О значении плебса см.: Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxf., 1969. P. 91–101.

⁴¹ Подробнее об идеологическом смысле построек Агриппы в это время см. Таривердиева С. Э. Строительная деятельность.... С. 12–17.

Тарраконе и брачной церемонией Марцелла и Юлии вместо него руководил именно Агриппа (Cass. Dio LIII. 27. 5).

На основании всего вышесказанного можно прийти к следующим выводам относительно положения Агриппы в государстве в 26–24 гг. до н. э. Поскольку сразу после урегулирования 27 г. до н. э. Август отправился в западные провинции, Агриппе требовалось оставаться в Риме и контролировать там обстановку. Однако Август не нашёл возможности дать ему в Риме официальную должность и войска, не вызывая при этом недовольства у аристократии (а возможно, и у других своих сторонников, которые тоже могли рассчитывать на магистратуры), поэтому вынужден был сделать упор на его *auctoritas*. Таким образом, Август был консулом и имел в своем распоряжении легионы, но отсутствовал в Риме, зато там оставался Агриппа, с преобладающей *auctoritas*, но без магистратуры и без войск. Для мирного и спокойного времени эта конструкция должна была казаться достаточно надежной: в случае каких-то трудностей или беспорядков в Риме или провинциях сенат, оглядываясь на консула Августа во главе легионов, вероятнее всего, предоставил бы Агриппе любые необходимые полномочия. При этом она была и удобной: Агриппа, свободный от магистратуры, в любой момент мог занять именно ту должность, которая наиболее подходила бы для решения возникшей проблемы. В таких обстоятельствах говорить о полноценном соправлении, разумеется, не приходится, но, на мой взгляд, в этот период продолжают развиваться тенденции к своеобразному асимметричному соправлению и расстановка сил в области строительства отражает общую картину: Агриппа всё более явственно выступает как второй из двух⁴². Разумеется, нельзя утверждать, что в 26–23 гг. до н. э. соправление существовало хоть в сколько-нибудь законченном виде или что Агриппу можно считать на этом этапе соправителем Августа, хотя бы и не равным

⁴² Веллей Патеркул (Vell. II. 79) утверждает, что Агриппа умел повиноваться «но только одному» (перевод А. И. Немировского).

ему. Но, хотя Агриппа и не был полноценным соправителем (каковым он стал позднее), но занимал куда более высокое положение, чем просто один из друзей Августа, один из членов его совета, пусть даже самый авторитетный.

Следует также отметить, что в 26–24 гг. до н. э. вырисовывается вторая «пара» наследников, которые после смерти Августа и Агриппы должны будут занять их место – Марцелл и Тиберий соответственно⁴³. Начало этому процессу было положено в 29 г. до н. э., когда оба юноши приняли участие в триумфе Августа, заняв место родных сыновей, Марцелл ехал на более почетном месте – справа от колесницы триумфатора, Тиберий – слева. Следующим событием для Тиберия и Марцелла стало участие в кантабрийской войне в 26 г. до н. э. Оба они служили военными трибунами и вместе руководили играми в честь основания колонии Эмериты. То есть перед войсками они выступали в равных позициях. В 25–24 г. до н. э. карьерные пути юношей начинают расходиться: Марцелл женится на единственной дочери Августа Юлии, избирается курульным эдилом на следующий год, получает сан понтифика, ранг претория в сенате и право

⁴³ О системе «парных» наследников написано достаточно много. Первым, насколько мне известно, эту идею высказал Э. Корнеман в работе о двойном принципате: Kornemann E. *Op. cit.* 209 S. Но его концепция, в некоторых отношениях слишком схематичная и противоречащая фактам (например, в том, что он считает Ливию соправительницей Тиберия), не была принята. См. подробный разбор его идей с библиографией: Hurlet F. *Les collègues...* P. 374–380. Как представляется, Ф. Юрле прав в том, что в изначальном виде теорию Корнемана принять нельзя. Однако по сути идея о существовании «пар» наследников, во всяком случае, в обсуждаемый период, верна, если реконструкцию Корнемана немного скорректировать. Отчасти это сделала Б. Левик, но она считает, что такая идея у Августа сформировалась только к 18 г. до н. э.: Levick B. *Tiberius the Politician*. L.; N.Y., 1999. P. 16; Levick B. *Drusus Caesar and the Adoptions of 4 A. D.* // *Latomus*. 1999. T. 25. P. 229, n. 2. Положение Марцелла и Тиберия рассматривалось в предыдущих статьях: Таривердиева С. Э. Марцелл и династическая политика Августа... С. 158–177; Она же. Место Тиберия в династической политике Августа до 23 г. до н. э. // ВДИ. 2015. № 3. С. 79–90.

занять консульскую должность на десять лет раньше законного срока, а Тиберий, уже давно, еще до 32 г. до н. э. обрученный с Випсанией, дочерью Агриппы, получает от Августа квестуру на следующий год и право избираться на должности претора и консула на пять лет раньше законного срока (Plin. NH. XIX. 6. 24; Tac. Ann. I. 3. 1; Cass. Dio LIII. 28. 3). Таким образом, к 23 г. до н. э. Тиберий и Марцелл были зятьями Агриппы и Августа, соответственно, и получали различные привилегии, с одной стороны, возвышавшие их над всеми остальными аристократами, а с другой – отличавшие их и друг от друга: привилегии Марцелла явно были почетнее тех, что получил Тиберий.

3.3. Кризис (23 г. до н. э.)

Кардинально положение изменилось в 23 г. до н. э., когда грянул кризис, и конструкция предыдущих лет во всей полноте проявила свою ненадежность. Этот год считается переломным сразу по нескольким причинам: принцепс взял своим коллегой убеждённого республиканца, затем отказался от ежегодного консульства, приняв взамен проконсульские полномочия, получил в полной и окончательной форме трибунскую власть, ставшую одной из главных опор его правления. Кроме того, умер предполагаемый его преемник – Марцелл, а сам Август, полагая, что умирает, передал государственные документы коллеге-консулу, а кольцо-печатку Агриппе (Suet. Aug. 28. 1; Cass. Dio LIII. 30. 1–2). Положение последнего с этого года резко меняется, и Марк Випсаний до самой своей смерти больше никогда не остается без формальных полномочий, причем в подавляющем большинстве случаев⁴⁴ они дают право командования армией.

⁴⁴ Неясно, имел ли Агриппа полномочия командовать войсками в то время, когда находился в Риме – в 21 г. до н. э. и в 18–17 гг. до н. э.

Сосредоточимся на двух ключевых проблемах: на эпизоде с передачей кольца и на изменении положения Агриппы. Сперва кратко остановимся на личности коллеги Августа в этом году, которому он, находясь при смерти, передал книгу с перечнем войск и государственных доходов. Гн. Кальпурний Пизон в прошлом воевал в гражданских войнах на стороне Гн. Помпея и помпеянцев, затем Брута и Кассия; он демонстративно воздерживался от участия в политической жизни, пока Август не предложил ему консульство, и даже эту должность принял неохотно (Тас. Ann. II. 43. 2). Вероятно, выбор такого коллеги свидетельствует о том, что принцепс стремился расположить к себе республикански настроенные круги в сенате⁴⁵.

Теперь обратимся непосредственно к передаче перстня-печатки. Источники сообщают следующее:

Cass. Dio LIII. 30. 1–2: «Тем временем Август, заняв должность консула в одиннадцатый раз вместе с Кальпурнием Пизоном [23 г. до н. э.], снова заболел, причем так, что не было надежды на выздоровление: во всяком случае, он отдал все распоряжения, как будто готовясь умереть, пригласил к себе должностных лиц и других наиболее видных сенаторов и всадников, но никого не назначил своим преемником, хотя все прочили на эту роль Марцелла, и, обсудив с собравшимися кое-какие государственные дела, передал Пизону книгу со списками военных сил и государственных доходов, а Агриппе вручил свой перстень» (перевод А. В. Махлаюка). Видимо, об этом же эпизоде пишет и Светоний, правда, не упоминая передачи кольца: Suet. Aug. 28.1: «Два раза он помышлял о восстановлении республики... Второй раз причиной явилось невыносимое душевное состояние, вызванное долгой болезнью; в этот раз он даже призвал к себе на дом магистратов и сенат и передал им полный реестр состояния государства» (перевод Д. П. Кончаловского).

⁴⁵ Bleicken J. Augustus. Eine Biographie. Hamburg, 2010 (repr. 1998). S. 348–349.

Большинство историков сейчас считают этот рассказ достоверным, однако в 2005 г. вышла статья К. Симпсона, который считает, что эпизод является выдумкой Диона Кассия, и никакой передачи кольца на самом деле не было⁴⁶. Мнение Симпсона не представляется убедительным, однако к более тщательному анализу его гипотезы вернемся чуть позднее, рассмотрев сначала интерпретации исследователей, которые не сомневаются в историчности эпизода.

Некоторые из них считают, что, передав Агриппе кольцо, Август тем самым назначил его своим политическим преемником и что такой его жест был вдохновлен эпизодом с передачей кольца Александром Македонским Пердикке⁴⁷. Отдельно следует отметить мнение Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаза, которые тоже расценивают передачу кольца как передачу политической власти, однако рассматривают Агриппу как **временного** политического наследника, своеобразного «хранителя власти» до того момента, когда Марцелл повзрослеет достаточно, чтобы принять ее, а не полноценного преемника Августа⁴⁸.

Вторая интерпретация эпизода была предложена Г. Инстински и поддержана Х. Брандтом. Она состоит в том, что передача кольца-печатки указывала на Агриппу как на личного наследника Августа, а политическое наследие вытекало из этого, так как к личному наследнику перешли бы

⁴⁶ Simpson C. J. Rome's "Official Imperial Seal"? The Rings of Augustus and His First Century Successors // *Historia*. 2005. Bd. 54, H. 2. P. 180–188, особ. 187–188.

⁴⁷ Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Geneva, 1933. P. 78, Bleicken J. Op. cit. S. 347, Rich. J. M. Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9). Warminster, 1990. P. 165–166.

⁴⁸ Hurlet F. Les collègues... P. 34–36; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 312–313 (о том, что передача кольца символизировала передачу политической власти) и P. 318 (о том, что эта власть у Агриппы могла быть только временной, поскольку он не являлся потомком Цезаря).

огромные владения Августа, его многочисленная клиентела и обширные связи⁴⁹.

Автором третьей интерпретации выступила М. Деттенхофер⁵⁰. С ее точки зрения, Агриппа, скорее всего, не являлся ни политическим, ни личным наследником, а кольцо указывало на него просто как на душеприказчика Августа (М. Деттенхофер, возможно, под этим имеет в виду «*familiae emptor*» (см. напр. Gaius. Inst. II. 103), но сама она латинского термина не приводит, ограничиваясь немецким словом: «*Testamentsvollstrecker*»). Однако она подробно не аргументирует свою точку зрения, в связи с чем спорить с ее мнением несколько затруднительно. Исследовательница пишет, что главной наследницей Августа была его дочь Юлия, но политический потенциал наследства был доступен только мужчине; Марцелл рассматривался в обществе как наследник Августа, но чтобы стать полноценным преемником, ему потребовалось бы усыновление, и подозрения о том, что завешание Августа содержало такое распоряжение, в то время были весьма сильны.

П. Савиньски в статье 2013 г. до н. э. соглашается с интерпретацией, предложенной М. Деттенхофер, аргументируя её более подробно, и пишет, что передача кольца указывала на Агриппу, как на душеприказчика Августа, исполнителя его воли в его частных делах, но не как на наследника – политического или личного⁵¹. Первый вариант он отвергает, ссылаясь на Диона Кассия, который ясно пишет, что в тот момент Август не выбрал

⁴⁹ Instinsky H. U. Op. cit. S. 37–38, Brandt H. Marcellus «*successio praeeparatus*»? Augustus, Marcellus und die Jahre 29–23 v. Chr. // Chiron. 1995. Bd. 25. S. 12–13. По сути, авторы этой гипотезы тоже предполагают политическое наследование, только, в отличие от сторонников первой концепции, не прямое, а как бы вытекающее из личного наследования, которое и являлось непосредственной целью Августа.

⁵⁰ Dettenhofer M. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000. S. 100–102.

⁵¹ Sawiński P. Marcus Agrippa... P. 142–147.

преемника (Cass. Dio LIII. 30. 1)⁵². Дополнительно он пишет что, по его мнению, для того, чтобы кольцо указывало на политического преемника, присутствовавшие магистраты и сенаторы должны были воспринимать его как атрибут власти принцепса или символ магистратуры — но, конечно, это не так⁵³. С гипотезой об Агриппе как личном наследнике П. Савиньски также не согласен, поскольку таковым Агриппа мог стать либо в случае его усыновления принцепсом, либо в силу особого условия в завещании императора, а намёков на это в источниках не имеется. Далее, П. Савиньски также указывает, что сенатская элита вряд ли могла принять в качестве нового принцепса человека столь низкого происхождения, как Агриппа⁵⁴. Поэтому он полагает, что передача кольца символизировала всего лишь назначение Агриппы душеприказчиком⁵⁵.

Такой скептицизм исследователя представляется необоснованным. Прежде всего, следует отметить не менее ясное свидетельство Диона Кассия, предполагающее совсем иной вывод: «Все, однако, весьма удивлялись его (Августа. — С.Т.) решению. Любя Марцелла и как зятя, и как племянника... он тем не менее не доверил ему единоличную власть (μοναρχία), но предпочел ему Агриппу». Таким образом, сам греческий историк воспринял передачу кольца именно как передачу монархической власти. Во-вторых, можно согласиться с тем, что в 23 г. до н. э. кольцо действительно не расценивалось ни как зримый символ власти, ни, тем более, как атрибут магистратуры. Однако никто из оппонентов П. Савиньски этого и не утверждает; более того, Ф. Юрле и Ж. М. Роддаз специально оговаривают, что передача кольца символизировала *неофициальную* передачу

⁵² Ibid. P. 144; Sawiński P. Agrippa, Marcellus i pierścień Augusta. Kilka uwag na temat fragmentu Historii Rzymskiej Kasjusza Diona (53, 30, 1–2) // SPhP. 2013. T. 23, №1. P. 35–43.

⁵³ Подробнее см. об этом: Simpson C. J. Rome's "Official Imperial Seal"? P. 182–186.

⁵⁴ Sawiński P. Marcus Agrippa... P. 145.

⁵⁵ Ibid. P. 142–147.

политической власти. Наконец, для назначения Агриппы личным наследником Августа его усыновление вовсе не требовалось, а содержание завещания Августа по состоянию на 23 г. до н. э. нам и не может быть известно, так как оно не обнародовалось; однако нет очевидных препятствий для предположения, что наследником в нём был объявлен Агриппа. Напротив, гипотезу о «душеприказчике» убедительно оспорил Симпсон, который указывает, что в Риме неизвестны примеры, когда передача кольца свидетельствовала бы о наделении получателя полномочиями душеприказчика⁵⁶.

Рассмотрев имеющиеся на сегодняшний день интерпретации передачи кольца Агриппе, вернемся к гипотезе Симпсона, который считает, что эпизод неисторичен и выдуман Дионом Кассием. Исследователь пишет, что к эпохе Светония и Диона Кассия кольцо императора стало «символом власти», пытается определить, как и когда именно это произошло, и приходит к выводу что такое значение кольцо императора приобрело уже позже, в эпоху Флавиев⁵⁷. Рассматривая эпизод 23 г. до н. э., Симпсон указывает на отмеченный еще Э. Бэдианом факт, что в то время у Августа не было такой личной власти, которую он мог бы передать наследнику⁵⁸, и на основании этого ставит под сомнение историчность этого эпизода вообще. Оба посыла исследователя — о времени превращения императорского кольца в символ власти и о характере власти Августа в 23 г. до н. э. — представляются справедливыми. Однако непонятно, как из них следует недостоверность рассказа Диона Кассия о передаче кольца в 23 г. до н. э. Если у Августа не было персональной власти, которую он мог передать, а его кольцо не

⁵⁶ Simpson C. J. Rome's "Official Imperial Seal"? P. 181–182.

⁵⁷ Ibid. P. 180–188.

⁵⁸ Ibid. P. 181, cp. Badian E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit* Johannes Straub zum 70. Geburtstag gewidmet / Ed. G. Wirth. B.; N.Y., 1982. P. 34–35

считалось официальным символом императорской власти, это никак не значит, что он на смертном одре не мог отдать своему родственнику, другу и соратнику Марку Агриппе свое личное кольцо-печатку. Это не первый случай в Риме, когда умирающий отдавал другому кольцо (Val. Max. VII. 8. 5; 8.8–9), и наличие официальной личной наследуемой власти здесь совершенно не требовалось.

Итак, поскольку доводы против историчности эпизода с кольцом представляются несостоятельными, а теория о том, что весь эпизод означал просто назначение Агриппы душеприказчиком, не подтверждается источниками, сосредоточимся на первых двух версиях, которые, как представляется, можно совместить – передачей кольца Август обозначал Агриппу как личного наследника, но этот жест имел и политический подтекст. Поскольку в итоге Август выздоровел, и его завещание не было вскрыто, узнать, действительно ли он в 23 г. до н. э. назначал Агриппу личным наследником, невозможно. Достаточно того, что мог назначить⁵⁹, и передача кольца могла служить подтверждением этого.

Обратимся к вероятному политическому подтексту этого события. Начнем с простого вопроса: если Август, умирая, желал указать на Агриппу, как на своего политического преемника, то как он мог это продемонстрировать? Передать символы своей консульской власти (курульное кресло или ликторов) он не имел права. Объявить вслух Агриппу своим политическим наследником тоже — непонятно, как именно это должно было прозвучать, если Август сам настаивал, что восстановил

⁵⁹ Поскольку текст завещания нам неизвестен, предполагать можно самые разные варианты. Август мог поступить так, как в свое время Цезарь: назначить Агриппу главным наследником, а остальных – второстепенными; он мог сделать Агриппу и Марцелла наследниками в равных долях, а при помощи кольца указать того, кому следует отдать предпочтение; наконец, Август в завещании мог усыновить Агриппу и оставить ему практически все.

республику и законы? Кем он мог бы назвать Агриппу? Преемником по консульству? Новым принцепсом? Будущим главой дома Юлиев? Умиравшему императору оставались лишь намеки. При исследовании политического подтекста этого эпизода исследователи часто вспоминают рассказ о том, как Александр передавал кольцо Пердикке (см. прим. 47). Но, представляется, что на памяти сенаторов, собравшихся в доме Августа, был более близкий и памятный случай: в 29 г. до н. э. в отсутствие Октавиана в Риме его кольцом при переписке с сенатом пользовались Меценат и Агриппа — тот самый Агриппа, который и получил на их глазах кольцо в 23 г. до н. э.

Заметим при этом, что государственные бумаги Август отдал своему коллеге-консулу — Пизону. Принцепс явно старался не нарушить нравы, обычаи и законы. Не имевшему должности Агриппе он отдал то единственное, что мог, — свое личное кольцо-печатку. Мне представляется, что таким способом Август указывал всем собравшимся у его ложа, кого он хотел бы видеть на своем месте. Но чтобы стать во главе государства законно, Агриппа должен был получить власть так же, как четыремя годами ранее получил ее сам младший Цезарь, а десятилетия спустя Тиберий — из рук сенаторов. И, передавая кольцо Агриппе, Август указывал на того человека, которому, по его мнению, сенаторам следовало передать власть⁶⁰. Разумеется, Август не мог надёжно обеспечить исполнение своей воли, он мог лишь предполагать, что сделают сенаторы, как поведёт себя консул Пизон и как поступит Марцелл; со смертного ложа принцепс не мог гарантировать, что не разразится новая гражданская война. В итоге Август выздоровел, и опасности удалось избежать. Но, как мне представляется, именно по этой причине в 23 г. до н. э. радикально меняется положение Агриппы в государстве — с этих пор блестящий полководец не оставался без формальных полномочий и, большую часть времени, без командования

⁶⁰ Без подробных объяснений, того же мнения придерживается Дж. Рич: Rich J. M. Cassius Dio... P. 167.

армией, которая в случае непредвиденной смерти младшего Цезаря могла усилить его положение и сохранить в его руках власть.

Прежде чем рассматривать новое положение Агриппы, кратко остановимся на замечании Ж.-М. Роддаза и Ф. Юрле о том, что Марк Випсаний в любом случае мог стать лишь временной заменой Августу, «хранить власть» до тех пор, пока не повзрослел бы Марцелл, поскольку Агриппа имел низкое происхождение и не был кровным родственником Цезаря. Однако если бы Агриппа занял место Августа, он был бы вынужден идти по его же пути, то есть, концентрировать в своих руках полномочия и магистратуры, повышать свою *auctoritas*, оборачивать идеологию себе на пользу. В этой схеме Марцеллу уже не было места, он мог выступать лишь как наследник Агриппы, преемник после его смерти, но живой Агриппа, пусть всего лишь несколько лет возглавлявший государство, не мог в какой-то момент просто уйти на покой, передав власть Марцеллу. Вероятнее всего, была бы реализована та же модель, что позднее с Августом и Тиберием — сначала Марцелл мог стать помощником, потом соправителем, и лишь после смерти Агриппы — полноправным принцепсом⁶¹.

Что же касается соображений о предполагаемом отторжении сенаторами незнатного Агриппы, то эта опасность была бы многократно сильнее в самом начале предполагаемого правления Агриппы, сразу после смерти Августа, а не в то время, когда Марцелл «повзрослеет». Если бы Агриппе (мирно или при помощи оружия) удалось закрепить за собой

⁶¹ Аналогичной точки зрения придерживается, напр. Corbett J. H. The Succession Policy of Augustus // *Latomus*. 1974. Т. 33. Fasc. 1. Р. 88. Э. Грюэн просто указывает, что неверно предполагать некий формальный статус Агриппы (в т.ч. «регента») и что Август просто обратился к единственному человеку, у которого хватило бы *auctoritas* и опыта удержать государство от волнений, а судьба будущих более молодых преемников, в дальнейшем зависела бы уже только от Агриппы: Gruen E. *Op. cit.* Р. 42–44. Подробнее о теории соправителя-регента будет сказано ниже, в связи с браком Агриппы и Юлии.

позицию принцепса на первые несколько лет, то дальше прочность его положения гораздо больше зависела бы от его собственных решений и мероприятий, чем от происхождения и степени родства с Цезарем.

Как мне представляется, вышеизложенная теория о событиях 23 г. до н. э. более всего соответствует свидетельствам Диона Кассия, который, с одной стороны, утверждает, что Август не назначил наследника (LIII. 30. 1), а, с другой — что он, несмотря на любовь к Марцеллу, не доверил ему единоличную власть, предпочёл ему Агриппу и, вероятно, желал, чтобы тот получил эту власть из рук граждан (LIII. 31. 3–4, см. также прим. 60).

Теперь подробнее рассмотрим изменившееся после этого кризиса положение Агриппы, а конкретнее — отъезд на Восток в 23 г. до н. э. и его причины. Вот что сообщают нам источники:

Веллей Патеркул пишет (II. 93. 2), что Агриппа «отправился в Азию под предлогом государственных дел, но, как гласит молва, на время скрылся из-за тайной вражды с Марцеллом» (перевод А. И. Немировского). Из данного пассажа ясно, что официальную причину отъезда Агриппы (государственные дела) современники Августа сочли неубедительной, и это породило слух о вражде полководца с юным племянником императора. Однако примечательно, что в данном сообщении прямо назван источник версии о том, что Агриппа покинул Рим из-за вражды с Марцеллом, — молва (*fama*).

Плиний Старший (HN. VII. 149), перечисляя различные несчастья Августа, упоминает «*pudenda Agrippae ablegatio*», т.е. «постыдное изгнание Агриппы». Иосиф Флавий, однако, пишет (Ant. Jud. XV. 10. 2): «Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа» (перевод Г. Генкеля).

Следующим упоминает об этом эпизоде Тацит, который излагает разговор Сенеки с Нероном (Ann. XIV. 53). Сенека просит у Нерона отставки и упоминает о том, что «...Август дозволил Марку Агриппе уединиться в Митиленах...», а Нерон отвечает (Ann. XIV. 55): «Мой прапрадед Август,

действительно, позволил Агриппе и Меценату уйти на покой после понесенных ими трудов, но это было сделано им в таком возрасте, уважение к которому защищало все, что бы он им ни предоставил» (перевод А. С. Бобовича). Здесь отъезд Агриппы изображен в качестве отпуска с позволения императора. Поскольку пример использован (Сенекой или самим Тацитом) для придания большей убедительности просьбе самого Сенеки об отставке, никаких негативных объяснений отъезда Агриппы в этом сообщении не содержится.

Светоний тоже не обошел этот эпизод вниманием (Aug. 66): «Остальные же его друзья наслаждались богатством и влиянием до конца жизни, почитаясь первыми в своих сословиях, хотя и ими подчас он бывал недоволен. Так, не говоря об остальных, он не раз жаловался, что даже Агриппе не достает терпимости, а Меценату — умения молчать, когда Агриппа из пустого подозрения, будто к нему охладели и предпочитают ему Марцелла, бросил все и уехал в Митилены» (перевод М. Л. Гаспарова). Однако в жизнеописании Тиберия, среди нескольких возможных объяснений его удаления на Родос в 6 г. до н. э., Светоний приводит и следующее (Tib. 10): «следуя в этом примеру Марка Агриппы, который после привлечения к государственным делам Марка Марцелла удалился в Митилену, чтобы не подумали, будто своим присутствием он преграждает ему дорогу или умаляет его значение. Именно этот мотив приводил и он (Тиберий. — С.Т.) сам, правда уже позже» (перевод Д. П. Кончаловского). Интересно, что в двух жизнеописаниях античный автор называет две противоположные причины отъезда Агриппы. В первом случае полководец обиделся, что ему предпочитают Марцелла, поэтому всех бросил и уехал в Митилены, во втором же — удалился, чтобы не умалять значения Марцелла и не мешать его делам. Такое противоречие в двух жизнеописаниях у одного и того же автора вызывает определенные сомнения в достоверности этих сведений.

И, наконец, у нас имеется свидетельство Диона Кассия (LIII. 32): «Итак, когда Август, оправившись от болезни, узнал, что из-за этого его

решения Марцелл стал скверно относиться к Агриппе, он незамедлительно отправил последнего в Сирию, дабы между ними, пока они находятся в одном и том же месте, не случилась какой-нибудь перебранки и ссоры. И Агриппа тотчас покинул Город, однако до Сирии не добрался, но, выказав изрядную скромность, направил туда своих легатов, а сам остался на Лесбосе». Учитывая вышеизложенное, по-видимому, версия об обиде Марцелла впервые чётко излагается именно у Диона Кассия, хотя намек на нее содержится и у Светония в жизнеописании Тиберия. В обоих источниках поведение Агриппы излагается без осуждения, его пребывание в Митиленах Дион Кассий объясняет скромностью, а сам отъезд – решением Августа. Светоний, видимо, намекает тоже на скромность, если Агриппа уехал добровольно, чтобы не мешать Марцеллу, но античный автор прямо пишет, что такой мотив приводил Тиберий, объясняя свое собственное удаление на Родос. Сложно сказать, излагал ли Тиберий истинные мотивы Агриппы, о которых каким-либо образом узнал, или же просто использовал отъезд Марка Випсания в качестве удобного прецедента, чтобы объяснить собственный отъезд, который вызвал у Августа крайне негативную реакцию (Suet. Tib. 11. 5: «он (Тиберий – С. Т.) просит, наконец, позволения повидать своих родственников, по которым стосковался. Но он получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул» (перевод М. Л. Гаспарова). Что примечательно, реакция принцепса на отъезд Агриппы и его возвращение была совершенно иной.

Разумеется, столь запутанные и противоречивые рассказы источников приковали внимание исследователей к этому эпизоду. Историографическая традиция достаточно богатая и разнообразная и в целом на сегодняшний день имеются следующие теории:

1. Агриппа был отправлен на Восток для того, чтобы провести тайные переговоры с парфянским царем Фраатом и сообщить ему, что римляне готовы отдать ему сына при условии возвращения захваченных знамен.

Автором этой версии является Д. Мэйджи⁶². Однако она не получила признания и, действительно, представляется неубедительной, поскольку фактически не имеет никаких подтверждений в источниках.

2. Отъезд Агриппы был вызван династическим конфликтом с Марцеллом или продвигавшим его Августом⁶³. Эта теория также представляется несостоятельной, поскольку, как уже не раз отмечалось другими исследователями⁶⁴, в версию с конфликтом никак не вписывается то, что Агриппа уехал во главе армии и облеченный империем. Если Август отправил его на Восток для успокоения Марцелла, то вряд ли Марцелл, недовольный тем, что Агриппе досталось кольцо Августа, перестал бы обижаться, когда Август дал Агриппе армию с обширным империем. А если Агриппу задела какие-то решения Августа, будь то чрезмерное возвышение Марцелла или, как считает М. Рейнхолд, «бестактные действия» самого Августа после выздоровления (т.е., предложение зачитать свое завещание в сенате, чтобы доказать, что он

⁶² Magie D. The Mission of Agrippa to the Orient in 23 B. C. // CPh. 1908. Vol. 3, No. 2. P. 145–152.

⁶³ Fitzler K., Seek O. Julius (132) // RE. 1918. HBd. 19. Sp. 347; Reinhold M. Op. cit. P. 80–83; Hanslik R. Vipsanius (2) // RE. 1961. R. 2. HBd. 17. Sp. 1250–1253. Версия Р. Ханслика имеет двойственный характер: он признаёт наличие конфликта, но одновременно пишет, что отъезд Агриппы на Восток в 23 г. до н. э. гарантировал стабильность государства на тот случай, если с принцепсом в Риме что-то случится, поскольку останется жив второй носитель империя (Р. Ханслик полагает, что империй Агриппы уже с 23 г. до н. э. был высшим (*maius*), подробнее об этом см. ниже); Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. S. 91–92; Castán S. Op. cit. P. 234. Кастан указывает также на необходимость присутствия на Востоке кого-то из представителей власти, не объясняя, чем была вызвана эта необходимость.

⁶⁴ Напр. см. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 319–329. Как очень удачно выразился по этому поводу Р. Сайм: «a political suspect is not placed in charge of provinces and armies» (Syme R. The Roman Revolution. P. 342).

не указал преемника) – тем более странно, что Август рискнул дать обиженному на него человеку такую власть.

3. Так называемая «теория кризиса», предполагающая, что заговор Мурены состоялся в 23, а не 22 г. до н. э., и присутствие Агриппы на Востоке понадобилось для того, чтобы предотвратить возможную гражданскую войну. Эту гипотезу выдвинул Р. Сайм⁶⁵ и у нее появилось несколько сторонников; в 60-х гг. XX в. в журнале «Historia» развернулась большая дискуссия относительно этой версии. Однако, как представляется, ее полностью опроверг Э. Бэдиан в 1982 г.⁶⁶, справедливо отметив, что Дион Кассий относит заговор Мурены к 22 г. до н. э., и в источниках нет никаких оснований для его передатировки, а значит, «кризисная» теория несостоятельна.

⁶⁵ Ibid. P. 337–338.

⁶⁶ Badian E. «Crisis Theories»... P. 18–41. Там же см. библиографию и ссылки на дискуссию. Правда, в недавней работе Б. Левик вновь вернулась к этой проблеме и сочла наиболее «правдоподобным и экономным» вариантом объединить между собой несостоявшегося консула 23 г. до н. э. и заговорщика Мурену и перенести и сам заговор, и дело Прима на конец 24 г. до н. э. – начало 23 г. до н. э.: Levick B.M. Augustus: Image and Substance. L., 2010. P. 100–103. Но трудно признать «правдоподобной и экономной» гипотезу, которая требует отнести к 24 годом заговор, датированный в источнике 22 г. до н. э., и идентифицировать между собой двух лиц, одного из которых звали Авл Теренций Варрон Мурена, а второго Луций Лициний Варрон Мурена; маловероятно также, что участие избранного консула в заговоре могло остаться неотмеченным в источниках, что признает и сама Б. Левик. Следует также отметить новую публикацию фаст из Альбы Фуцинской, в которых Авл Теренций указан как коллега Августа по консульству на 23 г. до н. э.: Letta C. Primi osservazioni sui Fasti Albenses // RPAА. 2012–2013. Vol. 85. P. 330–331. Соображения, высказанные М. Своном применительно к Капитолийским фастам в статье: Swan M. The Consular Fasti of 23 B. C. and the Conspiracy of Varro Murena // HSCPh. 1967. Vol. 71. P. 235–247 представляются полностью справедливыми и для фаст из Альбы Фуцинской.

4. Наконец, по мнению ряда исследователей, отъезд Агриппы был вызван изменениями в структуре власти и государственной необходимостью и не был связан ни с каким конфликтом. Х. Джонс считал, что прав Иосиф Флавий и Агриппа поехал на Восток в качестве «вице-принцепса»⁶⁷. Ж.-М. Роддаз полагает, что отъезд Агриппы на Восток был вызван необходимостью присутствия самого принцепса или его представителя в той части империи, где до сих пор не был наведен порядок, в силе оставались распоряжения Марка Антония, отданные еще в годы гражданских войн, сильна была память о Помпее и нуждались в каком-то урегулировании отношения с Парфией⁶⁸. Дж. Крук считает, что отъезд Агриппы на Восток был экспериментальной моделью «пары правителей»: один на Востоке, другой – на Западе⁶⁹. П. Арно пишет, что империй такого рода, как тот, что получил Агриппа, давался в тех случаях, когда от обладателя такой империи требовалась деятельность, затрагивающая судьбы целых регионов: дипломатические задачи, территориальная и административная организация провинции и т. д.⁷⁰. Гипотеза Ф. Юрле состоит в том, что, каковы бы ни были конкретные задачи Агриппы, о которых нам ничего не известно, его приезд был первым после Акция визитом представителя власти на Восток, в гражданские войны традиционно находившийся на стороне врагов правителей (Помпея, Брута и Кассия,

⁶⁷ Jones H. S. The Princeps // The Cambridge Ancient History. Vol. 10 / Ed. S. A. Cook, F.E. Adcock, M. P. Charlesworth. Cambridge. 1934. P.142.

⁶⁸ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 319–329.

⁶⁹ Crook J. A. Political history, 30 BC to AD 14 // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. 2-nd ed. Cambr., 2008. P. 85; Arnaud P. Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographiques la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les règnes d'Auguste e Tibère // Cahiers Glotz. 1994. T. 5. P. 221–253, особ. P. 247–251

⁷⁰ Arnaud P. Op. cit. P. 221–253, особ. P. 247–251

Марка Антония) и там требовалось присутствие если не самого Августа, то хотя бы Агриппы⁷¹.

На сегодняшний день последнее из указанных объяснений отъезда Марка Агриппы на Восток выглядит наиболее убедительным, однако остается важный вопрос, на который никто из исследователей не дает ответа. Если этой поездки требовали дела и некие структурные изменения во власти, то почему Агриппа обосновался в Митиленах, отправил своих легатов в Сирию и, согласно источникам, тем и ограничился (исключая мелкий эпизод с приёмом посольства гадарцев)? Представляется, что ответ на этот вопрос кроется как раз в эпизоде с передачей кольца.

Как выше уже отмечалось, находившийся, как казалось, при смерти Август не мог со смертного ложа наделить Агриппу империем, не мог дать ему войска, никак не мог гарантировать переход власти к нему, даже если бы очень этого хотел. Передача личного кольца была единственным законным и приемлемым для общества решением. Но именно этот кризис 23 г. до н. э. мог показать Августу слабость той «условной конструкции» 26–24 гг. до н. э., о которой говорилось выше и которая вполне подходила для мирного и спокойного времени. События 23 г. до н. э. показали, что неформальное влияние Агриппы достаточно надежно при условии, что необходимыми полномочиями обладает Август. Но в случае непредвиденного кризиса Агриппа окажется в неприятном положении и, не имея никакой должности, не сможет законно предпринять ничего. Мне представляется вероятным, что отъезд Агриппы в 23 г. до н. э. на Восток был вызван необходимостью решить именно эту проблему и избежать еще одной «передачи кольца» в будущем. Агриппа должен был получить формальный статус, империй и армию, чтобы в случае внезапной смерти Августа сразу же иметь возможность действовать законно и самостоятельно, не полагаясь на других полководцев и наместников. В рамках этой теории понятно, почему Агриппа

⁷¹ Hurlet F. Les collègues... P. 36–37.

почти ничего не предпринимал на Востоке – это и не требовалось. У него не было конкретного задания, конкретной проблемы, требующей решения, а размытая формулировка Веллея о «sub specie ministeriorum principalium», никого, видимо, не убедившая, нужна была для того, чтобы оправдать империй и войско в руках Агриппы. Как представляется, в пользу высказанной точки зрения говорит и тот факт, что после 23 г. до н. э. Агриппа больше не остается без полномочий никогда, а без армии — только во время пребывания в самом Риме. Именно эту цель назначения Агриппы мог подразумевать Иосиф Флавий, сообщая, что в 23 г. до н. э. он был направлен на Восток как «διάδοχος Καίσαρι» (Ant. Jud. XV. 10. 2): это греческое слово означает не представителя (как в переводе Г. Генкеля), а наследника, преемника⁷².

В историографии уже достаточно давно ведутся споры о том, каков был империй Агриппы вообще и каков он был в 23 г. до н. э., в частности⁷³. Предлагается два ответа на этот вопрос – империй Агриппы был аналогичен империи Августа и превосходил империй наместников провинций - *imperium maius*, либо же его империй был равен империи других

⁷² См. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. s.v. διάδοχος I, II; Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxf., 1996. s. v. διαδοχή.

⁷³ См. напр. библиографию по этой проблеме: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 360, n. 113 и более подробный обзор библиографии: Hurlet F. Les collègues... P. 38–50. Основные публикации по теме: Koenen L. Die «Laudatio funebris» des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon. inv. nr. 4701) // ZPE. 1970. Bd. 5. S. 217–283; Haslam M. W. Augustus' Funeral Oration for Agrippa // CJ. 1980. Vol. 75, № 3. P. 193–199; Gronewald M. Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa // ZPE. 1983. Bd. 52. S. 61–62; Badian E. Notes on the Laudatio of Agrippa // CJ. 1980–1981. Vol. 76. P. 97–109; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 357–361; Roddaz J.-M. Imperium... P. 189–211; Arnaud P. Op. cit. P. 221–253; Hurlet F. Recherches... P. 255–289; Ferrary J.-L. Op. cit. P. 101–154; Hurlet F. Les collègues... P. 38–50; Hurlet F. Le proconsul et le prince d'Auguste a Diocletien. Bordeaux, 2006. P. 185–195.

наместников - *imperium aequum*. Решение этой проблемы в значительной степени связано с фрагментом сохранившегося на папирусе греческого перевода речи, которую на латинском языке произнес Август на его похоронах в 12 г. до н. э.⁷⁴ Однако ответ на вопрос «*maius* или *aequum*» не влияет существенно на излагаемую здесь версию, ведь в любом случае ясно, что формальное положение Агриппы в 23 г. до н. э. резко упрочилось. Для целей настоящего исследования корректным представляется принять концепцию, согласно которой Агриппа обладал меньшими полномочиями – т.е. теорию «равного империя» (*imperii aequi*), поскольку если его империй был высшим, это лишь укрепляет мою теорию; впрочем, версия о равном империи действительно представляется более обоснованной⁷⁵.

Таким образом, видимо, кризис 23 г. до н. э., показавший слабость структуры власти, заставил Августа пересмотреть ее, и с 23 г. до н. э. конструкция выглядит уже иначе: положение Агриппы теперь строится на

⁷⁴ P. Köln. Inv. No. 4701 с учётом данных папируса: P. Köln. Inv. 4722, окончательную версию текста с учетом различных замечаний и комментариев других исследователей: Hurlet F. *Les collègues...* P. 42, n. 99.

⁷⁵ Самые убедительные аргументы в пользу этой точки зрения, на мой взгляд, содержатся в следующих работах: Badian E. *Notes...* P. 97–109; Hurlet F. *Les collègues...* P. 42–52; Hurlet F. *Le proconsul...* P. 186–187; Ferrary J.-L. *Op. cit.* P. 130–140. Я специально не касаюсь таких вопросов, как правовая природа этого империя, предполагаемые формулировки закона, теория, согласно которой в 23 г. до н. э. империй Агриппы был *aequum*, а в 18 г. до н. э. стал *maius* (ее высказал Ж.-Л. Феррари, см. выше ссылку на его статью), гипотезы повсеместного империя Агриппы (Михайловский Ф. А. *Власть Октавиана Августа*. М., 2000. С. 100) или версии Ф. Юрле о том, что империи Августа и Агриппы в 23 г. до н. э. были сходны по сути с чрезвычайными командованиями конца Республики – для понимания восхождения Агриппы на позицию соправителя Августа, на исследовании которого сосредотачиваюсь я, это все не имеет большого значения. Главное здесь в том, что в 23 г. до н. э. Агриппа приобретает формальное положение и сохраняет его уже до самой смерти в 12 г. до н. э.

тех же основах, что и положение самого Августа – не только *auctoritas*, но и должность, армия, империй.

Кратко следует остановиться на особом мнении Ж.-М. Роддаза, которое, насколько известно мне, не получило широкого признания в историографии⁷⁶. Французский исследователь не соглашается с хронологией Диона Кассия (болезнь и выздоровление Августа – отъезд Агриппы – отказ Августа от консульства и получение им новых полномочий) и меняет последние два события местами (отказ Августа от консульства и отъезд Агриппы) на том основании, что, по мнению этого автора, полномочия Агриппы в 23 г. до н. э. являлись отражением новых полномочий Августа и, разумеется, в этом случае он не мог получить их раньше принцепса⁷⁷. Ж.-М. Роддаз опирается на два сообщения источников – слова Веллея Патеркула о том, что Агриппа уехал «*sub specie ministeriorum principium*» («под предлогом заданий принцепса» - перевод мой) (II. 93) и не слишком конкретное именование его «*διάδοχος Καίσαρι*» у Иосифа Флавия (Ant. Jud. XV. 10. 2). Однако, как представляется, данные сообщения вовсе не обязательно противоречат хронологии Диона Кассия, не говоря уже о том, что на сегодняшний день нет такой общепризнанной и столь надежно доказанной гипотезы о природе империя Агриппы, чтобы на ее основании можно было отвергать сведения источника. Слова Веллея «*ministeriorum principium*» Ж.-М. Роддаз толкует как свидетельство о связи должности Агриппы с принцепсом и его полномочиями. Но здесь не содержится указания на то, что полномочия Агриппы являются отражением тех полномочий, которые Август получил в 23 г. до н. э.⁷⁸ Этого нет и у Иосифа

⁷⁶ Хронологию Диона Кассия без изменений принимают, напр.: Hurlet F. *Les collègues...* P. 33, 39–40; Ferrary J.-L. *Op. cit.* P. 138 и п. 152.

⁷⁷ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 325–326, 347–351; Roddaz J.-M. *Imperium...* P. 207–210.

⁷⁸ Ф. Юрле, например, переводит Веллея в том смысле, что Агриппа отправился выполнять задание (*mission*), полученное от принцепса (Hurlet F. *Les collègues...* P. 38). У.

Флавия, употребленное им слово «διάδοχος» означает, как говорилось выше, не представителя, а наследника, преемника, а в этом случае полномочия Агриппы не обязательно должны повторять таковые у Августа. Ж.-М. Роддаз задается вопросом – на каком основании Агриппа мог вмешиваться в дела провинций римского народа, если получил свои полномочия раньше Августа? Прежде всего, за исключением самого лишь факта, что Агриппа поселился в Митиленах, у нас нет прямых свидетельств того, что в 23–18 гг. до н. э. он вмешивался в дела провинции римского народа. Даже если он это и делал, нам неизвестно, какими правовыми средствами были оформлены полномочия Агриппы, но ничто не мешает предположить, что это позволял ему соответствующий закон и (или) постановление сената; аналогичные решения для консула Августа в этом случае не требовались⁷⁹. Ж.-М. Роддаз признает, что болезнь поразила Августа неожиданно и существенно повлияла на планы принцепса. В этом случае неудивительно, если Август не создал стройную и логичную систему полномочий, чтобы должным образом облечь ими Агриппу. До болезни этого не требовалось, а после выздоровления действовать пришлось быстро.

На мой взгляд, именно по этой причине отъезд Агриппы на Восток в 23 г. до н. э. вызывает столько разногласий даже в источниках, не говоря уже об историографии. Поскольку служба Агриппы на Востоке, по сути, была наспех изобретенной уловкой, чтобы обеспечить его особыми формальными полномочиями, войсками, империем, это никого ни в чем и не убедило, а сам Агриппа тоже не слишком старался создавать видимость бурной деятельности, что только подстегнуло слухи о «позорной ссылке» и конфликте в императорской семье.

Амелинг тоже не согласен с точкой зрения Ж.-М.Роддаза: Ameling W. Augustus und Agrippa. Bemerkungen zu PKöln VI 249 // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 6.

⁷⁹ Ср. Giovanini A. Op. cit. P. 95–106.

3.4. Марк Агриппа как преемник и зять Августа (21–18 гг. до н. э.)

До 21 г. до н. э. положение Агриппы оставалось неизменным, несмотря на то, что в конце 23 г. до н. э. умер юный Марцелл (это, на мой взгляд, еще одно подтверждение того, что отъезд Агриппы с Марцеллом никак связан не был) – он все так же оставался в Митиленах с войсками и империем. Однако в 21 г. до н. э. в очередной раз все изменилось. В начале года Август находился на Сицилии, собираясь оттуда отправиться в поездку по восточным провинциям. В Риме в это время из-за консульских выборов произошли серьёзные беспорядки. Август был очень недоволен случившимся, поэтому вызвал Агриппу с Лесбоса и поручил ему управление Римом⁸⁰. И, как пишет Дион Кассий, в это же время принцепс заставил Агриппу развестись с Марцеллой Старшей и жениться на Юлии.

На этом браке следует остановиться подробнее. Дион Кассий ясно называет причину (LIV. 6. 5): «Желая сделать его (Агриппы – С.Т.) положение более высоким, чтобы ему было легче управлять жителями Рима, он вызвал его к себе и, заставив его развестись с женой, хотя она была его собственной племянницей, и жениться на Юлии, тотчас отправил его в Рим, чтобы сразу вступить и в [новый] брак, и в управление Городом. Говорят, что этот шаг был отчасти предпринят Августом по совету Мецената, который, обсуждая с ним эти самые дела, сказал: «Ты возвысил его настолько, что либо его следует сделать твоим зятем, либо убить»⁸¹. То есть, Дион Кассий считает, что брак Агриппы с Юлией был вызван текущей обстановкой в Риме и необходимостью укрепить авторитет и положение Агриппы. В

⁸⁰ Dio Cass. LIV. 6. 1–3.

⁸¹ Ср. со сведениями Плутарха, который считает, что брак Юлии с Агриппой организовала Октавия, сестра принцепса: Plut. Ant. 87. На мой взгляд, версия Диона Кассия правдоподобнее, поскольку мотивация Октавии в данном случае не совсем понятна, но в любом случае Август брак одобрил, и важно понять, по какой причине.

историографии, однако, сложилось иное мнение – исследователи связывают этот брак с желанием Августа получить кровных наследников⁸². И отсюда вытекает еще одна достаточно крупная, на мой взгляд, историографическая проблема, связанная с положением Агриппы как в 21 г. до н. э., так и до самой его смерти в 12 г. до н. э. – регентство.

Гипотеза о том, что брак с Юлией сделал Агриппу «инструментом для беспроblemного перехода власти», «регентом при малолетних наследниках» и т. п. сейчас достаточно распространена. Её сторонники опираются на следующие соображения: Агриппа не мог стать полноценным принцепсом, т.к. не состоял в родстве с Цезарем, уступал Августу по уровню *auctoritas*, вызывал неприязнь у нобилитета⁸³, имел низкое происхождение, которое не позволило бы ему стать новым принцепсом⁸⁴. Однако, эта гипотеза все же представляется неубедительной по следующим причинам:

1. Никто из древних авторов ни словом не намекает ни на регентство, ни на то, что Агриппа служил лишь орудием передачи власти, не являясь наследником сам.

2. Сторонники этой гипотезы не дают ответов на вопросы: кто такой «регент» в римской системе государственного управления? Чем его полномочия отличаются от полномочий действующего принцепса? Куда исчезает регент, когда наследник повзрослеет достаточно, чтобы получить власть? В каком возрасте регент должен ему эту власть передать? По какой процедуре предполагается это сделать? Как представляется, без ответов на эти вопросы гипотеза о регенте не может быть признана состоятельной.

⁸² Sawiński P. *Op. cit.* 148; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 378; Hurlet F. *Les collègues...* P. 35, 429.

⁸³ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 378.

⁸⁴ Hurlet F. *Les collègues...* P. 35. Также считает и С. Кастан: Castán S. *Op. cit.* P. 237–238.

3. Институт регентства по самой своей сути является атрибутом легитимной монархии, в системе принципата, созданной Августом, он был невозможен. Власть принцепса строилась на сложной и продуманной системе сочетания нужных должностей и полномочий, отделенных от должности (напр. трибунские и цензорские). В это время все еще требовалось постоянно создавать «республиканский фасад» и Август даже в «Деяниях» настаивает, что превосходил всех коллег по каждой магистратуре исключительно своим авторитетом (*auctoritas*), но не властью (*potestas*) (RDGA. 34).

В системе, созданной Августом, институт регентства мог существовать только в одной форме: «регент» принимает на себя все полномочия принцепса, усыновляет преемника, а по достижении им нужного возраста – умирает. Принцепс концентрировал в своих руках должности и почести, полученные от сената и народа, он приобретал огромную клиентелу в самом Риме и провинциях, фигура правителя обожествлялась на Востоке и широко прославлялась на Западе, вся мощь идеологии работала на то, чтобы повысить авторитет принцепса⁸⁵. Всю эту машину невозможно было немедленно остановить по достижении наследником нужного возраста или одномоментно перевести ему на службу. Можно было лишь постепенно приближать наследника к принцепсу, уравнивать их – но не более того. Когда Август умер, Тиберий, к тому времени уже долгое время занимавший второе место, принял власть относительно плавно (хотя и не обошлось совсем без проблем). Но пока Август был жив – принцепсом был именно он, не Тиберий.

⁸⁵ О том, как работало изобразительное искусство на пользу имиджа принцепса: Zanker P. *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor, 1990. 385 p. И именно этот механизм, как представляется, позволил бы устранить многие препятствия для правления Агриппы. Что же касается уровня *auctoritas*, то и Тиберий уступал в этом вопросе Августу, что не помешало ему впоследствии стать принцепсом.

Таким образом, представляется, что прав Дион Кассий – целью брака Агриппы с Юлией было укрепление положения Агриппы, а не получение от него кровных наследников Августа. Разумеется, нельзя исключать, что Август руководствовался и другими дополнительными соображениями, но представляется неверным мнение, что в 21 г. до н. э. Агриппа превратился в «инструмент» передачи власти кровным наследникам принцепса.

Проблема в том, что нам мало известно о правовой природе полномочий Агриппы в 23–19 гг. до н. э. Ф. Юрле верно отмечает, что при нынешнем состоянии имеющейся у нас информации равновероятны, как минимум, две гипотезы, а то и три⁸⁶. Однако для целей настоящего исследования, определение точной правовой природы полномочий Агриппы не столь значимо, намного важнее другое: вернувшись из Митилен, Марк Випсаний мог наводить порядок в Риме⁸⁷, а затем подавлять волнения в Бельгике и (или) Лугдунской Галлии⁸⁸ и вести военные действия против

⁸⁶ Hurllet F. Le proconsul... P. 186–189. См. прим. 75, где кратко изложена суть обеих гипотез (высказанных Ф. Юрле и Ж.-Л. Феррари). Автором третьей является К. М. Жирарде. Он предполагает, что Агриппа в 27 г. до н. э., как и Август, получил после консульства некую *provincia*, и состояла она в том, что Агриппа мог вмешиваться в провинции других проконсулов, а последние в силу либо *auctoritas* Агриппы, либо прямого указания в соответствующем *lex de provincia* в 27 г. до н. э. должны были не противодействовать его распоряжениям или поддерживать их: Girardet K. M. *Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives / Ed. A. Giovanni, F. Millar. Geneve, 2000. P. 203–220.* К. Жирарде также считает любопытной точку зрения, высказанную Лэси о том, что уже с января 27 г. до н. э. Агриппа имел обширный империй в качестве *praefectus classis et orae maritimae*, однако представляется справедливым возражение Кинаста о том, что для подобного предположения нет оснований в источниках: Kienast D. *Augustus. Prinzeps und Monarch. S. 108, Anm. 98.*

⁸⁷ Дион Кассий сообщает крайне мало конкретики (LIV. 6. 6).

⁸⁸ Речь должна идти об этих провинциях Цезаря, так как Агриппа, среди прочего, боролся там с набегами германцев (Cass. Dio. LIV. 11. 1–2). О деятельности Агриппы в

кантабров в Испании. Поскольку в источниках нет ни единого намека на недовольство, возмущение или упреки в адрес Агриппы, вызванные незаконностью его действий, остается признать, что на все эти мероприятия у него были необходимые полномочия, а там, где не хватало формальностей (ввиду неясности его правового положения в эти годы такую возможность исключать нельзя) – помогала *auctoritas*.

Примечательно, что вновь изменение его положения вызвано кризисами – беспорядками на консульских выборах в Риме и вспыхнувшим восстанием в Галлии. Нельзя, конечно, исключать, что Август предвидел сложности с консульскими выборами в свое отсутствие, но совершенно невероятно, что он мог намеренно спровоцировать их для расширения полномочий Агриппы. Итак, к концу 19 г. до н. э. Агриппа уже является ближайшим родственником принцепса и делает почти все то же, что и Август – самостоятельно действует в Риме и командует войсками в западных провинциях Цезаря. Между ними остается два серьезных различия формального характера – у Агриппы нет трибунской власти, а также он не действует самостоятельно в провинциях римского народа (см. прим. 88). Эти различия были устранены в 18 г. до н. э.

Во время консульских выборов в 19 г. до н. э. в Городе снова начались беспорядки, на этот раз дело дошло даже до гибели людей (Cass. Dio LIV. 10. 1–2). Что примечательно, в это время в Риме снова не было ни Августа, ни Агриппы. Далее, как рассказывает Дион Кассий (LIV. 12. 3–5), Август,

Нарбоннской Галлии, которая стала провинцией римского народа в 22 г. до н. э. (Cass. Dio LIV. 4. 1), надежно известно лишь то, что он продолжил там строительство Нимфея. Существует вероятность, что в 20–19 гг. до н. э. Агриппа построил несколько зданий в Ниме (Нарбоннская Галлия), но большинство объектов невозможно точно датировать, и Дж. Моттершед пишет, что часть этих построек стояла в Ниме еще до Августа, а некоторые могли быть возведены, когда Август в 27 г. до н. э. находился на Западе и т. д., см.: Mottershead G. *The Constructions of Marcus Agrippa in the West*: PhD diss. Melbourne, 2005. P. 84–98.

понимая, что государственные дела требуют постоянного внимания и, опасаясь пасть жертвой заговора, решил предоставить Агриппе полномочия, почти равные его собственным, а именно – трибунскую власть и, как показывает второе восточное наместничество Агриппы, возможность свободно действовать в провинциях римского народа⁸⁹, а не только в провинциях Цезаря. И вот с этого момента, как признает большинство исследователей, Агриппа превращается в формального и фактического соправителя Августа⁹⁰. Видимо, так же восприняли ситуацию и их современники, поскольку именно с этого времени отмечаются заговоры не только против Августа, но и против Агриппы (Cass. Dio LIV. 15. 1). Однако М. Рейнхолд, признавая это, совершенно справедливо отмечает, что принцепс в государстве по-прежнему оставался один и своей *auctoritas* Август превосходил Агриппу.

Подробно останавливаться на пересмотре списка сената (18 г. до н. э.) или на Вековых играх, которые Август и Агриппа проводили вместе (17 г. до н. э.), здесь нет особой необходимости, поскольку эти мероприятия лишь подтверждают, что формальное положение дел пришло в относительное соответствие с фактическим⁹¹. После этого положение Агриппы до самой его

⁸⁹ Напр. см. свидетельство о его письмах Эфесу и Кирене: Joseph. AJ. VI. 4–5, и проконсулу Азии Силану: Joseph. AJ. VI. 4. Подробнее см.: Hurlet F. *Les collègues...* P. 288–289.

⁹⁰ См. напр.: Reinhold M. *Op. cit.* P. 98; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 357–358; Fraschetti A. *Augusto e la «laudatio» di Agrippa // Il bimillenario di Agrippa.* Genova, 1990. P. 83; Hurlet F. *Les collègues...* P. 61–65.

⁹¹ Подробнее о Вековых играх, их идеологическом значении и о том, что Агриппа и Август выступали на них на равных ролях, см.: Schnegg-Köhler B. *Die augusteischen Säkularspiele // Archiv für Religionsgeschichte.* 2002. Bd. IV. S. 132, 140–141, 253–254. Судя по всему, это положение наблюдалось также в чеканке, надписях и изобразительном искусстве. Об этом кратко см. Reinhold M. *Op. cit.* P. 100–104; немного подробнее: Hurlet F. *Les collègues...* P. 406–407; 429–432.

смерти не менялось, его полномочия в 13 г. до н. э. были просто продлены еще на пять лет⁹², а в начале 12 г. до н. э. Марк Випсаний скоропостижно скончался в Кампании (Cass. Dio LIV. 28. 1–3).

Таким образом, в 18 г. до н. э. Агриппа обладал всеми необходимыми формальным и полномочиями, почти равными Августовым, но уступал ему в уровне *auctoritas*, о чем, собственно, сам же принцепс и пишет в своих «Деяниях» (RGDA. 34. 3)⁹³.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, развитие соправления с 29 по 18 гг. до н. э. выглядит следующим образом. В 29–28 г. до н. э., осуществляя совместно с Агриппой цензорские полномочия, а затем в 28–27 гг. до н. э. занимая с ним два года подряд консульскую должность, Август демонстрировал, кто будет создателем нового порядка, и кто будет стоять во главе государства – он сам и несколько уступающий ему в статусе Марк Агриппа. На этот же период приходится значительная серия важных реформ, направленных на восстановление закона и порядка в государстве.

Закончив основные преобразования, Август отправился на войну в Испанию, Агриппа же остался в Риме без официальной должности. По-видимому, на этом этапе друзьям не удалось найти схему, позволяющую обеспечить Агриппе постоянную магистратуру и (или) полномочия в Риме.

⁹² Аргументы против мнения Дж. Крука о том, что в 13 г. до н. э. империй Агриппы стал *maius* (Crook J. Op. cit. P. 97) см. в работах: Ferrary J.-L. Op. cit. P. 139–140; Hurlet F. *Les collègues...* P. 74. Аргументы против мнения М. Гранта о том, что Агриппа как в 23 г. до н. э., так и в 18–13 гг. до н. э. был просто легатом пропретором Августа и не имел собственного империя (Grant M. *From Imperium to Auctoritas*. Cambridge, 1969. P. 428), см. в работе: Hurlet F. *Les collègues...* P. 39–42.

⁹³ Ср. исследование Г. Роу, который, как представляется, справедливо утверждает, что нельзя интерпретировать этот фрагмент как указание на то, что вся власть Августа основывалась только на *auctoritas*, тем более, что до сих пор не совсем ясен механизм ее (*auctoritas*) реализации: Rowe G. Op. cit. P. 1–15.

Август ежегодно занимал консульство, но консульских мест было всего два, и если второе отдавалось Агриппе, то нобили лишались всякого доступа к высшей магистратуре в государстве, что неизбежно вызвало бы их недовольство и могло поставить под угрозу новый порядок. Таким образом, в этот период Август управлял государством, опираясь на формальные полномочия и должности, а Агриппа мог рассчитывать только на свою *auctoritas*, неформальные рычаги влияния и поддержку Августа. В отсутствие Августа Агриппа, по-видимому, сохранял право первым высказываться в сенате, а также развернул строительную программу такого масштаба, которая не позволялась никому, кроме лишь самого Августа. Он переехал в дом Августа, женился на его племяннице, а его колоссальная статуя наравне с такой же статуей Августа была помещена в пронаосе Пантеона, храма, прославлявшего род Юлиев. Удобно было и то, что в случае возникновения каких-либо проблем в государстве Агриппа, свободный от магистратуры, в любой момент мог занять именно ту должность, которая наиболее подходила бы для их решения возникшей проблемы или получить соответствующее поручение, а обеспечить ему такое назначение должны были *potestas* и *auctoritas* Августа.

Гибкая и не слишком раздражающая нобилитет конструкция, весьма удобная и безопасная в условиях стабильности, в 23 г. до н. э. во время кризиса, вызванного болезнью Августа, показала всю свою слабость и ненадежность. Стало ясно – в случае смерти Августа значение *auctoritas* и почестей Агриппы существенно снизится, а в отсутствие формальных полномочий он не сможет немедленно взять под контроль войска, не становясь при этом преступником. И поэтому с 23 г. до н. э. Август начинает постепенно выравнять возникший дисбаланс между формальным и неформальным положением Агриппы в государстве. Агриппа получает империй и армию, становится не просто одним из рядовых наместников, но

особым, единственным в своем роде⁹⁴. При этом он не обладает всей полнотой должностных полномочий Августа: не имеет трибунской власти и, вероятнее всего, не может свободно действовать в провинциях римского народа.

В 21 г. до н. э. случился кризис, потребовавший срочного присутствия и самостоятельных действий Агриппы в Риме и, кроме того, он женился на Юлии, единственной дочери Августа, что ещё сильнее увеличило его влияние. Такая ситуация сохранялась в течение трех лет, а в 18 г. до н. э. вновь наблюдается крупное изменение: Агриппа получает трибунскую власть и право свободно действовать в провинциях римского народа. Теперь формальное положение Агриппы приходит в равновесие с его *auctoritas* и даже более того: если в 26–24 гг. до н. э. *auctoritas*, в сущности, являлась единственной опорой Агриппы, то к 18 г. до н. э. был найден способ предоставить Агриппе полномочия, формально равные полномочиям Августа, — хотя последний по-прежнему превосходит его своей *auctoritas*.

⁹⁴ В период жизни Агриппы не известно иных лиц (разумеется, кроме самого Августа, что лишь подчеркивает исключительность положения Агриппы), которые, будучи наместниками, перепоручали свои полномочия собственным легатам и, оставаясь в одной провинции, отправляли их в другую, как поступил Агриппа: сам остался в Митиленах, а легатов своих послал в Сирию: Dio Cass. LIII. 32. 1. См. подробнее об этом: Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 341–342.

Заключение

При изучении места Агриппы в системе принципата пристальное внимание неизменно уделяется последнему этапу его жизни – 18–12 гг. до н. э., в самом лучшем случае – 23–12 гг. до н. э. Однако анализ того пути, который прошёл Агриппа – от одного из личных друзей Октавиана в 44 г. до н. э. до формального соправителя Августа в 18 г. до н. э. позволяет не только выявить определенные тенденции, цели и последствия конкретных мероприятий тех лет, но и лучше понять, какую систему правления желал установить Август после победы в гражданских войнах, как именно ему приходилось корректировать свои проекты, каково соотношение «плановых» мероприятий и случайностей в уникальной системе правления, называемой принципатом.

Разумеется, в эпоху гражданских войн и речи не могло идти о том, что для Агриппы готовилось место соправителя, но уже с 43 г. до н. э. он выступает на политическую арену как ближайший помощник Октавиана; затем следуют другие должности, важные военные поручения, наместничество и, наконец, первое консульство. Поднимаясь все выше по карьерной лестнице, Агриппа с каждым годом расширял перечень сфер, где оказывал помощь Октавиану: политическая, военная, административная, идеологическая, монетная чеканка и строительная деятельность. Много лет спустя, уже при упрочившемся режиме Августа, Агриппа продолжит движение по дороге почестей, выйдет далеко за пределы традиционного республиканского *cursus honorum* и достигнет высшей ступени, став сначала фактическим (с 28–27 гг. до н. э.), а затем и формальным (с 18 г. до н. э.) соправителем принцепса, а перечень сфер и компетенций, в которых он станет проявлять свои таланты и помогать Августу, будет лишь расширяться.

Итогом выполненного исследования является следующая схема становления соправления в период с 28 по 18 годы, период, который не

принимается во внимание большинством исследователей этой проблемы. Развитие соправления после окончания гражданских войн можно условно разделить на несколько этапов. В 28–27 гг. до н. э. Август разделяет с Агриппой должность консула и цензорскую власть; вместе они проводят пересмотр списка сената и люстр, а также курпуню серию государственных реформ, заложивших основы нового порядка. Таким образом Август наглядно демонстрирует обществу, что во главе государства в новую, мирную эпоху будут стоять двое. Однако на тот момент не удалось выработать схему, позволявшую предоставить Агриппе магистратуру или империй на постоянной основе, поэтому в 26–23 гг. до н. э. он остаётся частным лицом, однако именно на этом этапе много усилий прикладывается для повышения *auctoritas*, авторитета, неформального влияния Марка Агриппы.

Следующее изменение стало итогом неожиданного кризиса 23 г. до н. э. – смертельно опасной болезни Августа, когда стало ясно, что в случае смерти Августа у Агриппы оказались бы полностью связаны руки. Поэтому с 23 г. до н. э. Август постепенно выравнивает ситуацию. Теперь в руках Агриппы наместничество и армия, хотя и нет трибунской власти; сам же Август отказывается от одного из собственных формальных рычагов – от ежегодного консульства. *Auctoritas* Агриппы в эти годы снова возрастает – он становится мужем единственной дочери Августа – Юлии. И, наконец, в 18 г. до н. э. Агриппа получает трибунскую власть и право свободно действовать в провинциях римского народа, то есть приобретает формальное равенство с Августом, хотя последний по-прежнему превосходит его своей *auctoritas*.

Итак, после полного цикла всё вернулось к тому положению дел, которое существовало в 28–27 гг. до н. э., но теперь в иной форме и на постоянной основе. Если в 28–27 г. до н. э. Август и Агриппа вместе занимали высшую магистратуру, то теперь соправители не имели должностей, однако обладали теми самыми полномочиями, которые и стали основами принципата: проконсульским империем и трибунской властью. Эти

полномочия обеспечивали им полный контроль над государством, не требовали ежегодного возобновления и не блокировали нобилитету доступ к высшим магистратурам, что обеспечивало прочность и устойчивость системы. Как принцепс, так и соправитель имели большую свободу действия и могли гибко и оперативно реагировать на возникающие проблемы в любом регионе Империи, не заботясь об изменении или расширении своих полномочий.

Главной особенностью этого соправления была его асимметричность. С самого начала предполагался приоритет принцепса, соправитель же имел меньше власти и влияния. При этом идеологическое прославление Марка Агриппы, очевидное в чеканке и строительной политике тех лет, огромный объём его полномочий, позволяющих командовать войсками, постоянное повышение его *auctoritas*, родство с императорским домом – всё это резко выделяло соправителя на общем фоне. По своему положению в государстве Агриппа был существенно ближе к принцепсу, чем к самым авторитетным консулярам, пусть даже связанным родством с домом Цезаря.

Описанная система стабильно и успешно функционировала на протяжении шести лет, однако в 12 г. до н. э. Агриппа скончался. Конечно, заменить ушедшего друга было невозможно, но Август не отказался от самой идеи соправления: он обратился к поискам нового соправителя.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы. Следует отметить, что изучение начальных этапов становления соправления при императоре Августе является актуальной и значимой научной задачей. Исследование этой темы имеет историческое значение, а полученные результаты позволяют расширить, дополнить и частично пересмотреть существующие представления о роли и задачах, стоявших перед соправителями принцепсов.

Представляется, что перспективами дальнейшей разработки темы исследования являются препятствия политического и личного характера, которые ожидали Августа после смерти Марка Агриппы; полные и

всесторонние коррективы, внесённые им в разработанную ранее систему; сходства и различия между положением Агриппы, с одной стороны, и Тиберия или Гая Цезаря — с другой. Также интересно в этом свете проанализировать неудачную попытку императора Тиберия повторить эту схему с Сеяном, отказ дальнейших императоров династии Юлиев-Клавдиев от идеи Августа о соправлении, и её частичное возобновление, пусть и в переработанном виде, лишь в династиях Флавиев, Антонинов и последующих.

Список сокращений

Источники

App. – Appianus

BC. – Bella civilia

Illyr. – Illyrica

Caes. – Gaius Iulius Caesar

BC. – Bellum civile

BG. – Bellum Gallicum

Cass. Dio – Cassius Dio. Historiae Romanae

Cic. – Marcus Tullius Cicero

Att. – Epistulae ad Atticum

Brut. – Epistulae ad Brutum

De Or. – De oratore

Fam. – Epistulae ad familiares

Phil. – In M. Antonium orationes Philippicae

QF. – Epistulae ad Quintum fratrem

Eutr. – Eutropius. Breviarium ab Urbe condita

Fest. – Sextus Pompeius Festus. De verborum significatu

Flor. – Lucius Annaeus Florus. Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC

Front. – Sextus Iulius Frontinus

Aq. – De aqueductu urbis Romae

Gell. – Aulus Gellius. Noctes Atticae

Hieron. – Hieronymus

Chron. – Chronicon.

Hor. – Quintus Horatius Flaccus.

Carm. – Carmina

Ep. – Epodi

Serm. – Sermones
Joseph. – Josephus Flavius
AJ. – Antiquitates Judaicae
Liv. – Titus Livius. Ab Urbe condita
Per. – Periochae
Macrob. – Macrobius Ambrosius Theodosius
Sat. – Saturnalia
Man. – Marcus Manilius
Astron. – Astronomicon
Nep. – Cornelius Nepos
Att. – Atticus
Nic. Dam. – Nicolaus Damascenus
Oros. – Paullus Orosius. Historiae adversus paganos
Plin. – Gaius Plinius Secundus
NH. – Naturalis historia
Plut. – Plutarch
Ant. – Antonius
Brut. – Brutus
Caes. – Caesar
Cat. Mai. – Cato Maior
Cat. Min. – Cato Min.
Mar. – Marius
RGDA – Res Gestae Divi Augusti
Serv. – Servius
Geor. – In Vergilii Georgica commentarii
Strab. – Strabo. Geographica
Suet. – Gaius Suetonius Tranquillus. De vita Caesarum
Aug. – Divus Augustus
Cal. – Gaius (Caligula)
Iul. – Divus Iulius

Tib. – Tiberius

Tac. – Cornelius Tacitus

Ann. – Annales

Val. Max. – Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia

Verg. – Publius Vergilius Maro

Aen. – Aeneis

Vell. – Velleius Paterculus. Historia ad M. Vinicius consulem

Научная литература

- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- AAntHung – Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AE – L'Année épigraphique. P.
- AJA – American Journal of Archaeology. Boston.
- AJPh – The American Journal of Philology. Baltimore.
- BJ – Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Rheinischen Amtes für Bodendenkmalpflege im Landschaftsverband Rheinland und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande. Köln
- BMCR — Bryn Mawr Classical Review. Bryn Mawr.
- BMCRR – Grueber, H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum: in 3 vols. / H.A. Grueber. — L.: British Museum, 1910.
- Cahiers Glotz — Cahiers du Centre Gustave Glotz. P.
- CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. — Lipsiae; B.: Apud G. Reimer, 1862—
- CJ – The Classical Journal. Monmouth.
- CPh – Classical Philology. Chicago.
- CQ – The Classical Quarterly. Cambr.
- FGrHist – Die Fragmente der griechischen Historiker: in 6 Teilen / [hrsg. F. Jacoby]. — Leiden: Brill, 1923–1958.
- ILS – Dessau, H. Inscriptiones Latinae Selectae: in 3 vols. / H. Dessau. — B.: Apud Weidmannos, 1892–1916.
- IMT - Inschriften Mysia und Troas / [eds. M. Barth, J. Stauber]. — München: Leopold Wenger Institut, 1993.
- JdI - Jahrbuch Des Deutschen Archäologischen Instituts. B.; Boston.
- JRS – The Journal of Roman Studies. St. Andrews.
- JS – Journal des savants. France.
- MAAR — Memoirs of the American Academy in Rome. Rome.

- MEFRA – Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. Rome.
- NAC — Numismatica e antichità classiche: quaderni ticinesi. Lugano.
- PBSR – The Papers of British School in Rome. Rome.
- RE – Pauly's Realencyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft. Neue Bearbeitung. — Stuttgart: J.B. Metzlerscher Verlag, 1894–1972.
- REA – Revue des études anciennes. Pessac.
- RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Köln.
- RIC – The Roman Imperial Coinage: in 10 vols. — [2 ed.] — L.: Spink, 1984–1994.
- RPAA – Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Serie III. Rendiconti. Roma.
- RPC – Burnett, A.M. Roman Provincial Coinage: in 10 vols. Vol. 1. From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69): in 2 pts. / A.M. Burnett, M. Amandry, P. P. Ripolles. — L.: The British Museum Press, 2006. — 813 p.
- RRC – Crawford, M. Roman Republican Coinage in 2 vols. / M. Crawford. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1974. — 919 p.
- SPhP – Symbolae philologorum Posnanensium Graecae et Latinae. Poznan.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

Список литературы

Источники

1. Аппиан Александрийский. Римская история / Аппиан Александрийский; [пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера, сверенный Е.С. Голубцовой и Л.Л. Кофановым]. — М. : Наука, 1998. — 726 с.
2. Веллей Патеркул. Римская история / Веллей Патеркул; [пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой] // Малые римские историки: Веллей

- Патеркул, Анней Флор, Луций Ампелий; [изд. подготов. А. И. Немировским]. — М.: Ладомир, 1996. — С. 9–96.
3. Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида / Публий Вергилий Марон; [пер. с лат. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского]. — М.: Художественная литература, 1979. — 547 с.
4. Геллий, Авл. Аттические ночи: в 2 т. / Авл Геллий; [пер. с лат. под ред. А.Я. Тыжова, А. П. Бехтер]. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007–2008.
Т. 1. Кн. I—X. —2007. — 480 с.
Т. 2. Кн. XI—XX. —2008. — 448 с.
5. Деяния Божественного Августа / Август; [пер. с лат., древнегреч. А. Л. Смышляева] // Хрестоматия по истории Древнего Рима / [под ред. проф. В. И. Кузищина]. — М.: Высшая школа, 1987. — С. 166–176.
6. Евтропий. Краткая история от основания Города / Евтропий; [пер. с лат. А.И. Донченко] // Римские историки IV века / [отв. ред. М.А. Тимофеев]. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 7–73.
7. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LI—LXIII / Кассий Дион Коккейян; [пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка]. — СПб: Нестор-История, 2014. —680 с.
8. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Корнелий Непот; [пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной]. — М.: Изд-во МГУ, 1992. —208 с.
9. Ливий, Тит. История Рима от основания города: в 3 т. / Тит Ливий; [пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе]. — М.: Ладомир, 2002. —
Т. 1. Книги I—X. — 2002. — 702 с.
Т. 2. Книги XI—XXXIII— 2002. — 811 с.
Т. 3. Книги XXXIV—XLV. Периохы книг I—CXLII.— 2002. — 797 с.
- 10.Макробий Амброзий Феодосий. Сатурналии / Макробий Амброзий Феодосий; [пер. с лат. В.Т. Звиревича]. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2009. — 372 с.

11. Манилий, Марк. Астрономика / Марк Манилий; [пер. с лат., вступ. статья и комм. Е.М. Штаерман]. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. — 140 с.
12. Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании // Николай Дамасский; [пер. с древнегреч. Е. Б. Веселаго] // ВДИ. — 1960. — № 4. — С. 218–237.
13. Орозий, Павел. История против язычников. Книги 1–7 / Павел Орозий; [пер. с лат. В.М. Тюленева]. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. — 544 с.
14. Плиний Старший. Естественная история. Книга 7 / Гай Плиний Секунд (Старший); [пер. с лат. А. Н. Маркина] // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. — 2010. — № 1. — С. 94–102; 2011. — № 3. — С. 153–157; 2012. — № 3. — С. 155–166; 2013. — № 3. — С. 163–178; 2014. — № 1. — С. 146–153.
15. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Гай Плиний Секунд (Старший); [пер. с лат. Г. А. Тароняна]. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. — 941 с.
16. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Плутарх; [изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш]. — М.: Наука, 1994. —
Т. 1. — 1994. — 704 с.
Т. 2. — 1994. — 672 с.
17. Светоний Транквилл, Гай. Жизнеописание двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл; [пер. с лат. Д.П. Кончаловского]. — М.; Л.: Academia, 1933. — 637 с.
18. Светоний Транквилл, Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл; [пер. с лат. М.Л. Гаспарова]. — М.: Наука, 1993. — 364 с.
19. Страбон. География в 17 книгах / Страбон; [пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского]. — М.: Наука, 1964. — 943 с.
20. Тацит, Корнелий. Сочинения: в 2 т. / Корнелий Тацит; [пер. с лат. А. С. Бобовича под ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеенко]. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. —
Том I. Анналы. Малые произведения. — 1993. — 443 с.

21. Флавий, Иосиф. Иудейские древности: в 2 т. / Иосиф Флавий; [пер. Г. Г. Генкеля]. — М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. —
Т. 2. Книги 13–20. О древности иудейского народа (Против Апиона). — 2002. — 612 с.
22. Флор, Анней. Две книги римских войн / Анней Флор; [пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой] // Малые римские историки: Веллей Патеркул, Анней Флор, Луций Ампелий / [изд. подготов. А. И. Немировским]. — М.: Ладомир, 1996. — С. 97–190.
23. Цезарь, Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь; [пер. и комм. М. М. Покровского]. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир» — Наука, 1993. — 559 с.
24. Цицерон, Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3 т. / Марк Туллий Цицерон; [пер. с лат. и комм. В. О. Горенштейна]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951.
Т. 1: годы 68–51. — 1949. — 534 с.
Т. 2: годы 51–46. — 1950. — 502 с.
Т. 3: годы 46–43. — 1951. — 826 с.
25. Цицерон, Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1 / Марк Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. А. Алексеева, Ф. Ф. Зелинского]. — СПб.: Изд. А. Я. Либерман, 1901. — 767 с.
26. Цицерон, Марк Туллий. Речи: в 2-х тт. / Марк Туллий Цицерон; [пер. с лат. В. О. Горенштейна]. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. —
Т. 1: годы 80–63 до н. э. — 1962. — 448 с.
Т. 2: годы 62–43 до н. э. — 1962. — 400 с.
27. Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон; [пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова, под ред. М. Л. Гаспарова]. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. — 475 с.

28. Appian's Roman History: in 4 vols / Appian; [with an Engl. transl. by H. White]. — 4 ed. — L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1958–1964. — Vol. 3. The Civil Wars. Book 1–3. — 1964. — 567 p.
29. Appiani Historia Romana. In 2 vol. Vol. 1: Prooemium, Iberica, Annibaica, Libyca, Illyrica, Mithridatica, Fragmenta / Appianus; [ed. P. Viereck, A.G. Roos; addenda et corrigenda adjecit E. Gabba]. — Ed. stereotyp. corr. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1962. — 545 p.
30. Appiani Historia Romana. In 2 vol. Vol. 2: Bella civilia / Appianus; [ex rec. L. Mendelssohnii cur. P. Viereck, A.G. Roos]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1905. — 645 p.
31. Appien d'Alexandrie. Histoire des guerres civiles de la République Romaine. In 3 t. T.1. / Appien d'Alexandrie; [Fr. trad. J.J. Combes-Dounous.]. — P.: De l'Imprimerie des frères Mame, 1808. — 556 p.
32. Caesar, Julius. The Civil War. Books I & II / Caius Julius Caesar; [ed. by J. M. Carter]. — Oxf.: Oxbow Books, 1991. — 242 p.
33. Caesaris C. Iuli commentarii rerum gestarum. In 3 vol. Vol 2. Commentarii belli civilis / Gaius Iulius Caesar; [ed. A. Klotz; addenda et corrigenda adjecit W. Trillitzsch]. — Ed. stereotyp. corr. editionis 2. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner, 1964. — 174 p.
34. Caesaris C. Iuli commentarii rerum gestarum. In 3 vol. Vol. 1. Bellum Gallicum / Gaius Iulius Caesar; [ed. W. Hering]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner. — 1987. — 179 p.
35. Cicero. Epistulae ad familiares: in 2 vols. / Marcus Tullius Cicero; [ed. and comm. by D.R. Shackleton Bailey]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1977. — Vol. 1. 62–47 B.C. — 1977. — 541 p.
Vol. 2. 47–43 B.C. — 1977. — 630 p.
36. Cicero. Epistulae ad Quintum fratrem et M. Brutum / Marcus Tullius Cicero; [ed. and comm. by D.R. Shackleton Bailey]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1980. — 274 p.

37. *Ciceronis M. Tullius orationes*: in 6 vol. / Marcus Tullius Cicero; [rec. A.C. Clark, G.W. Petersen]. — Oxonii: e Typographeo Clarendoniano, 1905–1911. —
- Vol. 1. *Pro Sex. Roscio; De imperio Cn. Pompei; Pro Cluentio; In Catilinam; Pro Murena; Pro Caelio*. — 1905. — 333 p.
- Vol. 2. *Pro Milone; Pro Marcello; Pro Ligario; Pro rege Deiotaro; Philippicae I–XIV*. — [2 ed.] — 1918. — 321 p.
- Vol. 3. *Divinatio in Q. Caecilium; In C. Verrem*. — [2 ed.] — 1917. — 464 p.
- Vol. 4. *Pro P. Quinctio; Pro Q. Roscio Comoedo; Pro A. Caecina; De lege agraria contra Rullum; Pro Rabirio perduellionis reo; Pro L. Flacco; In L. Pisonem; Pro G. Rabirio Postumo*. — 1909. — 323 p.
- Vol. 5. *Cum Senatui gratias egit; Cum populo gratias egit; De domo sua; De haruspicum responso; Pro Sestio; In Vatinius; De provinciis consularibus; Pro Balbo*. — 1911. — 286 p.
- Vol. 6. *Pro Tullio; Pro Fonteio; Pro Sulla; Pro Archia; Pro Plancio; Pro Scauro*. — 1911. — 215 p.
38. *Ciceronis M. Tullii scripta quae manserunt omnia*: in 48 fasc. Fasc. 3. *De oratore* / Marcus Tullius Cicero; [ed. K. Kumaniecky]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1969. — 412 p.
39. *Ciceronis M. Tullii scripta quae manserunt omnia*: in 48 fasc. Fasc. 28. *In M. Antonium orationes Philippicae XIV* / Marcus Tullius Cicero; [rec. G. Atzert]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1982. — 195 p.
40. *Cicero's Letters to Atticus*: in 7 vols. / Marcus Tullius Cicero; [ed. by D.R. Shackleton Bailey]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1965–1970. —
- Vol. 6. 44 B.C. 355–426 (Books XIV–XVI). — 1967. — 331 p.
41. *Cornelius Nepos. On Great Generals. On Historians* / Cornelius Nepos; [transl. by J. C. Rolfe]. — Cambr.: Harvard Univ. Press, 1929. — 353 p.
42. *Die Fragmente der griechischen Historiker*: in 6 Teilen / [hrsg. F. Jacoby]. — Leiden: Brill, 1986. — .
- T. 2. *Zeitgeschichte. A. Universalgeschichte und Hellenika. № 64–105*. — 1986. — 507 S.

43. Dio's Roman history: in 9 vols. / Cassius Dio; [ed. H.B. Foster with an English trans. by E. Cary]. — L.: William Heinemann; N.Y.: The Macmillan Co., 1914–1917.
 Vol. 3. Books 36–40. — 1914. — 519 p.
 Vol. 4. Books 41–45. — 1916. — 502 p.
 Vol. 5. Books 46–50. — 1917. — 526 p.
 Vol. 6. Books 51–55. — 1917. — 492 p.
44. Eusebius. Werke / Eusebius; [hsg. R. Helm]. — Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902–1956.
 Bd. 7. Die Chronik des Hieronymus. Hieronymi Chronicon. Tl. 1. — 1913. — 270 S.
 Bd. 7. Die Chronik des Hieronymus. Hieronymi Chronicon. Tl. 2. — 1926. — 778 S.
45. Eutropii Breviarium ab Urbe condita / Eutropius; [rec. C. Santini]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1979. — 87 p.
46. Fasti Capitolini / [rec. A. Degrassi]. — Augustae Taurinorum: In Aedibus Io. Bart. Paraviae et sociorum, 1954. — 191 p.
47. Festi Sexti Pompei De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / Sextus Pompeius Festus; [ed. W.M. Lindsay]. — Stutgardiae; Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1997. — 573 p.
48. Flori Luci Annaei Epitomae libri II et P. Annii Flori Fragmentum de Vergilio oratore et poeta / Lucius Annaeus Florus; Publius Annii Florus; [ed. O. Rossbach]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1896. — 272 p.
49. Frontini Sexti Iulii De Aquaeductu Urbis Romae / Sextus Iulius Frontinus; [ed. C. Kunderewicz]. — Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1973. — 69 p.
50. Frontinus, Sextus Iulius. The Two Books on the Water Supply of the City of Rome / Sextus Iulius Frontinus; [ed. C. Herschel]. — Boston: Dana Estes and Company, 1899. — 298 p.
51. Gelli Auli Noctes Atticae: in 2 vol. / Aulus Gellius; [ed. K. Marshall]. — Oxonii: e Typographeo Clarendoniano, 1968. —

- Vol. 1. Libri 1–10. — 1968. — 336 p.
- Vol 2. Libri 11–20. — 1968. — 336 p.
52. Horatius Flaccus, Q. Opera / Quintus Horatius Flaccus; [ed. F. Klingner]. — Ed. stereotyp. editionis 3 (1959). — B.; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2008. — 378 p.
53. Josephus. [Works]. In 9 vols. Vol. 7. Jewish Antiquities, books XII—XIV / Josephus Flavius; [with an Engl. transl. by R. Marcus]. — L.: William Heinemann; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1957. — 788 p.
54. Livi Titi Ab Urbe condita libri. In 7 pts. Pars 1: Lib. 1–6 / Titus Livius; [ed. W. Weissenborn]. — 2 ed. — Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887. — 358 p.
55. Livi Titi Periochae omnium librorum, fragmenta Oxyrhynchi reperta, Julii Obsequentis Prodigiorum liber / Titus Livius; Julius Obsequens; [ed. O. Rossbach]. — Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1910. — 201 p.
56. Macrobi Ambrosii Theodosii Opera: in 2 vol. / Macrobius Ambrosius Theodosius; [ed. J. Willis]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970. — Vol. 1. Saturnalia. — 1970. — 466 p.
57. Manilii M. Astronomicon: in 2 vol. / Marcus Manilius; [ed. A.J. Valpy]. — L.: A.J. Valpy, 1828. — Vol. 1. — 1828. — 503 p.
58. Manilii M. Astronomicon: in 5 vol. / Marcus Manilius; [ed. A. E. Housman]. — L.: Londini Richards, 1903–1931. — Vol. 1. Liber primus. — 1903. — 103 p.
59. Nicolaus of Damascus. The Life of Augustus and the Autobiography / Nicolaus of Damascus; [ed. with intr. transl., and comm. by M. Toher]. — Cambr., Cambr. Univ. Press, 2017. — 488 p.
60. Orosii Pauli Historiarum adversum paganos libri VII / Paullus Orosius; [rec. C. Zangemeister]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1889. — 371 p.
61. Plini Secundi C. Naturalis historiae libri XXXVII: in 5 vol. / Gaius Plinius Secundus; [ed. K. Mayhoff]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1870–1878. — Vol. 1. Lib. 1–6. — 1870. — 555 p.

- Vol. 2. Lib. 7–15. — 1875. — 422 p.
- Vol 3. Lib. 16–22. — 1877. — 300 p.
- Vol. 5. Lib. 31–37. — 1878. — 180 p.
62. *Plutarchi Vitae parallelae*: in 4 vol. / Plutarchus; [rec. Cl. Lindskog, K. Ziegler]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1968–1980. —
- Vol. 1. Fasc. 1. Theseus et Romulus. Solon et Publicola. Themistocles et Camillus. Aristides et Cato maior. Cimon et Lucullus. — 1969. — 423 p.
- Vol. 2. Fasc. 1: Phocion et Cato Minor, Dion et Brutus, Aemilius Paulus et Timoleon, Sertorius et Eumenes. — 1969. — 443 p.
- Vol. 2. Fasc. 2: Philopoemen et Titus, Pelopidas et Marcellus, Alexander et Caesar. — 1968. — 337 p.
- Vol. 3. Fasc. 1: Demetrius et Antonius, Pyrrhus et Marius, Aratus et Artaxerxes, Agis et Cleomenes et Tib. et C. Gracchi. — 1971. — 463 p.
- Vol. 4: Indices. — 1980. — 204 p.
63. *Res Gestae Divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi* / Augustus; [ed. Th. Mommsen]. — Berolini: Apud Weidmannos, 1883. — 223 S.
64. *Res Gestae Divi Augusti. Haut faits du Divin Auguste* / Augustus; [text établ. et trad. par J. Scheid]. — P.: Les Belles Lettres, 2007. — ccxxxiv, 126 p.
65. *Scholia in Lucani Bellum Civile* / [ed. H. Usener]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1869. — 338 p.
66. *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica Commentarii* / Maurus Servius Honoratus; [ed. G. Thilo]. — Lipsiae: In Aedibvs B. G. Teubneri, 1887. — 360 p.
67. *Strabonis Geographica*: in 3 vols. / Strabo; [rec. A. Meineke]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1903–1904.
- Vol. 1. Lib. 1–6. — 1903. — P. 1–396.
- Vol. 3. Lib. 13–17. — 1904. — P. 815–1238.
68. *Suetonius. [Works]*: in 2 vols. / Gaius Suetonius Tranquillus; [with an English translation by J. C. Rolfe]. — Cambr., Mass.: Harvard Univ. Press; L.: William Heinemann LTD, 1979. —

- Vol. 1. Lives of the Caesars. — 1979. — 499 p.
- Vol. 2. Lives of the Caesars. Lives of the Illustrious Men. — 556 p.
69. Tacitus, Cornelius. Libri qui supersunt. In 2 t. T. 1. Pt. 1. Ab excessu divi Augusti libri I–VI / Cornelius Tacitus; [ed. E. Koestermann]. — 3 ed. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1971. — 451 p.
70. Tacitus, Cornelius. Libri qui supersunt. In 2 t. T. 1. Pt. 2. Ab excessu divi Augusti libri XI–XVI / Cornelius Tacitus; [ed. K. Wellesley]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1986. — 201 p.
71. Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem cum Iulii Paridis et Ianuarii Nepotiani epitomis / Valerius Maximus; [rec. C. Kempf]. — Lipsiae: In aedibus B.C. Teubneri, 1888. — 672 p.
72. Vergilius Maro, P. Aeneis / Publius Vergilius Maro; [ed. G. B. Conte]. — B.: De Gruyter, 2009. — 429 p.
73. Velleii Paterculi Historiarum ad M. Vincium consulem libri duo / Velleus Paterculus; [rec. W. S. Watt]. — Lipsiae: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1988. — 103 p.
74. Velleius Paterculus. Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti / Velleius Paterculus; Augustus; [with an Engl. transl. by F. W. Shipley]. — L.: William Heinemann Ltd.; Cambr.: Harvard Univ. Press, 1924. — 432 p.

Исследования

1. Буассье, Г. Собрание сочинений: в 10 т. / Г. Буассье. — СПб: Иванов и Лещинский, 1993—1998. —
Т. 1. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря. — 1993. — 448 с.
2. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / И. Х. Дворецкий; [под ред. С.И. Соболевского]. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. —
Т. 1. — 1958. — С. 1–1043.
Т. 2. — 1958. — С. 1044–1904.

3. Кнабе, Г. С. Древний Рим — история и повседневность: очерки / Г. С. Кнабе. — М.: Искусство, 1986. — 206 с.
4. Любимова, О. В. Женитьба Октавиана на Ливии: выгоды или риски? / О.В. Любимова // ВДИ. — 2016. — №1. — С. 85–197.
5. Марков, К. В. Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Марков Константин Владимирович. — Нижний Новгород, 2007. — 241 с.
6. Махлаюк, А. В. Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. / А.В. Махлаюк, К.В. Марков // ВДИ. — 2008. — №2. — С. 38–56.
7. Машкин, Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин. — М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. — 608 с.
8. Межерицкий, Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа / Я.Ю. Межерицкий. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. — 991 с.
9. Михайловский, Ф. А. Власть Октавиана Августа / Ф.А. Михайловский. — М: Русское слово, 2000. — 207 с.
10. Парфенов, В. Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика / В.Н. Парфенов. — СПб: Алетейя, 2001. — 258 с.
11. Парфенов, В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана / В. Н. Парфенов // АМА. — 1979. — Вып. 4. — С. 104–124.
12. Парфенов, В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории / В. Н. Парфенов. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. — 148 с.
13. Сергеев, М. Е. Жизнь древнего Рима / М. Е. Сергеев. — СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», Журнал «Нева», 2000. — 361 с.

14. Смышляев, А. Л. Рим: эпоха принципата // А. Л. Смышляев // Всемирная история: в 6 т. — Т. 1: Древний мир. — М.: Наука, 2011. — С. 603–639.
15. Соломатин, М. Д. [Рецензия] / М.Д. Соломатин / ВДИ. — 1997. — №3. — С. 178–186. — Рец. на кн.: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / М. Г. Абрамзон. — М.: [б.и.], 1995. — 656 с.
16. Таривердиева С. Э. Август и Агриппа: развитие системы соправления с 29 по 18 г. до н. э. / С.Э. Таривердиева // Исторический вестник. — 2017. — Т. 19. Рим: *Dominatio civilis*. — С. 126–169.
17. Таривердиева, С. Э. Военно-политическая деятельность Агриппы во время галльского наместничества 40–38 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2012. — Вып. 8 (16). — Абз. 1–38.
18. Таривердиева, С. Э. Галльская чеканка Марка Агриппы 38 г. до н. э. / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2016. — №3. — С. 642–661.
19. Таривердиева, С. Э. Марк Агриппа в гражданских войнах 44–42 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // АМА. — 2015. — Вып. 17. — С. 127–150.
20. Таривердиева, С. Э. Марцелл и династическая политика Августа в 29–23 гг. до н. э. / С. Э. Таривердиева // *Studia historica*. — 2013. — Вып. 13. — С. 158–177.
21. Таривердиева, С. Э. Место Тиберия в династической политике Августа до 23 г. до н. э. / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2015. — № 3. — С. 79–90.
22. Таривердиева, С. Э. Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность / С. Э. Таривердиева // АМА. — 2013. — Вып. 16. — С. 132–140.

23. Таривердиева, С. Э. Сальвидиен Руф и Марк Агриппа / С. Э. Таривердиева // Аристей. — 2016. — Т. 14. — С. 186–206.
24. Таривердиева, С. Э. Совет Агриппы соратникам (Cass. Dio XLIX. 4): попытка интерпретации / С. Э. Таривердиева // ВДИ. — 2015. — № 1. — С. 145–159.
25. Таривердиева, С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме / С. Э. Таривердиева // Известия Уральского федерального ун-та. — Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1. — С. 6–25.
26. Таривердиева, С. Э. Храм Марса на форуме Августа: *Bis Ultor* / С. Э. Таривердиева // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого: сборник научных трудов / [под общ. ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка]. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. — С. 160–172.
27. Фёдорова, Е. В. Латинская эпиграфика / Е. В. Фёдорова. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. — 373 с.
28. Ферреро, Г. Величие и падение Рима: в 2 т. / Г. Ферреро. — СПб.: Наука, 1998. —
Т. 2. Создание империи. — 1998. — 330 с.
29. Шифман, И. Ш. Цезарь Август / И. Ш. Шифман. — Л.: Наука, 1990. — 199 с.
30. Alföldy, A. Octavians Aufstieg zur Macht / A. Alföldy. — Bonn: Rudolf Habelt Verlag GmbH, 1976. — 125 S.
31. Ameling, W. Augustus und Agrippa. Bemerkungen zu PKöln VI 249 / W. Ameling // Chiron. — 1994. — Bd. 24. — S. 1–28.
32. Arnaud, P. Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographique la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les régnes d'Auguste e Tibère / P. Arnaud // Cahiers Glotz. — 1994. — Т. 5. — P. 221–253.

33. Assenmaker, P. Guerre civile et guerre des images. La mise en scène de la légitimité politique sur les monnaies / P. Assenmaker // *Archéothéma*. — 2014. — T. 33. — P. 32–35.
34. Astin, A. E. Augustus and «censoria potestas» / A.E. Astin // *Latomus*. — 1963. — T. 22, fasc. 2. — P. 226–235.
35. Babelon, E. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine: en 2 t. / E. Babelon. — P.: Rollin et Feuardent, 1885–1886. —
T. II. —1886. — 669 p.
36. Badian, E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate / E. Badian // *Romanitas — Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit* / [ed. G. Wirth]. — B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1982. — P. 18–41.
37. Badian, E. Notes on the Laudatio of Agrippa / E. Badian // *CJ*. — 1980–1981. — Vol. 76, №2. — P. 97–109.
38. Bar, M. La date et la signification symbolique des premiers bronzes de Nîmes au crocodile (LT 2778) / M. Bar // *Actas del XIII Congreso internacional de Numismática* / [ed. C. Alfaro et al.]. — Madrid: Ministerio de Cultura, Subdirección General de Publicaciones, Información y Documentación, 2005. — P. 823–827.
39. Bauman, R. A. Tiberius and Murena / R.A. Bauman // *Historia*. — 1966. — Bd. 15, № 4. — P. 420–432.
40. Beachem, R. The Emperor as Impresario / R. Beachem // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / [ed. K. Galinsky]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. — P. 151–174.
41. Beard, M. The Roman Triumph / M. Beard. — Cambr.; L.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2007. — 434 p.
42. Benedetti, L. Glandes Perusinae. Revisione e aggiornamenti / L. Benedetti. — Roma: Edizioni Quasar di Severino Tognon, 2012. — 193 p.

43. Bergmann, B. Die corona navalis – Eine Sonderehrung für Agrippa / B. Bergmann // JdI. — 2011. — Bd. 126. — S. 77–107.
44. Besombes, P.-A. L'ouverture de l'atelier «imperial» de Nîmes et la première émission d'as au crocodile / P.-A. Besombes // Del imperium de Pompeyo a la auctoritas de Augusto: homenaje a Michael Grant. — Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas Instituto de Historia, 2008. — P. 235–242.
45. Besombes, P.-A. Les ateliers de Nîmes et de Lyon sont-ils des ateliers militaires? / P.-A. Besombes // Actas del XIII Congreso internacional de Numismàtica / [ed. C. Alfaro et al.]. — Madrid: Ministerio de Cultura, Subdirección General de Publicaciones, Información y Documentación, 2005. — P. 975–977.
46. Besombes, P.-A. Les dupondii de Nîmes: datation, diffusion et nature du métal utilisé // P.-A. Besombes, J.-N. Barrandon // Revue numismatique. — 2001. — T. 157. — P. 305–328.
47. Biederman, D. Ein verkanntes Portrait Octavians / D. Biederman // «Man kann es sich nicht prächtig genug vorstellen!». Festschrift für Dieter Salzmann zum 65. Geburtstag: in 2 Bd. / [hrsg. H. Schwarzer, H.-H. Nieswandt]. — Bd. 1. — Marsberg; Padberg: Scriptorium, 2016. — S. 1–12.
48. Biedermann, D. Sterne in der Münzprägung der Römischen Republik. Zur Mehrdeutigkeit eines Symbols / D. Biederman // Neue Forschungen zur Münzprägung der Römischen Republik. Beiträge zum internationalen Kolloquium im Residenzschloss / [hsg. F. Haymann; W. Hollstein; M. Jehne]. — Bonn: Habelt Verlag, 2016. — S. 145–172.
49. Bleicken, J. Augustus. Eine Biographie / J. Bleicken. — Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010. — 816 s.
50. Blumenthal, F. Die Autobiographie des Augustus / F. Blumenthal // Wiener Studien. — 1913. — Bd. 35. — S. 267–288.

51. Brandt, H. Marcellus «successio praeparatus»? Augustus, Marcellus und die Jahre 29–23 v. Chr. / H. Brandt // *Chiron*. — 1995. — Bd. 25. — S. 1–17.
52. Broucke, P. The Caryatids from Hadrian's Villa at Tivoli and the Pantheon of Agrippa / P. Broucke // *AJA*. — 1999. — Vol. 103. — P. 312.
53. Broucke, P. The First Pantheon: Architecture and Meaning / P. Broucke // *The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9–12, 2006* / [hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler]. — Bern: Univ. Bern, 2009. — P. 27–28.
54. Broucke, P. The Pantheon of Agrippa and the Mausoleum of Augustus / P. Broucke // *AJA*. — 2000. — Vol. 104. — P. 366.
55. Broughton, T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic: in 2 vols.* / T.R.S. Broughton. — N.Y.: American Philological Association, 1951–1952. —
Vol. 2: 99 B. C. — 31 B. C. — 1952. — 647 p.
56. Broughton, T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 3: Supplement* / T.R.S. Broughton. — Atlanta: Scholars Press. 1986. — 294 p.
57. Brunt, P. A. *Italian Manpower. 225 BC – AD 14* / P.A. Brunt. — Oxf.: Clarendon Press, 1971. — 762 p.
58. Brunt, P. A. [Revue] / P.A. Brunt // *JRS*. — 1961. — Vol. 51. — P. 236–238. — Rev. op.: *Les Origines du Principat* / P. Grenade. — P.: Éditions E. de Boccard, 1961. — 494 p.
59. Bucher, G.S. *The Origins, Program, and Composition of Appian's Roman History* / G.S. Bucher // *TAPA*. — 2000. — Vol. 130. — P. 411–458.
60. Burnett, A.M. *Roman Provincial Coinage: in 10 vols. Vol. 1. From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69): in 2 pts.* /

- A.M. Burnett, M. Amandry, P. P. Ripolles. — L.: The British Museum Press, 2006. —
- Pt. 1. Introduction and Catalogue. — 2006. — P. 1–727.
- Pt. 2. Indexes and Plates. — 2006. — P. 728–813, 195 plates.
61. Burnett, A.M. The Authority to Coin in the Late Republic and Early Empire / A.M. Burnett // *The Numismatic Chronicle*. — 1977. — Vol. 17 (137). — P. 37–63.
 62. Buxton, B.A. Rome at the Crossroads, 6 BCE — 4 CE: PhD diss. in ancient history and Mediterranean archaeology / Buxton Bridget Ann. — Berkeley, 2003. — 477 p.
 63. Carcopino, J. Cicero. The Secrets of his Correspondence: in 2 vols / J. Carcopino. — N.Y.: Greenwood Press, 1969. — Vol. 2. — 1969. — P. 279–596.
 64. Castán, S. Marco Agripa y Augusto. Poder, imperium maius y problema sucesorio en el contexto de las tensiones República-Principado / S. Castán. — Madrid: Univ. Rey Juan Carlos, 2013. — 107 p.
 65. Castritius, H. Der Römische Prinzipat als Republik / H. Castritius. — Husum: Matthiesen Verlag, 1982. — 120 S.
 66. Charlesworth, M. P. Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony / M.P. Charlesworth // *CQ*. — 1933. — Vol. 27. — P. 172–177.
 67. Christol, M. Nîmes et les volques arécomiques au Ier siècle avant J.-C. / M. Christol, Ch. Goudineau // *Gallia*. — 1987–1988. — T. 45. — P. 87–103.
 68. Clarke, J. R. Augustan Domestic Interiors: Propaganda or Fashion? / J.R. Clarke // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / [ed. K. Galinsky]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. — P. 264–280.
 69. Clausen, W.V. Virgil: Eclogues / W.V. Clausen. — Oxf.: Clarendon Press, 1994. — 328 p.
 70. Coarelli, F. Il Campo Marzio occidentale. Storia e topografia / F. Coarelli // *MEFRA*. — 1977. — T. 89, № 2. — P. 807–846.

71. Coarelli, F. *Rome and Environs. An Archaeological Guide* / F. Coarelli; [tranl. by J.J. Clauss, D. P. Harmon]. — Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2007. — 555 p.
72. Corbett, J. H. *The Succession Policy of Augustus* / J. N. Corbett // *Latomus*. — 1974. — T. 33, fasc. 1. — P. 87–97.
73. Crawford, M. *Roman Republican Coin Hoards* / M. Crawford. — L.: Royal Numismatic Society, 1969. — 174 p.
74. Crawford, M. *Roman Republican Coinage: in 2 vols.* / M. Crawford. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1974. —
Vol. 1. — 1974. — P. 1–568.
Vol. 2. — 1974. — P. 569–919.
75. Crook, J. A. *Political history, 30 BC to AD 14* / J.A. Crook // *The Cambridge Ancient History: in 14 vols.* — Vol. 10. *The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69* / [ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott]. — 2 ed., repr. 1996. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2008. — P. 70–112.
76. Curchin, L. A. *Octavius in Spain* / L.A. Curchin // *La Península Ibérica hace 2000 años: actas del I congreso internacional de historia Antigua* / [ed. L. Hernández Guerra et al.]. — Valladolid: Univ. de Valladolid, 2001. — P. 153–157.
77. Daniel, R. M. *Vipsanius Agrippa: Eine Monografie: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde* / Daniel Rudolf. — Breslau, 1933. — 123 S.
78. Demougin, S. *Quo descendat in campo petitor. Élections et électeurs à la fin de la République et au début de l'Empire* / S. Demougin // *L'Urbs: espace urbain et histoire (Ier siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.)*. — Rome: École française, 1987. — P. 305–317.
79. Dessau, H. *Inscriptiones Latinae Selectae: in 3 vols.* / H. Dessau. — B.: Apud Weidmannos, 1892–1916.
Vol. 2, Pars. 1. — 1902. — 736 p.
Vol. 3, Pars 2. — 1916. — cxcii, 954 p.

80. Dettenhofer, M. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat / M. Dettenhoffer. — Stuttgart: Steiner Verlag, 2000. — 234 S.
81. Eck, W. Senatorial Self-Representation: Developments in the Augustan Period / W. Eck // *Caesar Augustus: Seven Aspects* / [ed. F. Millar, E. Segal]. — Oxf.: Clarendon Press, 1984. — P. 129—167.
82. Evans, H. Agrippa's Water Plan / H. Evans // *AJA*. — 1982. — Vol. 86. — P. 401–411.
83. Fantham, E. *Julia Augusti: the Emperor's Daughter* / E. Fantham. — L.; N.Y.: Routledge, 2006. — 175 p.
84. Favro, D. Making Rome a World City / D. Favro // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / [ed. K. Galinsky]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. — P. 234–263.
85. Favro, D. *The Urban Image of Augustan Rome* / D. Favro. — Repr. 1996. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2010. — 346 p.
86. Ferrary, J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste / J.-L. Ferrary // *Cahiers Glotz*. — 2001. — T.12. — P. 101–154.
87. Fishwick, D. The Statue of Julius Caesar in the Pantheon / D. Fishwick // *Latomus*. — 1992. — T. 51. — P. 329–336.
88. Fitzler, K. Julius (132) / K. Fizler, O. Seek // *RE*. — 1918. — HBd. 19. — Sp. 275–381.
89. Frandsen, P.S. M. Vipsanius Agrippa: eine historische Untersuchung über dessen Leben und Wirken / P.S. Frandsen. — Altona: Aue, 1836. — 260 S.
90. Frascetti, A. Augusto e la «laudatio» di Agrippa / A. Frascetti // *Il bimillenario di Agrippa*. — Genova: Istituto di filologia classica e medievale, 1990. — P. 83–98.
91. Freudenburg, K. Recusatio as Political Theatre: Horace's Letter to Augustus / K. Freudenburg // *JRS*. — 2014. — Vol. 104. — P. 105–132.
92. Fullerton, M.D. The Domus Augusti in Imperial Iconography of 13–12 B. C. / M.D. Fullerton // *AJA*. — 1985. — Vol. 89, №3. — P. 473–483.

93. Gabba, E. La svolgimento militare della guerra di Perugia (41–40 a. C.) / E. Gabba // *Mélanges Marcel Durry*. — P.: Les belles lettres, 1970. — P. 215–223.
94. Gabba, E. The Perusine War and Triumviral Italy / E. Gabba // *HSCPh*. — 1971. — Vol. 75. — P. 139–160.
95. Galinsky, K. [Revue] [Электронный ресурс] / K. Galinsky // *BMCR*. — 2016. — 19 Sept. — Режим доступа: <http://bmcr.brynmawr.edu/2016/2016-09-19.html#t2> (дата обращения: 01.09.2018 г.) . — Rev. op.: *Fora augusta: das Augustusforum und seine Rezeption im Westen des Imperium Romanum* / V. Goldbeck. — Regensburg: Schnell und Steiner, 2015. — 268 S.
96. Galsterer, H. The Administration of Justice / H. Galsterer // *The Cambridge Ancient History: in 14 vols.* — Vol. 10. *The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69* / [ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott]. — 2 ed., repr. 1996. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2008. — P. 397–413.
97. Gardthausen, V. *Augustus und seine Zeit: in 2 Tl.* / V. Gardthausen. — Leipzig: B. Teubner, 1891–1896.
Tl. 1, Bd 1. — 1891. — S. 1–482.
Tl. 1, Bd. 2. — 1896. — S. 483–1378.
Tl. 2, Bd. 1. — 1891. — S. 1–276.
Tl. 2, Bd. 2. — 1896. — S. 277–910.
98. Gascou, J. *Suétone historien* / G. Gascou. — Rome: École française, 1984. — 874 p.
99. Giard, J.-B. *Le trésor de Port-Haliguen. Contribution à l'étude du monnayage d'Auguste* / J.-B. Giard // *Revue numismatique*. — 1967. — T. 9. — P. 119–139.
100. Giovanini, A. *Les pouvoirs d'Auguste de 27 à 23 av. J.-C. Une relecture de l'ordonnance de Kymè de l'an 27 (IK 5, N° 17)* / A. Giovanini // *ZPE*. — 1999. — Bd. 124. — P. 95–106.

101. Girardet, K. M. Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung / K.M. Girardet // *La revolution romaine apres Ronald Syme: bilans et perspectives* / [ed. A. Giovanni, F. Millar. — Genève: Fondation Hardt, 2000. — P. 167–236.
102. Goudineau G. Gaul / G. Goudineau // *The Cambridge Ancient History*: in 14 vols. — Vol. 10. The Augustan Empire, 43 B.C—A.D. 69 / [ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott]. — 2 ed., repr. 1996. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2008. — P. 464–502.
103. Gowing, A. The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio / A. Gowing. — Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1992. — 374 p.
104. Grant, M. From Imperium to Auctoritas / M. Grant. — Repr. 1946. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1969. — 512 p.
105. Grey-Fow, M. A Stepfather's Gift: L. Marcus Philippus and Octavian / M. Grey-Fow // *Greece & Rome*. — 1988. — Vol. 35, № 2. — P. 184–199.
106. Grenade, P. Essai sur les Origines du Principat / P. Grenade. — P.: Éditions E. de Boccard, 1961. — 494 p.
107. Gronewald, M. Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa / M. Gronewald // *ZPE*. — 1983. — Bd. 52. — S. 61–62.
108. Grueber, H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum: in 3 vols. / H.A. Grueber. — L.: British Museum, 1910. —
Vol. 1: Aes rude, aes signatum, aes grave, and coinages of Rome from B.C. 268. — 1910. — 594 p.
Vol. 2: Coinages of Rome (continued), Roman Campania, Italy, The Social War, and the Provinces. — 1910.— 592 p.
Vol. 3. Vol. 3 Tables of finds and cognomina, indexes, plates. — 236 p., 123 pl.
109. Gruen, E. Augustus and the Making of the Principate / E. Gruen // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / [ed. K. Galinsky]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2005. — P. 33–54.

110. Grüner, A. Das Pantheon des Agrippa: Architektonische Form und urbaner Kontext / A. Grüner // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9–12, 2006 / [hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler]. — Bern: Univ. Bern, 2009. — S. 41–67.
111. Gurval, R.A. Caesar's Comet: The Politics and Poetics of an Augustan Myth / R.A. Gurval // MAAR. — 1997. — Vol. 42. — P. 39–71.
112. Habicht, C. Marcus Agrippa Theos Soter / C. Habicht // Hyperboreus. — 2005. — T.11, fasc.2. — P. 242–246.
113. Hadas, M. Sextus Pompey / M. Hadas. — N.Y.: Columbia Univ. Press, 1930. — 181 p.
114. Hanslik, R. Vipsanius [2] / R. Hanslik // RE. — 1961. — R. 2. — HBd. 17. — Sp. 1226–1275.
115. Haslam, M. W. Augustus' Funeral Oration for Agrippa / M.W Haslam // CJ. — 1980. — Vol. 75, № 3. — P. 193–199.
116. Hickson, F. V. Augustus «Triumphator»: Manipulation of the Triumphal Theme in the Political Program of Augustus / F.V. Hickson // Latomus. — 1991. — T. 50. — P. 124–138.
117. Hill, P. Coin-symbolism and Propaganda During the Wars of Vengeance / P. Hill // NAC. — 1975. — Vol. 4. — P. 157–207.
118. Hinard, F. Les proscriptions de la Rome républicaine / F. Hinard. — Rome: École française, 1985. — 605 p.
119. Hurlet F. L'aristocratie augustéenne et la respublica restituta / F. Hurlet // Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes, 1er-2 juin 2007. / [ed. F. Hurlet, B. Mineo]. — Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009. — P. 73–99.
120. Hurlet, F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère / F. Hurlet. — Rome: École française, 1997. — 692 p.
121. Hurlet, F. Le proconsul et le prince d'Auguste a Diocletien / F. Hurlet. — Bordeaux: Diffusion de Boccard, 2006. — 351 p.

122. Hurlet, F. Recherches sur la durée de l'imperium des «co-régents» sous les principats d'Auguste et de Tibère / F. Hurlet // Cahiers Glotz. — 1994. — T. 5. — P. 255–289.
123. Hurlet, F. [Compte rendu] / F. Hurlet // REA. — 2002. — T. 104, №1–2. — P. 284–286. — Compt.-rend. op.: Exemplaria principis: Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums / M. Spannagel. — Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 1999. — 462 p.
124. Hurlet, F. Un quindicennio di ricerche su Augusto un bilancio storiografico / F. Hurlet, A. Dalla Rosa // Studi Classici e Orientali. — 2009. — Vol. 55. — P. 169—231.
125. Instinsky, H. U. Die Siegel des Kaisers Augustus / H.U. Instinsky. — Baden-Baden: Bruno Grimm, 1961. — 57 S.
126. Inschriften Mysia und Troas [Электронный ресурс] / [eds. M. Barth, J. Stauber]. — München: Leopold Wenger Institut, 1993. — Packard Humanities Institute CD №7, 1996. — Режим доступа: <https://epigraphy.packhum.org/regions/633> (дата обращения: 01.09.2018 г.)
127. Jameson, Sh. 22 or 23? / Sh. Jameson // Historia. — 1969. — Vol. 18, № 2. — P. 204–229.
128. Jolivet, V. Les jardins de Pompee: nouvelles hypotheses / V. Jolivet // MEFRA. — 1983. — T. 95, № 1. — P. 115–138.
129. Jones A.H.M. Censorial Powers of Augustus / A.H.M. Jones // Studies in Roman Government and Law / A.H.M. Jones. — N.Y.: Barnes & Noble, 1968. — P. 19–26.
130. Jones A. H. M. The Imperium of Augustus A.H.M. Jones // Studies in Roman Government and Law / A.H.M. Jones. — N.Y.: Barnes & Noble, 1968. — P. 1–17.
131. Jones, G.D.B. Southern Etruria 50–40 B. C.: an Attack on Veii in 41 B. C. / G.D.B. Jones // Latomus. — 1963. — T. 22, fasc. 4. — P. 773–776.

132. Jones, H. S. The Princeps / H.S. Jones // The Cambridge Ancient History: in 14 vols. — Vol. 10. The Augustan Empire, 44 B.C—A.D. 70 / [ed. S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth]. — 1 ed. — Cambr.: Cambr. Univ. Press. 1934. — P. 127–158.
133. Kienast, D. Augustus und Caesar / D. Kienast // Chiron. — 2001. — Bd. 31. — S. 1–26.
134. Kienast, D. Augustus. Prinzeps und Monarch / D. Kienast. — 4 Aufl. — Darmstadt: Primus, 2009. — 612 S.
135. Kleiner, D. Pledges of Empire: The Ara Pacis and the Donations of Rome / D. Kleiner, B. Buxton // AJA. — 2008. — Vol. 112. P. 57–89.
136. Koenen, L. Die «Laudatio funebris» des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon. inv. nr. 4701) / L. Koenen // ZPE. — 1970. — Bd. 5. — S. 217–283.
137. Konstan, D. Friendship in the Classical World / D. Konstan. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1997. — 206 p.
138. Kornemann, E. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum / E. Kornemann. — Leipzig: Teubner B. G., 1930. — 209 S.
139. Kraay, C. The Chronology of the Coinage of Colonia Nemausus / C. Kraay // Numismatic Chronicle. — 1955. — Vol. 15. — P. 75–87.
140. Kraft, K. Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyrannen» / K. Kraft. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. — 103 S.
141. Lamp, K. S. A City of Marble: The Rhetoric of Augustan Rome [Электронный ресурс] / K.S. Lamp. — Columbia: Univ of South Carolina Press, 2013. — Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=Vf7DBwAAQBAJ> (дата обращения: 01.09.2018 г.).
142. Lesk, A. «Caryatides probantur inter pauca operum»: Pliny, Vitruvius, and the Semiotics of the Erechtheion Maidens at Rom / A. Lesk // Arethusa. — 2007. — Vol. 40. — P. 25–42.

143. Letta, C. Primi osservazioni sui Fasti Albenses / C. Letta // RPAA. — 2012–2013. — Vol. 85. — P. 330–331.
144. Levick, B. Augustus: Image and Substance / B. Levick. — Repr. 2010. — L.: Routledge, 2013. — 351 p.
145. Levick, B. Drusus Caesar and the Adoptions of 4 A. D. / B. Levick // Latomus. — 1966. — T. 25. — P. 227–244.
146. Levick, B. Propaganda and the Imperial Coinage / B. Levick // Antichthon. — 1982. — Vol. 16. — P. 104–116.
147. Levick, B. Tiberius the Politician / B. Levick. — L.; N.Y.: Routledge, 1999. — 328 p.
148. Liddell, H. G. A Greek-English Lexicon / H.G. Liddel, R. Scott, [rev. and augm. by H.S. Jones]. — 9 ed. with suppl. 1996. — Oxf.: Clarendon Press, 1996. 2042 p.
149. Lloyd, R. B. The Aqua Virgo, Euripus and Pons Agrippae / R.B. Lloyd // AJA. — 1979. — Vol. 83. — P. 193–204.
150. Marx, F.M. Agrippa und die zeitgenössische römische Dichtkunst / F.M. Marx // RhM. — 1925. — Bd 74. — S. 174–194.
151. Magie, D. The Mission of Agrippa to the Orient in 23 B. C. / D. Magie // CPh. — 1908. — Vol. 3, № 2. — P. 145–152.
152. Mattingly, H. Dives Anagnia / H. Mattingly // Numismatic Chronicle. — 1946. — Vol. 6, № 3–4. — P. 91–96.
153. McFayden, D. The history of the title Imperator / D. McFayden. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1920. — 67 p.
154. Millar, F. A Study of Cassius Dio / F. Millar. — Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1964. — 239 p.
155. Mols, S. T. A. M. La villa della Farnesina. Le pitture // S.T.A.M. Mols, E.M. Moorman. — Milano: Electa, 2008. — 83 p.
156. Mottershead, G. The Constructions of Marcus Agrippa in the West: PhD diss. / Mottershead Geoffrey. — Melbourne, 2005. — 246 p.

157. Münzer, F. Octavius (13) / F. Münzer // RE. — 1937. — Hbd. 34. — Sp. 1805.
158. Münzer, F. [Rezension] / F. Münzer // Gnomon. — 1934. — Bd. 10, HBd. 6. — S. 314–318. — Rez. op.: Marcus Agrippa. A Biography / M. Reinhold. — Geneva; N.Y.: W. F. Humphrey Press, 1933. — 203 p.; M. Vipsanius Agrippa. Eine Monographie : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde / Daniel Rudolf. — Breslau, 1933. — 123 S.
159. Münzer, F. Roman Aristocratic Parties and Families / F. Münzer; [Engl. transl. T. Ridley]. — Baltimore; L.: The Johns Hopkins Univ. Press, 1999. — 486 p.
160. Niccolini, G. I fasti dei tribuni della plebe / G. Niccolini. — Milan: A. Giuffrè, 1934. — 589 p.
161. Osgood, J. Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of Roman Empire / J. Osgood. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2006. — 440 p.
162. Parker, E.R. The Education of Heirs in the Julio-Claudian Family / E.R. Parker // AJPh. — 1946. — Vol. 67, № 1. — P. 29–50.
163. Pandey, N.B. Caesar's Comet, the Julian Star, and the Invention of Augustus / N.B. Pandey // TAPA. — 2013. — Vol. 143. — P. 405–449.
164. Panvini Rosati, F. Le emissioni in oro e argento di «Tresviri monetales» di Augusto / F. Panvini Rosati // Archeologia Classica. — 1951. — Vol. 3. — P. 66–85.
165. Papini, M. [Recensione] / M. Papini // BJ. — 2001. — Bd. 201. — P. 575–578. — Rec. op.: Exemplaria principis: Untersuchungen zu Entstehung und Ausstattung des Augustusforums / M. Spannagel. — Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte, 1999. — 462 p.
166. Pelling, Ch. The Triumviral Period / Ch. Pelling // The Cambridge Ancient History: in 14 vols. — Vol. 10. The Augustan Empire, 43 B.C.—A.D. 69 / [ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott]. — 2 ed., repr. 1996. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2008. — P. 1–70.

167. Piganiol, A. Les pouvoirs constitutionnels et le principat d'Auguste / A. Piganiol // JS. — 1937. — №4. — P. 150–166.
168. Pink, K. Die Triumviri monetales unter Augustus / K. Pink // Numismatische Zeitschrift. — 1946. — Bd. 71. — S. 113–125.
169. Pink, K. The triumviri monetales and the structure of the coinage of the Roman Republic / K. Pink. N.Y.: The American Numismatic Society, 1952. — 78 p.
170. Platner, S. B. A Topographical Dictionary of Ancient Rome / S.B. Platner, T. Ashby. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1929. — 609 p.
171. Pollini, J. From Republic to Empire. Rhetoric, Religion and Power in the Visual Culture of Ancient Rome / J. Pollini. — Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2012. — 550 p.
172. Powell, L. Marcus Agrippa. Right-hand Man of Caesar Augustus / L. Powell. — Barnsley: Pen & Sword Military, 2015. — 344 p.
173. Puech, P.-F. The “As de Nîmes”, a Roman Coin and the Myth of Antony and Cleopatra: Octavian and Agrippa victorious over Antony / P.-F. Puech, B. Puech, F. Puech // OMNI. Revue numismatique. — 2014. — Vol. 8. — P. 58–66.
174. Ramage, E. Augustus's Treatment of Julius Caesar / E. Ramage // Historia. — 1985. — Vol. 34, №2. — P. 223–245.
175. Rawson, E. Cassius and Brutus: The Memory of the Liberators / E. Rawson // Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing / [ed.: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman]. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1986. — P. 101–120.
176. Rawson, E. The Aftermath of the Ides / E. Rawson // The Cambridge Ancient History: in 14 vols. — Vol. 9. The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C. / [ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson]. — 2 ed., repr. 1992. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2008. — P. 468–490.

177. Rehak, P. *Imperium and Cosmos. Augustus and the Northern Campus Martius* / P. Rehak. — Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2006. — 222 p.
178. Reinhold, M. *From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 49–52 (36–29 BC)* / M. Reinhold. — Atlanta: Scholars Press, 1988. — 261 p.
179. Reinhold, M. *Marcus Agrippa. A Biography* / M. Reinhold. — Geneva; N.Y.: W. F. Humphrey Press, 1933. — 207 p.
180. Reinhold, M. *Marcus Agrippa's Son-in-Law P. Quinctilius Varus* / M. Reinhold // CPh. — 1972. — Vol. 67. — P. 119–121.
181. Reinhold, M. *The Perusine War* / M. Reinhold // The Classical Weekly. — 1933. — Vol. 26, №23. — P. 180–182.
182. Reynolds, J. *Aphrodisias and Rome* / J. Reynolds. — L.: Society for the Promotion of Roman Studies, 1982. — 214 p.
183. Rich, J. W. *Augustus's Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum* / J.W. Rich // PBSR. — 1998. — Vol. 66. — P. 71–128.
184. Rich J. W. *Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9)* / J.W. Rich. — Warminster: Aris & Phillips, 1990. — 260 p.
185. Rich, J. W. *Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C.* / J.W. Rich, J.H.C. Williams // Numismatic Chronicle. — 1999. — Vol. 159. — P. 169–213.
186. Richardson, L. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome* / L. Richardson. — Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1992. — 458 p.
187. Roddaz, J.-M. *Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire* / J.-M. Roddaz // Cahiers Glotz. — 1992. — T. 3. — P. 189–211.
188. Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa* / J.-M. Roddaz. — Roma: École française de Rome, 1984. — 734 p.

189. Roddaz, J.-M. Un theme de la «propagande» augusteenne: l'image populaire d'Agrippa / J.-M. Roddaz // MEFRA. — 1980. — T. 92, № 2. — P. 947–955.
190. Roman, D. Apollon, Auguste et Nîmes / D. Roman // Revue archéologique de Narbonnaise. — 1981. — T. 14. — P. 207–214.
191. The Roman Imperial Coinage: in 10 vols. — 2 ed. — L.: Spink, 1984–1994. —
Vol. 1. From 31 BC to AD 69. / [ed. by C.H.V. Sutherland, R. Carson] — 1984. — 727 p.
Vol. 2. Vespasian to Hadrian / [ed. by H. Mattingly, E.A. Sydenham]. — 1986. — 568 p.
192. Romeo, I. Ingenuus Leo. L'immagine di Agrippa / I. Romeo. — Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1998. — 227 p.
193. Rowe, G. Reconsidering the Auctoritas of Augustus / G. Rowe // JRS. — 2013. — Vol. 103. — P. 1–15.
194. Rubincam, C. The Nomenclature of Julius Caesar and the Later Augustus in the Triumviral Period / C. Rubincam // Historia. — 1992. — Vol. 41, № 1. — P. 88–103.
195. Ruciński, S. Praefectus urbi. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain / S. Ruciński. — Poznań: Contact, 2009. — 290 p.
196. Sawiński, P. Agrippa, Marcellus i pierścień Augusta. Kilka uwag na temat fragmentu Historii Rzymskiej Kasjusza Diona (53, 30, 1–2) / P. Sawiński // SPhP. — 2013. — T. 23, №1. — P. 35–43.
197. Sawiński, P. Marcus Agrippa: Collega Imperii or successor to Augustus? The Succession Issue Between 23 and 12 BC / P. Sawiński // Palamedes. — 2013. — №8. — P. 141–154.
198. Scheid, J. Commentaire / J. Scheid // Res Gestae Divi Augusti. Haut faits du Divin Auguste / Augustus; [text établ. et trad. par J. Scheid]. — P.: Les Belles Lettres, 2007. — P. 27–93.

199. Schnegg-Köhler, B. Die augusteischen Säkularspiele/ B. Schnegg-Köhler. — Leipzig: K.G. Saur, 2002. — 289 S.
200. Schumacher, L. Die imperatorischen Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus / L. Schumacher // *Historia*. — 1985. — Bd. 34, H. 2. — P. 191–222.
201. Sear, D. R. The History and Coinage of the Roman Emperors, 49–27 BC. / D.R. Sear. — L.: Spink, 1998. — 360 p.
202. Severy, B. Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire / B. Severy. — N.Y.: Routledge, 2003. — 280 p.
203. Shipley, F. Agrippa's Building Activities in Rome / F. Shipley. — Repr. 1933. — Eugene: Wipf & Stock, 2008. — 97 p.
204. Signon, H. Agrippa. Freund und Mitregent des Kaisers Augustus / H. Signon. — Frankfurt am Main: Societäts-Verlag, 1978. — 247 S.
205. Simpson, C. J. Rome's "Official Imperial Seal"? The Rings of Augustus and His First Century Successors / C.J. Simpson // *Historia*. — 2005. — Bd. 54, H. 2. — P. 180–188.
206. Simpson, C. J. Imp. Caesar Divi filius. His Second Imperial Acclamation and the Evolution of an Allegedly Exorbitant Name / C.J. Simpson // *Athenaeum*. — 1998. — Vol. 86, № 2. — P. 419–437.
207. Simpson, C. J. The Northern Orientation of Agrippa's Pantheon: Additional Considerations / C.J. Simpson // *L'Antiquite Classique*. — 1997. — T. 66. — P. 169–176.
208. Stern, G. Augustus, Agrippa, the Ara Pacis and the Coinage of 13 BC // *AAntHung*. — 2015. — T. 55, №1–4. — P. 61–78.
209. Stern, G. Women, Children, and Senators on the Ara Pacis Augustae: A Study of Augustus' Vision of a New World Order in 13 BC: PhD in History diss. / Stern Gaius. — Berkeley, 2006. — 549 p.
210. Sumi, J. S. Ceremony and Power. Performing Politics in Rome between Republic and Empire / J.S. Sumi. — Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 2008. — 379 p.

211. Sumner, G. V. The Lex Annalis under Caesar / G.V. Sumner // Phoenix.
— 1971. — Vol. 25, №3. — P. 246–271.
212. Suspène, A. Monnaies locales et identités: Le cas du monnayage colonial de la Nîmes augustéenne / A. Suspène // Revue numismatique. — 2012.
— T. 168. — P. 23–34.
213. Sutherland, C. H. V. L'attribution des deniers augusteéens aux types du «temple», de la «couronne» et du jeune taureau / C.H.V. Sutherland // Revue numismatique. — 1974. — T. 16. — P. 49–67.
214. Sutherland, C.H.V. Compliment or Complement? Dr. Levick on Imperial Coin Types / C.H.V. Sutherland // Numismatic Chronicle. — 1986. — Vol. 146. — P. 85–93.
215. Sutherland, C.H.V. The Purpose of Roman Imperial Coin Types / C.H.V. Sutherland // Revue numismatique. — 1983. — T. 25. — P. 73–82.
216. Swan, M. The Consular Fasti of 23 B. C. and the Conspiracy of Varro Murena / M. Swan // HSCPh. — 1967. — Vol. 71. — P. 235–247.
217. Syme, R. Imperator Caesar: A Study in Nomenclature / R. Syme // Historia. — 1958. — Bd. 7. — P. 172–188.
218. Syme, R. Lentulus and the Origin of Moesia / R. Syme // JRS. — 1934. — Vol. 24. — P. 113–137.
219. Syme, R. Tacitus: in 2 vols. / R. Syme. — Oxf.: Clarendon Press, 1958. —
Vol. 1. — 1958. — P. 1–464.
Vol. 2. — 1958. — P. 465–856.
220. Syme, R. The Augustan Aristocracy / R. Syme. — Oxf.: Clarendon Press, 1986. — 560 p.
221. Syme, R. The Roman Revolution / R. Syme. — Oxf.: Clarendon Press, 1939. — 568 p.
222. Tarwacka, A. «Censoria potestas» Oktawiana Augusta / A. Tarwacka // Zeszyty prawnicze. — 2011. — T. 11, № 1. — P. 360–375.

223. Taylor, L. R. Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar / L.R. Taylor. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1966. — 175 p.
224. Taylor, L. R. The Divinity of the Roman Emperor / L.R. Taylor. — Philadelphia: Porcupine Press, 1975. — 296 p.
225. Toher, M. Divining a Lost Text: Augustus' Biography and Βίος Καίσαρος of Nicolaus of Damascus / M. Toher // The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / [ed. Ch. Smith, A. Powell]. — Swansea: Classical Press of Wales, 2009. — P. 125–144.
226. Toher, M. Octavian's arrival in Rome, 44 BC / M. Toher // CQ. — 2004. — Vol. 54, №1. — P. 174–184.
227. Tortorici, E. L'attività edilizia di Agrippa a Roma / E. Tortorici // Il bimillenario di Agrippa. — Genova: Dipartimento di archeologia, filologia, classica e loro tradizioni, 1990. — P. 19–57.
228. Toutain, J. Gallia / J. Toutain // Dizionario epigrafico di antichità romane / Ed. E. de Ruggiero. — Vol. 3. — Roma: L. Pasqualucci, 1922. — P. 376–421.
229. Verdin, F. Marcus Agrippa et l'Aquitaine / F. Verdin, M. Chataigneau // Aquitania. — 2013. — T. 29. — P. 69–104.
230. Vervaet, F. J. The Secret History. The official Position of Imperator Caesar Divi filius from 31 to 27 BCE / F.J. Vervaet // Ancient Society. — 2010. — Vol. 40. — P. 79–152.
231. Vervaet, F. J. On the Military Crowns Awarded after Naulochus. Historical Circumstances and Wider Significance / F. J. Vervaet, Ch.J. Dart // Historia. — 2018. — T. 67, №3. — P. 313–345.
232. Wallace-Hadrill, A. Image and Authority in the Coinage of Augustus / A. Wallace-Hadrill // JRS. — 1986. — Vol. 76. — P. 66–87.
233. Wallace-Hadrill, A. Suetonius: the Scholar and His Caesars / A. Wallace-Hadrill. — L.: G. Duckworth & Co. Ltd., 1983. — 216 p.

234. Wallmann, P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 c. Chr.)* / P. Wallmann. — Frankfurt am Main; N.Y.: P. Lang, 1989. — 364 S.
235. Wallmann, P. *Untersuchungen zu Militärischen Problemen des Perusinischen Krieges* / P. Wallmann // *Talanta*. — 1975. — Vol. 6. — S. 58–91.
236. Wardle, D. *Agrippa's Refusal of a Triumph in 19 B.C.* / D. Wardle // *Antichthon*. — 1994. — Vol. 28. — P. 58–64.
237. Weinstock, S. *Divus Julius* / S. Weinstock. — Oxf.; N.Y.: Clarendon Press, 1971. — 469 p.
238. Welch, K. *Appian and the Roman History: a Reappraisal* / K. Welch // *Appian's Roman History: Empire and Civil War* / [ed. K. Welch]. — Swansea: The Classical Press of Wales, 2015. — P. 1–14.
239. Welch, K. *Programme and Narrative in Civil Wars 2.118–4.138* / K. Welch // *Appian's Roman History: Empire and Civil War* / [Ed. K. Welch]. — Swansea: The Classical Press of Wales, 2015. — P. 277–305.
240. White, P. *Julius Caesar in Augustan Rome* / P. White // *Phoenix*. — 1988. — Vol. 42, №4. — P. 334–356.
241. Wiseman, T. P. *The Census in the First Century B.C.* / T.P. Wiseman // *JRS*. — 1969. — Vol. 59. — P. 59–75.
242. Wiseman, T.P. *Legendary Genealogies in Late-Republican Rome* // T.P. Wiseman // *Greece & Rome*. — 1974. — Vol. 21, № 2. — P. 153–164.
243. Wiseman, T.P. *Some Republican Senators and their Tribes* / T.P. Wiseman // *CQ*. — 1964. — Vol. 58. — P. 131–132.
244. Wood, S. *Urban Imagery and Visual Narrative: The Campus Martius in the Age of Augustus [Электронный ресурс]* / S. Wood // *The School of Historical Studies Postgraduate Forum e-Journal*. — Ed. 2. — 2003. — Режим доступа:
<https://www.societies.ncl.ac.uk/pgfnewcastle/files/2015/05/Wood-Urban-Imagery-and-Visual-Narrative.pdf> (дата обращения: 01.09.2018 г.).

- 245. Woodman, A.J. Velleius Paterculus: the Tiberian Narrative (2. 94–131) / A.J. Woodman. — Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1977. — 292 p.
- 246. Wright, F.A. Marcus Agrippa. Organizer of Victory / F.A. Wright. — L.: George Routledge & Sons Ltd, 1937. — 268 p.
- 247. Yavetz, Z. Plebs and Princeps / Z. Yavetz. — Oxf.: Clarendon Press, 1969. — 170 p.
- 248. Zanker, P. The Power of Images in the Age of Augustus / P. Zanker. — Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1990. — 385 p.
- 249. Zarrow, E. M. The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate (44 BCE — CE 14): PhD Diss. / Zarrow Edvard Martin. — New Haven, 2007. — 243 p.
- 250. Ziolkowski, A. Was Agrippa's Pantheon the Temple of Mars «In Campo?» / A. Ziolkovsky // PBSR. — 1994. — Vol. 62. — P. 261–277.
- 251. Ziolkowski, A. What did Agrippa's Pantheon Looked Like? New Answers to an Old Question / A. Ziolkovsky // The Pantheon in Rome. Contributions to the Conference, Bern, November 9–12, 2006 / [hsg. G. Graßhoff, M. Heinzelmann, M. Wäfler]. — Bern: Univ. Bern, 2009. — P. 29–39.